

ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 3, 2014

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušajev
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
Ing. **F. Bušina**, Ph.D., MBA (doktor v oboru ekonomie – Kolín, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
doc. **S. J. Devátých**, CSc. (docent v oboru psychologie – Vitebsk, Bělorusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp**, PhD (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejcová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Lid'ák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kolín, Česká republika);
prof. **N. V. Mitjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika);
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovský**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»

publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 3, 2014

THE FOUNDER
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
Ing. **F. Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Kolin, Czech Republic);
assistant professor. **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
assistant professor **S. Yu. Devyatych**, Candidate of Psychological Sciences, (Vitebsk, Belarus);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp**, PhD. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova**, PhD. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic);
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kolin, Czech Republic);
T. Sigmund, PhD. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, PhD. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova**, PhD. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

OBSAH

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF	13
--------------------------------	----

Teorie a analýza

HISTORICKÉ VĚDY

Lishchuk-Torchynska T. P. Strategies of synthesis in narrative historical writing	15
---	----

EKONOMIKA

Лавриченко О. В. Интенциональность теории экономики активного коннекта	22
--	----

FILOZOFICKÉ VĚDY

Котлярова В. В. Критика парадигмального подхода Т. Куна представителями постпозитивизма.....	28
Сагдиев Х. Ё. «Хизб Ат-Тахрир Ал-Исламия» и «Ахл Ас-Сунна Ва-Л-Джамаа»: принципы и теологические различия	34

FILOLOGICKÉ VĚDY

Муминов А. Категория дерогативности в разносистемных языках	42
---	----

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Глухенькая Н. М. Исследование кадровой политики организации: подходы, принципы, методы	46
---	----

SOCIÁLNÍ VĚDY

Чекштурина В. Н. «Руны мысли»: социо-коммуникативный подход.....	49
--	----

Empirický a aplikovaný výzkum

HISTORICKÉ VĚDY

Давранова Ю. У., Эрбутаева У. С. Упоминания о Чаче и Илаке в средневековых рукописях	53
--	----

FILOZOFICKÉ VĚDY

Аверьянова Н. Н.

Изобразительное искусство как форма деятельности
украинских шестидесятников56

FILOLOGICKÉ VĚDY

Vlasenko L.

Sarah Tolstaya is the bright representative of romantic group59

Сысоева О. А.

«Вторичные» жанры в современной русской прозе62

Алтухова О. Н.

Аллюзивные ономастические единицы как средство создания
мегаконтекста в произведениях В. Пелевина65

Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б.

Лексикографическое представление терминов
в переводном словаре68

Nifanova T. S.

Etymological peculiarities of names of cloths in English71

Тухтасинов И. М.

Национально-культурная специфика сложных слов, выражающих
внешность и характер человека (на материале английского
и узбекского языков)74

PRÁVNÍ VĚDY

Кобец П. Н.

Вопросы совершенствования административного законодательства
Российской Федерации79

Бышов Д. В., Радайкина И. В.

Ответственность за нарушения, допущенные в процессе
строительства и эксплуатации здания82

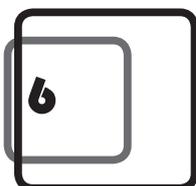
PEDAGOGICKÉ VĚDY

Stroykina L. V.

Determination of the foundations of pedagogical management
of resources and conditions of continuous education85

Baeva D. C.

The interactive multimedia as a language learning resource
on the initial level of language acquisition90

Ращупкина К. С.

Организация практико-ориентированного коллоквиума как одна из форм контроля сформированности речевых компетенций студентов гуманитарных факультетов в системе бакалавриата.....93

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Шахова Н. Е.

Типология субъектов в контексте ценностно-смысловой организации пространства.....96

Тучина О. Р.

Смысловые особенности самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности 103

Савельева А. Г.

Нравственное развитие молодежи..... 107

Мелёхин А. И.

Использование теста рисования часов в скриннинг-обследовании когнитивного дефицита 110

Шорохова В. В.

Влияние балансирования на состояние внимания учащихся младших классов с нарушениями интеллекта 128

Павлова Е. Н.

Формирование совести как профессионально значимой характеристики нравственного развития личности будущего психолога 136

Байбекова Н. Р.

Анализ результатов определения профессиональных предпочтений психологов 139

Мельник Л. П.

Повышение удовлетворенности трудом педагога..... 142

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Корсунская Л.Л., Трушкевич А. А., Чуприна Л. А., Степур А. А.

Клинико-патогенетические характеристики синдрома головной боли при микропролактиноме гипофиза у женщин репродуктивного возраста 145

Белик С. Н., Кушнарера О. Э., Федорова К. Ю.,

Давыдов Д. В., Васильев А. В.

Структурные особенности завершенных суицидов в городе Ростове-на-Дону за период 2012–2013 гг.....151

SOCIÁLNÍ VĚDY

Хайруллина Н. Г.

Исследование социальных проблем мигрантов
в Тюменской области157

Пивоварова И. В.

Проблемы института семьи в России: причины и пути решения 163

Akademičký život

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана,
Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2014 году..... 168
Информация о журналах «Социосфера»и «Paradigmata poznání» 174
Информация о журнале «Acta Humanitas» 183
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 185

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF 13

Theory and Analysis

HISTORICAL SCIENCES

Lishchuk-Torchynska T. P.
Strategies of synthesis in narrative historical writing 15

ECONOMICS

Lavrichenko O. V.
Intentionality of the theory of economics of active connect.....22

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Kotlyarova V. V.
Criticism paradigm approach of T. Kuhn representatives postpositivism.....28

Sagdiev Kh. Yo.
«Hizb Ut-Tahrir Al-Islamiyya» and «Ahl Al-Sunnah Wa Al-Jama'ah»:
principles and theological differences34

PHILOLOGICAL SCIENCES

Muminov A.
Category of derogativeness in non-related languages42

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Glukhenkaya N. M.
Study personnel policy organization: approaches, principles, methods.....46

SOCIAL SCIENCES

Chekshturina V. N.
«Runes of thought»: socio-communicative approach.....49

Empirical and applied research

HISTORICAL SCIENCES

Davranova Yu. U., Erbutaeva U. S.
The mentionings about Chach and Ilak in medieval manuscript 53

Paradigmata poznání. 3. 2014

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Averyanova N. N.

Art as a form of activity of the Ukrainian shestydesiatnyky56

PHILOLOGICAL SCIENCES

Vlasenko L.V.

Sarah Tolstaya is the bright representative
of romantic group59

Sysoeva O. A.

The secondary genres in modern Russian prose62

Altukhova O. N.

Proper names as allusions in a megacontext of Victor Pelevin's prose.....65

Parsieva L. K., Gatsalova L. B.

A lexicographical representation of the terms
in the translation dictionary.....68

Nifanova T. S.

Etymological peculiarities of names of cloths in English 72

Tukhtasinov I. M.

Cultural identity of difficult words to express the appearance
and character of a person (on the basis English and Uzbek) 74

JURIDICAL SCIENCES

Kobets P. N.

Issues of improvement of administrative legislation
of the Russian Federation79

Byshov D. V., Radajkina I. V.

Responsibility for violations committed during
the construction and operation of the building82

PEDAGOGICAL SCIENCES

Stroykina L. V.

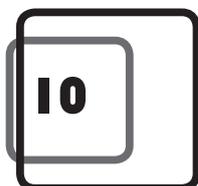
Determination of the foundations of pedagogical management
of resources and conditions of continuous education85

Baeva D. C.

The interactive multimedia as a language learning resource on the initial level
of language acquisition.....90

Rashchupkina Ch. S.

The organization of a practical colloquium
as a form of control of speech competencies of students
of the humanities in undergraduate system93

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Shahova N. E.

A typology of subjects is in context of valued-semantic organization of space.....96

Tuchina O. R.

Semantic features of self-understanding of ethnocultural identity of the personality 103

Savelieva A. G.

Moral development of youth 107

Melehin A. I.

Using the clock drawing test in the screening diagnosis of cognitive deficits 110

Shorokhova V. V.

The impact of balancing on the state of attention of junior pupils with intellectual disabilities 128

Pavlova E. N.

The formation of conscience as professionally important features of the moral development of the personality of a future psychologist 136

Baybekova N. R.

Analysis of the results describing professional psychologists' preferences 139

Melnik L. P.

Increase the job satisfaction of the teacher..... 142

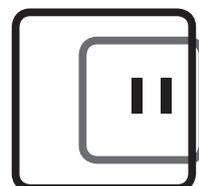
MEDICAL SCIENCES

Korsunskaya L. L., Trushkevich A. A., Chuprina L. A., Stepur A. A.

Clinical and pathogenetic characteristics syndrome headaches in women of reproductive age with pituitary microprolactinomas..... 145

Belik S. N., Kushnareva O. E., Fedorova K. Y., Davidov D. V., Vasilyev A. V.

The structural peculiarities of the completed suicides in the city of Rostov-on-Don for the period 2012–2013.....151

SOCIAL SCIENCES

Khairullina N. G.

The study of social problems of migrants in the Tyumen region157

Pivovarova I. V.

Problems of the institute of family in Russia: causes and ways to solution..... 163

Academic life

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere-CZ» (Prague) in 2014171

Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»177

Information about the journal «Acta Humanitas» 183

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 186

Scientific thinking enables to consider objectively and evaluate objects and phenomena, so the development of science implies profound, comprehensive view of the world and enrichment of the scientific worldview. Thanks to the diligence of the great minds of humanity the new discoveries are made that serve to the greatest satisfaction of needs of people, facilitation of their living conditions, greater use of natural and social resources by them. It should be noted, despite the fact that many scientific breakthroughs, qualitative leaps in scientific thinking are associated with the names of individual scientists who belong to a particular nationality, particular nation, the state, and their merits are considered universal achievements.

An important conclusion follows herefrom that the science is the universal property, because the history of science, scientific discoveries and achievements is studied systematically with great attention in all corners of the globe by all peoples of the world. For example, such big names in the natural sciences, as I. Newton, A. Celsius, M. V. Lomonosov, C. Coulomb, M. Faraday, Mendeleev, A. Einstein and others, in the social and humanitarian sphere – T. Hobbes, C. Montesquieu, Jean-Jacques Rousseau, H. Holbach, A. Comte and others today are close to every modern man. As A. P. Chekhov claimed: “There is not national science, likewise there is no national multiplication table”.

However, all shifts in science are subject to the fact how methodological principles and approaches are developed, selected and applied. Methodology as a science about the methods of cognitive process of nature, society and human conscious-

ness is a complex system of principles, approaches, methods and tools by which the essence and law of development of things, phenomena and events are revealed. Also, methodology is the basis of a full-rate practice. Properly designed methodological provisions allow to analyze objectively the subject of study and to perform as a formula of appearance of new knowledge and solving urgent scientific and practical problems.

Methodology is used to maximum and clear definition of concepts, predetermines prediction of the course of events. Every science has its methodological bases by which scientific achievements are made. Philosophy acts as a general methodology for all systems of knowledge. Identifying common traits and laws of development of all the sciences, it develops common methodological attitudes, principles and methods that are used in all fields of scientific knowledge. It should be noted that methodology as a set of advanced scientific principles and methods is the basis of further research and a source of mechanisms aimed at change in practical life.

In general, the development of science implies profound, comprehensive view of the world and enrichment of the scientific worldview. This, in turn, is essential factor for the rational understanding by nations, peoples and countries of the relationship and interdependence between them. In other words, science as a specific, holistic view of the world as an effective mechanism to strengthen the culture of tolerance and patience.

The methodological principles of social and human sciences are especially directly related to the methods and principles of

the philosophy of tolerance. The principles of humanity selected from various humanitarian disciplines within the methodology of philosophy of tolerance are improved and enriched with new meanings. Thus own methodological system of tolerance is generated.

Science also promotes interaction between cultures, which is accompanied by direct relationship, bonds, influences and mutual changes between two or more cul-

tures. Due to its integrative function, science unites scientists of different nationalities, religions and sex, concentrates their scientific potential and aims at solving the acute problems of our time.

Thus, scientific thinking, advanced methodological principles and ideas, and their functioning is a process of direct interrelations between different cultures, their results, which the implemented changes are reflected.

I. G. Doroshina

UDC 930.1:1+303.1

STRATEGIES OF SYNTHESIS IN NARRATIVE HISTORICAL WRITING

T. P. Lishchuk-Torchynska *Candidate of Philosophical Sciences,
associate professor
National Pedagogical Dragomanov University,
Kyiv, Ukraine*

Summary. In the article synthesis of theory and research programs, synthesis of world-views, synthesis of languages are defined as basis strategies of synthesis in narrative historical writing, historiographical styles and types of historical narrative are accented as revealing of synthesis in historical writing. Based on research of H. White's and J. Rusen's approaches the synthesis is identified as a promising in the historical work on the criterion grounds the synthesis of formation of structure or content of narrative text.

Keywords: interdisciplinary synthesis in history; «double (binocular) vision»; linguistic synthesis in historical text; formation of structure or content of the historical text; historical thinking; historical memory; historical experience.

Today there are paradigmatic shifts in the field of historical science. Accordingly, the historians face new challenges and at the same time there is a reformulation and search of new solutions within those key subjects of the historical discourse, with have already arisen in it in 1950th. The presence of different theoretical approaches to interpretation of the past in history leads to need for their synthesis in theory and practice. A questions of synthesis of scientific approaches is not only a problem of history, rather it is common to philosophy, sociology and other disciplines of social and human cycle and in due time acquired the relevance in each of them. However, exactly in history it became especially acute and philosophers and historians offered a series of productive decisions in this area.

I. Nikolaeva is examining interdisciplinary synthesis matters in contemporary historical scholarship. The researcher attributes such synthesis to historical focusing on the new objectivity and defines it as a combination of methodological resources of macro- and micro-levels of historical search and appeal to both rational and unconscious sphere of human existence. She shares the position of L. Repina for determining backbone strategy integration / synthesis of historical knowledge, the core of with is «search for unifying principle in construction of the past» [8, p. 11].

Researchers are studying separate experience of methodological synthesis in historiography. Particularly, A. Gurevich and B. Mohilnitskyi studied the experience that that hat been gained by School «Annals» [2, p. 6]. T. Romadina appealed to

the synthesis of research strategies in the works of M. Bloch – founder of the School «Annals» – and focused on use of the resources of comparative method in his research [11]. Yu. Vermenych speculates about the new methodological synthesis in history. He believes that one way to achieve this synthesis is the combination in scientific cognition of world-system and civilization approaches, as well as macro-, meso- and micro-approaches and offset of historians' focus to regional history [1]. Yu. Troickyi outlines a combination of different discursive strategies in historical writing and formation upon this basis of a new type of historiographical writing as a promising direction of a methodological synthesis in historiography [15]. In V. Kerov's opinion methodological synthesis should be carried out on the basis of combination of traditional and postmodern approaches [3].

Some scientists study how methodological synthesis in historical scholarship was applied to various subjects under research. In particular, D. Chernienko chooses in this sense the ethnic image in history as subject of research [16]. I. Nikolaeva investigates charisma of French kings in early medieval Europe, mentality and historical personage [8].

Idea of methodological synthesis in historical science appeared at School «Annals» from its inception as a methodological contrast to the «narrative history». «Event-history» is a direction in historiography, with has been prevailing from the 19th century, and its result in the form of historical writing – historical narrative – has been criticized because different aspects of social life in it are separated by impervious framework of case studies. The principle of complex analysis of social phenomena and interdisciplinary became basis curriculum principles of School «Annals». Another feature that distinguishes of School «Annals» from of «narrative history» in historiography is to focus of the former on the «long cycle» of social life.

However, social history, which was mostly produced by School «Annals» later revealed the narrowness of the methodological basis and tools in the study of the historical past. Exclusion of political history and history of nations from historical analysis, non-acquaintance of role of case in history, fragmentarity and, therefore, lack of integral image of the past, «tyranny of facts» – these are just some of the drawbacks of this direction mentioned by L. Stone [13, p. 160–163].

Historical research being guided by the program narrative approach can reveal relevant topics of history. Coverage of topics related to identification of an individual historical measurement and historicity of human existence, in historical science conforms to guidelines of narrative philosophy of history: to understand and interpret historical past. Today due to the «narrative turn» in history the question of synthesis of approaches, theories, methods on the basis of narrative historical writing raises. The purpose of the article is to study the basic synthesis strategies of the narrative historical writing and to identify the ways, upon with the present synthesis is grounded.

Narrative historians' work in condition of structural approach followers' criticism and new challenges before historical scholarship change the established practices of narrative historical writing. Understanding of the complexity of insight of the past in the narrow framework of the traditional historical narrative was also among the representatives of the “new intellectual history”. L. Repina, referring to reasoning of G. Spiegel, observes: “...it is unclear how to describe multidimensional, vaguely articulated dynamics of social practice, which is devoid of a dominant vector, in traditional forms of the historical narrative” [9, p. 19].

L. Stone, like to H. White and F. Ankersmit, treats narrative as “...Narrative is taken to mean organization of material in a chronological order and focusing of the content into a single coherent story, albeit

with sub-plots” [18, p. 3], and as «a mode of historical writing, but it is a mode which also affects and is affected by the content and the method» [18, p. 4], and as well as text, with «is... directed by some “pregnant principle”, and with possesses a theme and an argument» [18, p. 4].

One of synthesis options is implemented non on the basis of subordination to a specific strategy or synthesis of epistemological strategies on the basis of a single, dominant one, but taking into consideration the change of the objectivity of historical discourse, the subject of the historical research. Methodological synthesis in a historical narrative text is stipulated by some objectivity that is recognized by scientific community as relevant. Characterizing the priority directions of modern historiographical discourse, Yu. Vermenych traces its thematization within the 20th century. He identifies the following broad topics of historical research: the first half of the 20th century – global studies represented by O. Spengler and A. Toynbee’s concepts of cyclic development and formation approach in Marxist social science theory, in the second half of the century – focus on local history, at the beginning of the 21st century – historian return to the problems of globalistics. The last period is qualitatively different by its content from the ideas that prevailed in the philosophy of history in the first half of the 20th century – in contemporary historical discourse, according to Yu. Vermenych, dominated models “universal history”, “new international history”, “transnational history” [1, p. 12].

It is clear that an interdisciplinary synthesis in the historical research is not an end in itself: in every particular study it is conditioned by subject of the research and must to meet the goal and objectives of the study. I. Nikolaeva affirms: “The problem of historical synthesis is only outwardly related to the matter of coordination of different disciplinary methods, but, in fact, it has deeper methodological

grounds” [8, p. 11]. The use of methods and concepts borrowed from other sciences in the historical research foresees a preliminary work on their adaptation to the specific research purposes and testing. First of all, two conditions are important for interdisciplinary analysis must be taken into account: these are – “internal coherence of concepts and tools borrowed from other disciplines, and their compatibility with theories and methods selected for analysis of the specific historical problem” [8, p. 33–34].

The question of determination of philosophical theoretical directions, which can be the foundation of the research either mutually exclusive or complementary, is usually solved in practice of historical research. As for the theoretical developments in this area, idea of synthesis of hermeneutics and structural semantics within the limits of development of concept of «double meaning», with was developed by P. Ricouer in his work “The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics” (1969) [10].

Another strategy of narrative synthesis, which is realized in the process of the research and objectified in historical text, refers to the synthesis of paintings of the world. In this case, the history is represented through based a set of problems based on double subjective measurement as an unexpressed presence in historical texts of present (time of historian) or, as it is defended by J. Rusen, «the present of conditional», and as subjectivity that belongs to the time exploring researched. On this occasion, A. Lubsyky expresses his opinion, referring to A. Gurevich, about stereoscopy of the picture of the story represented in such a way: “Due to a combination of “internal and external” descriptions a historian gets a “double (binocular) vision” one is based on analysis of the past flown through a categorical grid (so-called “scientific understanding of history”); another vision is the result of perception of the life by people of the past that being studied.

These two pictures, with in principle cannot coincide, however, must be coordinated with each other" [5, p. 152]. The combination of a great erudition and a bright imagination in historian's research activity is important for comprehension of the past in the spirit in the spirit of this installation.

According to Yu. Lotman, "standpoint (...) is directly correlated with such issues in the secondary modeling systems as position of the author of the text, the problem of truth and the problem of personality" [4, p. 254]. Modeling of the world in the text (to characterize this method of action Yu. Lotman uses such terms as "type of outlook", "picture of the world", "model of culture" [4, p. 254–256], has resulted in the presence in the letter of the certain system of values, and every text is ideological in this sense.

Another aspect of narrative synthesis strategy is a combination terminological and metaphorical language in the historical texts. Yu. Troickyi examines this problem using R. Bart's thesis about combination of «system» of belligerent "historical languages" in the text [15, p. 160]. Indeed, the trend towards metaphor promotes a deep understanding of the past – it is confirmed by different functions of metaphors in the historical text. According to Ye. Topolskyi, "...methaphor is one of means of conceptualization in the historiography" [14, p. 196]. Comparing various authors' position he focuses on heuristic, cognitive (interpretation) and figurative functions of metaphor distinguished by M. Mandelbaun and notes that "condition for implementation of figurative function is obviously an interpretational competence of the recipient related do his linguistic competence" [14, p. 203]. Consequently, metaphorization of the past is tangent to deep layers of reflection over the past that are related to familiarization with the language, culture, mentality and time, with provides rather taking roots in culture than an outsider's view. Furthermore, "... metaphor is a specific abbreviated state-

ment of opinion, which allows to perform a laconic representation of complex information necessary to construct of narrative historian" [14, p. 197].

When studying the linguistic synthesis available in the historical text, Yu. Troickyi is guided by approaches of D. Rice and P. Schuffer, who "...identified four types of rhetorical strategies in the area of figurative discourse: metaphorical, metonymical, synecdochical and ironical" [15, p. 160]. In his opinion, the combination of these strategies in the historical text provides a description of the desired fullness. H. White defined the same types of rhetorical strategies in his work "Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe" (1973) justifying his concept of historical style of a historians or a philosopher of history. Each of the above rhetorical strategies performs its function in historical text. H. White defined the historical text as an integral one not on the ground of mechanical combination of different type of theoretical strategies. He defined the ideal types of historical texts based on the study of their structural content by applying the following criteria to them, or, in his word, "the following levels of conceptualization in the historical work:

- 1) chronicle;
- 2) story;
- 3) mode of emplotment;
- 4) mode of argument;
- 5) mode of ideological implication" [19, p. 5].

In the context of H. White's logic of historical texts construction a conclusion in made that the use in the one type of text of the components of other types would destroy of historiographical style. H. White don't realize the narrative synthesis under the principle of "combining all", as a consequence there is eclecticism, but under the principle of integrity to be implemented in particular type of historical narrative (for example, in the second part of the above work he examines possible ways of historical realism implementation (as Romance,

as Comedy, as Tragedy, as Satire) in works of Alexis de Tocqueville, Leopold von Ranke, Jules Michelet, Jacob Burckhardt) [19].

J. Rusen identifies the following principles of formation of historical content ensuring presentation of the past in the historical text: “a rising base memory, representation about the passage of time, form of communication, the concept of identity” [12, p. 28]. Application of the proposed criteria enables typology of historical texts. Types of historical content formation distinguished by J. Rusen – traditional, exemplary, critical and genetical – are characterized as historically modifiable, although the author typology does not exclude at present an opportunity of their co-existence. One of the applications of this typology J. Rusen defines “to classify historical works” and gives examples of such classification [17, p. 93].

Synthesis of the historical text, which is the result professional historians’ scientific research, is aimed at strengthening of the integrity and content of presentation of the past. “History... is the problem of memory, reality, truth”, – says P. Ricoeur [7, p. 178]. So, in the historical narrative these problems are intertwined and require both differentiation and synthesis, which would be carried out on the new basis.

Broadly speaking, the historical narrative is a unity of historical thinking, historical memory and historical experience. Historical thinking reflects the view to the past, which prevails among contemporaries. Special attention should be paid to J. Rusen’s analysis of thematization in the philosophy of the history of developmental peculiarities of historical thinking to contemporary ideas about dominance of “verbal procedure” in historical thinking [12, p. 34]. Historical memory “interferes” in the field of historical narrative, as it provides connection of the past with the present, in other words – “mental continuity of generations”. It allows to interpret the present and to place it in the time continuum, its inclusion in the network of

cause-and-effect relationships. Historical memory makes event important, distinguishes variable ones and actualizes them [12, p. 34]. However, there are inconsistencies between on the fact-oriented history and of the memory work: “A gap of memory and fact occurs at three levels:

1) *documentary*. These are traces, which have been converted into the archives. Here one can ask questions about the truth. However, evidence can be untrue;

2) *explanatory (explication)*. This is a long list of events, facts that organize. At the same time this is criticism of economic, political (economy, politics) events, role of the personality in the history. Here begins the history of compromising interpretation;

3) *biographical* (history of periodic, comparative publications demonstrates this gap). At this level the totalitarianism in the history is possible” [7, p. 178].

Prerequisite of historical content formation / creation is an experience of the previous life of bygone: “Before competence of reflexively fulfilled formation of content can show itself in the relevant narrative practices, subject has to get it as social reality of his life” [12, p. 60]. Historical experience may acquire positive or negative values depending on the current estimates of events associated with it. To understand ourselves in history (whoever was the subject of awareness – an individual or the whole nation) both positive and negative historical experience (but in different ways) should be integrated as well as experience of others, who are tangential to our historical existence. According to J. Rusen, this is especially important in the process of acquisition of historical identity and formation of historical culture. The historical experience is involved in the development of historical content, together with historical thinking and historical memory: “Historical experience will loses its meaning, if it loses touch with other dimensions of historical content” [12, p. 69]. Narrative synthesis in the text of such kind, in with content the above components are combined,

in our opinion, is to a considerable degree realized in the works, the way of historical writing of which can be determined as “a new historical narrative”.

The article discussed the strategy of synthesis in historical writing, how they act at the level of separate narrative text, however, this range of problems is not exhausted with such raising of the question. The broader approach may involve the synthesis of historical writing of one historical event or history or subject of historical research, with is localized in space and represented by various researches and, consequently, in different text, with have to “carry on a dialogue”. Thus, the narrative synthesis should be considered not only in relation to a particular text, but to the whole set of texts united with a common theme in representation of the image of the past.

Bibliography

1. Верменич Я. В. Локально-регіональні рівні вітчизняного нарративу / Український історичний журнал. – 2013. – № 5. – С. 4–23.
2. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М. : Индрик, 1993. – 328 с.
3. Керов В. В. Дискурсивный анализ в социоисторическом подходе: потенции методологического синтеза // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. – М. : Логос, 2005. – С. 146–160.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб. : Искусство–СПб, 1998. – С. 14–285.
5. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2005. – 340 с.
6. Могильницкий Б. Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. – М. : Логос, 2005. – С. 14–42.
7. Непосредственное знакомство: П. Рикер, Ж. Бодрийяр на философском факультете / сост. А. С. Колесников; ред. А. С. Колесников // Мысль. – СПб., 1997. – Вып. 1. – С. 178–185.
8. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 410 с.
9. Репина Л. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – К. : Інститут історії та історії історичної науки. – К. : Інститут історії України НАН України, 2008. – № 3. – С. 11–26.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступ. ст. П. Вдовиной. – М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.
11. Ромадина Т. И. Компаративный метод в контексте междисциплинарного синтеза: опыт исследований М. Блока // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2007. – № 2 (52). – С. 132–135.
12. Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення / пер. з нім. В. Кам'янець. – Львів : Літопис, 2010. – 358 с.
13. Стоун Л. Будущее истории. – Thesis. – 1994. – Вып. 4. – С. 160–176.
14. Топольський Є. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нарації / пер. з польськ. Н. Гончаренко; наук. ред. докт. іст. наук Ю. Волошин. – Київ : К. І. С., 2010. – 400 с.
15. Троицкий Ю. Л. Историографический дискурс и возможность синтеза // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. – М. : Логос, 2005. – С. 160–163.
16. Черниенко Д. А. Этнический образ в истории как объект междисциплинарного синтеза // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. – М. : Логос, 2005. – С. 177–183.
17. Rusen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – Vol. 26. – № 4. Beiheft 26: The Representation of Historical Events (Dec., 1987). – P. 87–97.
18. Stone L. The Revival to Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. – 1979. – No. 85 (Nov.). – P. 3–24.
19. White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. – Baltimore & London : The Johns Hopkins University Press, 1973. – 448 p.

Bibliography

1. Vermenych Ya. V. Lokal'no-rehional'ni rivni vitchyznyanoho naratyvu // Ukrain's'kyu istorychnyy zhurnal. – 2013. – № 5. – P. 4–23.
2. Gurevich A. Ya. Istoricheskiy sintez i shkola «Annalov». – М. : Indrik. 1993. – 328 p.

3. Kerov V. V. Diskursivnyy analiz v sotsioistoricheskom podkhode: potensii metodologicheskogo sinteza // Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, vozmochnyye perspektivy / red. B. G. Mogil'nitskiy, I. Yu. Nikolayeva. – M. : Logos, 2005. – P. 146–160.
4. Lotman Y. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Lotman Yu. M. Ob iskusstve. – SPb. : Iskusstvo–SPb, 1998. – P. 14–285.
5. Lubskiy A. V. Al'ternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya / otv. red. Yu. G. Volkov. – M. : Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 2005. – 340 p.
6. Mogil'nitskiy B. G. Mezhdistsiplinnyy sintez: uroki shkoly «Annalov» // Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, vozmochnyye perspektivy / red. B. G. Mogil'nitskiy, I. Yu. Nikolayeva. – M. : Logos, 2005. – P. 14–42.
7. Neposredstvennoye znakomstvo: P. Ricer, Zh. Bodriyyar na filosofskom facul'tete / Sost. A. S. Kolesnikov. Red. A. S. Kolesnikov // Mysl'. – Sankt-Peterburg, 1997. – Vyp. 1. – P. 178–185.
8. Nikolayeva I. Yu. Polidistsiplinnyy sintez i verifikatsiya v istorii. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. – 410 p.
9. Repina L. «Vyzov i otvet»: perspektivy istoricheskoy nauki v nachale novogo tisyacheletiya // Eydos. Al'manakh teorii i istorii istoricheskoy nauki. – K. : Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2008. – № 3. – C. 11–26.
10. Rikor P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o hermenevtike / Per. s fr. i vstup. st. P. Vdovinoy. – M. : Kanon-press-Ts; Kuchkovo pole, 2002. – 624 p.
11. Romadina T. I. Komparativnyy metod v kontekste mezhdistsiplinnogo sinteza: opyt issledovaniy M. Bloka // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. – 2007. – № 2 (52). – P. 132–135.
12. Ryuzen Y. Novi shlyakhy istorychnoho myslennya / Per. z nom. V. Kam'yanets'. – L'viv : Litopys, 2010. – 358 p.
13. Stone L. The Future of History. – Thesis. – 1994. – Vyp. 4. – P. 160–176.
14. Topol's'kiy Ye. Yak my pyshemo istoriyu. Tayemnytsi istorichnoyi naratsiyi / Per. z pol'sk. N. Goncharenko; nauk. red. dokt. ist. nauk Yu. Voloshin. – Kyiv: «K. I. S.», 2010. – 400 p.
15. Troitskiy Yu. L. Istoriograficheskii diskurs i vozmoshnost' sinteza // Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, vozmochnyye perspektivy / red. B. G. Mogil'nitskiy, I. Yu. Nikolayeva. – M. : Logos, 2005. – P. 160–163.
16. Cherniyenko D. A. Etnicheskii obraz v istorii kak ob'yekt mezhdistsiplinnogo sinteza // Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, vozmochnyye perspektivy / red. B. G. Mogil'nitskiy, I. Yu. Nikolayeva. – M. : Logos, 2005. – P. 177–183.
17. Rusen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – Vol. 26. № 4. Beiheft 26 : The Representation of Historical Events (Dec., 1987). – P. 87–97.
18. Stone L. The Revival to Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. – 1979. – № 85 (Now.). – P. 3–24.
19. White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. – Baltimore & London : The Johns Hopkins University Press, 1973. – 448 p.

© Lishchuk-Torchynska T. P., 2014

Ekonomika

УДК 338.24

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ АКТИВНОГО КОННЕКТА

О. В. Лавриченко

*Кандидат экономических наук
ОАО «Концерн Моринформсистема-Агат»,
г. Москва, Россия*

INTENTIONALITY OF THE THEORY OF ECONOMICS OF ACTIVE CONNECT

O. V. Lavrichenko

*Candidate of Economic Sciences
JSC «Concern Morinformsystem-Agat»,
Moscow, Russia*

Summary. The ripened need of development of the theory of economics of active connect as independent area of economic knowledge on the basis of the concept of innovative self-organizing business forming technologies developed by authors are stated in article; and basic elements of structure of the theory of economics of active connect are considered.

Keywords: innovative activity; innovative self-organizing business forming technologies; theory of economics of active connect; information connection approach; anthropogenous factor; succession; negentropy.

Введение

Как показывают результаты анализа экономической литературы, некоторые отечественные исследователи считают, что «теория инновационного развития как самостоятельная область знаний в настоящее время еще не состоялась и формируется как компилятивная, полидисциплинарная система знаний, включающая принципы, методы и подходы теории инновационного и инвестиционного менеджмента, теории экономического развития, эволюционной экономической теории, эконофизики, концепции самоорганизации нелинейных систем и др.» [8]. Автор не согласен с данной позицией, по его мнению, теория инновационного развития в российской экономической науке развивается, как и большинство современных теорий, по закону конвергенции, а отсюда ее полидисциплинарность и види-

мость компиляции, равно как и таких признанных самостоятельных областей знания, как эконофизика, экономическая психология и др.

Современное состояние теории инновационного развития

Первым толчком к началу серьезных исследований нововведений и их роли в экономическом развитии послужили исследования русского экономиста Н. Д. Кондратьева (1892–1938 гг.) в области волновой теории развития общества. Именно он первым показал наличие длинных конъюнктурных волн и определил развитие экономики как неравномерный и циклический процесс [1, с. 76–77].

В 1912 году австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883–1950 гг.) в работе «Теории экономического развития» выделил две стороны хозяйственной жизни: статическую (рутинный

кругооборот, связанный с постоянным повторением и возобновлением производства) и динамическую (кругооборот нововведений, которые действуют как внешний фактор и не встречаются в ситуации хозяйственного кругооборота).

Й. Шумпетер предложил понятие «нововведение», которое он понимал как использование новых комбинаций существующих производительных сил для решения коммерческих задач и видел в них источник развития экономических систем. Новые комбинации – это иное применение имеющихся в народном хозяйстве запасов средств производства. Он выделял базисные и вторичные нововведения и в целом заложил основы современной концепции инноваций [6].

Сам термин «инновация» им был введен в экономическую науку позже, лишь в 30-х годах прошлого века, хотя впервые термин появился еще в начале XIX века в научных исследованиях культурологов и означал введение некоторых элементов одной культуры в другую.

В 1939 году в работе «Деловые циклы» Й. Шумпетер увязал «длинно-волновую» концепцию развития экономики Н. Д. Кондратьева со своей инновационной концепцией, в результате чего сформулировал достаточно оригинальную теорию циклического развития. На основе теории длинных конъюнктурных волн деловой активности он выявил новую возможность вывода производственной системы из кризиса, связанную не с ростом масштабов деятельности, сокращением издержек или с ростом цены на прежнюю продукцию, а с изменениями в хозяйственном процессе за счет создания и внедрения инноваций. При помощи данных инноваций предприятие может использовать новые конкурентные приемы, отличные от прежних ценовых форм конкуренции [7, с. 134–135].

Концепция неравномерности инновационной активности составляет

основу современной теории инновационного развития, которая получила дальнейшее развитие в работах следующих ученых: английского исследователя Джонсона Аткинса Гобсона, который ввел понятие «сфера прогрессирующей промышленности»; американского специалиста по проблемам управления П. Друкера, доказавшего, что в основе инновации лежат новые знания; немецкого ученого Герхарда Менша, который выделил основные крупные группы инноваций; английских экономистов К. Фримена, Дж. Кларка и Л. Суйте, которые исследовали формирование технологических систем (как системы взаимосвязанных семейств технических и социальных нововведений) и диффузии нововведений; нобелевского лауреата Саймона Смита, который ввел понятия эпохальных инноваций и анти-инноваций; и ряд других.

Среди разработок современных российских школ теории инновационного развития наиболее яркими являются следующие научные концепции: регулирования рынка нововведений, сформулированная А. И. Анчишкиным; технологической квазиинновации (дифференциального научно-технического дохода), предложенная Ю. В. Яковцом; конкретных механизмов инновационного развития хозяйственных систем, выведенная учеными кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики РАГС под руководством профессора В. И. Кушлина; инновационных механизмов стратегического развития предпринимательских организаций в условиях информационного общества, сформулированная учеными кафедры общего менеджмента и предпринимательства МЭСИ под руководством профессора Л. С. Леонтьевой; технологических укладов, разработанная академиком С. Ю. Глазьевым и его коллегами.

Представители последней научной школы рассматривают волновую

теорию Н. Д. Кондратьева в развитии Й. Шумпетера как прогнозный базис 6-го инновационного технологического уклада экономики – жизненного цикла NBIC, являющегося конвергенцией или взаимовлиянием различных областей знаний (по первым буквам их названий: N-нано, B-био, I-инфо, C-когно). Информационные и когнитивные технологии, наряду с технологиями информационных и управляющих систем, входят в перечень критических технологий современной России, определенных в Указе Президента России № 899 от 7 июля 2011 года, а также являются приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники согласно «Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Разработанная автором концепция инновационных бизнесобразующих технологий подробно изложена в его монографии [2]. Нами также было доказано, что инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии – это технологии активного коннекта между участниками процесса реализации инновационных стратегий развития на предприятиях. А так как в них заключен системообразующий многоуровневый гипертекст в форме четкой и понятной интерактивной инструкции, то это требует исследования данной экономической категории в ином направлении экономической мысли, что интенционально обосновывает необходимость разработки самостоятельной области экономических знаний – экономики активного коннекта (эконоконнекта).

Основы теории экономики активного коннекта (эконоконнекта)

Состояние современной экономической науки напоминает сегодня те революционные изменения, которые происходили в конце XIX и в начале XX веков в физике. Они были столь фундамен-

тальны, что породили не только ее кризис, но и затронули ее философские основания. Именно поэтому для наглядности мы хотели бы остановиться на них более подробно.

Важнейшими открытиями к 1903 году, подорвавшими основы механической картины мира, стало открытие рентгеновских лучей, радиоактивного урана, электрона. Объяснить их в рамках механической картины мира не удавалось, все более явной становилась недостаточность классико-механического понимания физической реальности. Это вызвало определенное замешательство у ряда крупных физиков, что привело к коренному пересмотру прежних устоявшихся представлений о строении материи. Рухнуло основное положение атомистического материализма о неделимости, неизменности и неуничтожаемости атома, что послужило поводом для заявлений об исчезновении материи.

«Суть кризиса современной физики, – писал в 1908 году В. И. Ленин в исследовании «Материализм и эмпириокритицизм», – состоит в ломке старых законов и основных принципов. «Материя исчезла» – так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшееся в этот кризис» [3, с. 128]. Однако, характеризуя подлинный смысл выражения «материя исчезла», он показывает, что исчезает не материя, а тот предел, до которого мы ее знали. «Поэтому обнаружение того, что строение материи является гораздо более сложным, чем это казалось ранее, – это отнюдь не свидетельство несостоятельности материализма, ибо единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» [3, с. 165].

В настоящее время у многих исследователей также возникает ощущение,

что экономическая наука подошла к своему естественному рубежу, за которым ничего конструктивного уже нет, высказываются утверждения, что экономическая наука исчерпала собственный объект исследования и нуждается в постоянной подпитке идеями со стороны, чем и объясняется «заползание» экономических теорий в смежные сферы. Исходя из анализа работ по экономике, удостоенных Нобелевской премии [4], особенно явно это проявилось в 80-е годы прошлого века.

Некоторые исследователи данный факт классифицируют как своеобразный конец экономической науки, либо как ее кризис, к признакам которого относят: неverifiedируемость, то есть невозможность проверки выдвигаемых экономических теорий; нерешенность фундаментальных, базовых проблем на фоне тончайших исследований несущественных вопросов; излишняя математизация экономической науки; достижение баланса потребностей и возможностей экономической науки, когда нужны уже не новые открытия, а инновационное применение уже имеющихся; наступление в экономической науке сатурации (насыщения процесса); повышение эзотеричности экономической науки, когда результаты экономических исследований стали настолько сложными и специальными, что большинство самих экономистов уже не может их понять; инструментальная сложность экономической науки; антигуманность экономической науки, когда человек (социальный фактор) полностью устраняется из экономических исследований [5].

Данная ситуация, на наш взгляд, подобна той, которая была описана В. И. Лениным в физике на рубеже прошлого века. Для ее решения и призвана теория экономика активного коннекта, так как концепция академика С. Ю. Глазьева и его коллег о переходе к 6–7 технологическому укладу предусматривает

создание рабочих мест, мало связанных с реальным производством, но больше с производством информации, знаний и инновационных бизнесобразующих технологий. Поэтому термин «экономика активного коннекта» необходимо воспринимать как переход к другому укладу общественных отношений, обусловленному изменением характера труда и развитием производительных сил (средств производства и социума).

Как было сказано выше, новая экономика – это не просто экономика информации, а уже экономика активного коннекта («коннект» в переводе с английского, означает «соединять», «устанавливать взаимоотношения», «наладивать контакты», «связываться», «соединяться», «ассоциировать» (то есть устанавливать причинную связь), «быть согласованными», «устанавливать непосредственную связь» и т. д.).

Термин «коннект» лингвистически значительно ближе к описанию данного процесса, чем, например, «коммуникация», который по своему значению значительно шире значения коннекта. Таким образом, экономика активного коннекта (правила хозяйствования в постиндустриальном обществе) – это целостная, развивающаяся система знаний, исследующая хозяйственную деятельность человека; экономика активного коннекта предусматривает широкое применение информационных и когнитивных технологий (к которым относятся и инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии) в процессах общественного производства, распределения и потребления общественных благ.

В отличие от традиционных методов хозяйствования общепринятой экономики, основанных на менеджменте и рыночной модели ведения бизнеса на основе схемы «спрос-предложение», экономика активного коннекта базируется на инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих

технологиях, применяемых в процессе инновационного предпринимательства, когнитивного инжиниринга, автоформализации и автоструктурирования инновационных процессов.

Главные задачи экономики активного коннекта: на макроуровне – выбор направления хозяйственного развития в рамках происходящих глобальных процессов, что определяется способностью хозяйственной энергии общества двигаться к новым внешним ресурсам и качественным трансформациям своей структуры; на микроуровне – создание субъектами предпринимательства инновационных моделей и алгоритмов хозяйствования и управления экономическими и социальными системами, направленных на получение хозяйственной энергии внешней среды и ее трансформацию в инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии и новые рабочие места.

Основные стадии развития экономики активного коннекта: проникновение инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий в производство; массовое внедрение инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий и преобладание инновационных моделей и алгоритмов управления экономическими и социальными системами; превалирование производительности сфер производства информации, знаний и инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий над производительностью других отраслей.

Теория экономики активного коннекта состоит из двух частей: формальные аспекты (уравнения, логические символы, правила и т. д.) и содержательные аспекты (категории, законы, принципы). Именно в их единстве и заключен источник ее совершенствования и развития. На данном этапе экономика активного коннекта относится к феноменологическим теориям, то есть пока еще решает задачу упорядочения и пер-

вичного обобщения относящихся к ней фактов.

Основную идею теории экономики активного коннекта мы определяем как эндогенный информационно-коннектный подход к поведению сотрудников предприятия при воспроизведении ими интеграционной модели реализации инновационной стратегии устойчивого развития с целью достижения ими не только конкурентоспособности и возможности максимизации стоимости предприятия, но и активного изменяющего воздействия на всю инновационную систему предприятия.

Новизна данного подхода заключается в необходимости учета транзакционных издержек длительности и интенсивности информационного коннекта между сотрудниками предприятия всех уровней и на всех итерациях процесса реализации интеграционной модели инновационной стратегии развития на основе инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий. Источник этих транзакционных издержек – интенциональность информационного коннекта между разработчиками интеграционной модели инновационной стратегии развития и ее реализаторами на всех итерациях. Актуальность сформулированного нами информационно-коннектного подхода заключается в возможности снижения действия неопределенности антропогенных факторов как основных факторов неустойчивости интеграционных моделей и алгоритмов инновационных стратегий развития за счет увеличения инвестиций на разработку инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий, позволяющих экономорнировать антропогенные факторы. Потому что транзакционные издержки не должны превышать размер выгод от решения проблем внешних воздействий на интеграционные модели и алгоритмы инновационных стратегий развития.

Таким образом, антропогенные факторы, влияющие, прямо или косвенно, на эффективность процессов разработки и реализации инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий, являются фундаментальной характеристикой теории активного экономического коннекта (эконоконнекта). Антропогенные факторы опосредуются кадровыми ресурсами, задействованными в интегрированной модели реализации инновационной стратегии устойчивого развития промышленного предприятия.

Результат негативного влияния антропогенных факторов мы обозначили как антропогенные сукцессии, которые проявляются на всех итерациях функциональной модели реализации инновационной стратегии развития предприятия. Для ограничения их влияния необходима разработка адаптационной системы их мониторинга и оценки, а также экономное нормирование антропогенных факторов.

Антропогенные сукцессии характеризуют энтропию моделей и алгоритмов реализации инновационных стратегий развития (энтропия характеризует хаос моделей системы, а негэнтропия – их упорядоченность), в то время как активный эконоконнект обладает негэнтропийным свойством (негэнтропийный принцип эконоконнекта), то есть в результате его действия устраняется энтропия всех видов инновационных моделей и алгоритмов инновационных стратегий развития.

Вывод

Таким образом, инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии интенционально обосновывают необходимость разработки экономики активного коннекта (эконоконнекта) как самостоятельной области экономических знаний, а контроль и снижение интенсивности антропогенных факторов является одним из главных условий устойчивости и эффективности всех интеграционных моделей

реализации инновационных стратегий развития промышленных предприятий.

Библиографический список

1. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М. : Экономика, 2002.
2. Лавриченко О. В. Инновационные бизнесобразующие технологии как эндогенная основа инновационной системы промышленного предприятия : монография. – М. : Изд-во МосГУ «Социум», 2014.
3. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – М. : Изд-во «Звено», 1909.
4. Нобелевские лауреаты по экономике : библиографический словарь. – М. : Информат, 1994.
5. Орехов С. А. Современное корпоративное управление // Проблемы теории и практики : монография. – М., 2005.
6. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития // Капитализм, социализм и демократия. – М. : ЭКСМО, 2007. – С. 28–54.
7. Шумпетер Й. А. Деловые циклы. – М. : ЭКСМО, 2008.
8. Яковенко В. С. К вопросу об актуальности исследований процессов инновационного развития предприятий // Молодой ученый. – 2011. – № 5. – Т. 1. – С. 237–239.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kondratev N. D. Bolshie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. – M. : Ekonomika, 2002.
2. Lavrichenko O. V. Innovatsionnyie biznesobrazuyuschie tehnologii kak endogennaya osnova innovatsionnoy sistemyi promyshlennogo predpriyatiya : monografiya. – M. : Izd-vo MosGU «Sotsium», 2014.
3. Lenin V. I. Materializm i empiriokrititsizm. – M. : Izd-vo «Zveno», 1909.
4. Nobelevskie laureaty po ekonomike : bibliograficheskiy slovar. – M. : Informat, 1994.
5. Orehov S. A. Sovremennoe korporativnoe upravlenie // Problemyi teorii i praktiki : monografiya. – M., 2005.
6. Shumpeter Y. A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya // Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. – M. : EKSMO, 2007. – S. 28–54.
7. Shumpeter Y. A. Delovyye tsikly. – M. : EKS-MO, 2008.
8. Yakovenko V. S. K voprosu ob aktualnosti issledovaniy protsessov innovatsionnogo razvitiya predpriyatiy // Molodoy uchenyy. – 2011. – № 5. – T. 1. – S. 237–239.

© Лавриченко О. В., 2014

Filozofické vědy

УДК 167.7

**КРИТИКА ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА Т. КУНА
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОСТПОЗИТИВИЗМА**

В. В. Котлярова

*Кандидат философских наук, доцент,
Донской государственной технической
университет, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства, филиал в г. Шахты,
Ростовская область, Россия*

**CRITICISM PARADIGM APPROACH OF T. KUHN
REPRESENTATIVES POSTPOSITIVISM**

V. V. Kotlyarova

*Candidate of Philosophical Sciences,
associate professor,
Don State Technical University,
Institute of the service sector and entrepreneurship
(department), Schachty, Rostov region, Russia*

Summary. The article is devoted to the controversy around the paradigmatic approach in philosophy postpositivism. It analyzed a number of concepts foreign philosophy: I. Lakatos, K. Popper, S. Toulmin, P. Feyerabend. Emphasizes debatable hypothesis T. Kuhn. Concludes that the fierce debate over paradigmatic approach proves its scientific significance.

Keywords: post-positivism; paradigmatic approach; dynamics of the development of scientific knowledge; scientific revolution; model of the development of science.

Динамика развития научного знания является одним из ведущих предметов исследования в постпозитивизме, в котором выделяется два дивергентных направления. Первое рассматривает динамику науки с помощью нормативных принципов логического характера, регулирующих это развитие (И. Лакатос, К. Поппер и др.), второе направление переносит акцент на социально-психологические детерминанты развития научного знания (Т. Кун, С. Тулмин и др.). Т. Кун в своей ведущей работе «Структура научных революций», доказывая отсутствие в реальном развитии науки рациональности и непрерывности, зависимость динамики науки

от вненаучных факторов и идей, приближает философию науки к социологии, психологии и истории, и тем самым начинает совершенно новый этап философской рефлексии развития научного знания. В настоящее время в философии наблюдается рост интереса к парадигмальному подходу, сопровождающийся шквалом работ, как поддерживающих и развивающих данный подход, так и подвергающий его ожесточённой критике. Целью данной статьи выступает анализ полемики, развернувшейся вокруг концепции Т. Куна и разработанного им парадигмального подхода.

Центральное понятие концепции Т. Куна парадигма – это «признанные

всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11]. Ведущими элементами концепции Т. Куна выступают четыре понятия, составляющих основу интерпретации функционирования и развития науки: «научная парадигма», «научное сообщество», «нормальная наука» и «научная революция». С этой основой связываются такие характеристики парадигмального подхода:

- «несоизмеримость» теорий, относящихся к разным парадигмам;
- «некумулятивный» характер изменений, который соответствует «научным революциям». В противовес «кумулятивному» характеру роста «нормальной науки»;
- присутствие в парадигме других, явно не выражаемых элементов.

В зарубежной философии работа Т. Куна была встречена с большим интересом, положительные отклики публикуются по настоящий момент. Необходимо отметить, что парадигмальный подход послужил основой для создания ряда теоретических построений, описывающих в его терминологии динамику науки. Совершенно очевидно, что у сторонников и последователей Т. Куна были и оппоненты. Острой критике подвергалось обоснованное Т. Куном понятие «нормальной науки» и предложенная им интерпретация научной революции. В критике «нормальной науки» можно определить три точки зрения. Во-первых, это полнейшее отрицание существования явления «нормальная наука» в научной деятельности. Так, например, считает Дж. Уоткинс, полагающий, что наука не смогла бы развиваться, если бы ведущей формой научной деятельности была только «нормальная наука». Согласно его точке зрения «такой скучной и негероической деятельности, как нормальная наука, не существует вообще»,

из «нормальной науки Т. Куна не может вырасти революции» [1, с. 284].

Вторая точка зрения в критике «нормальной науки» представлена представителем постпозитивизма К. Поппером. Концепция критического рационализма К. Поппера базируется на утверждении, что основой демаркации научного и ненаучного знания выступает принципиальная фальсифицируемость (опровержимость) любого относимого к науке утверждения [3, с. 62]. Сущность данной фаллибалистской концепции такова: теория никогда не может быть полностью верифицирована, она может быть только фальсифицирована [3, с. 245]. Качество теории тем выше, чем больше она запрещает – так как в этом случае тем больше у неё риск быть опровергнутой. К. Поппер сводит научную осмысленность теорий к чёткому определению обнаруженных фактов, опровергающих, фальсифицирующих данную теорию и расчищающих область для возникновения нового альтернативного предположения, вынужденного впоследствии исчезнуть под натиском «эмпирической» фальсификации.

Онтологическим основанием модели развития науки служит концепция «третьего мира», становящаяся частью теории объективности научного знания: «это опробование производится почти всецело в третьем мире путём попыток изобразить более или менее успешно в теориях этого третьего мира» [3, с. 490]. К. Поппер в работе «Объективное знание» теоретически обосновывает тезис о возможности трёх миров. К первому он относит мир физических состояний или физических объектов, ко второму – мир мыслительных (или ментальных) состояний и диспозиций к действию. Третий мир – это мир содержания научных идей, возникающий в результате взаимодействия человеческого сознания и физического мира и являющийся

естественным продуктом человеческой деятельности. Важнейшим условием возникновения третьего мира является появление языка, закрепляясь в котором, знание приобретает объективный характер. К. Поппер подчёркивает автономность третьего мира, несмотря на постоянное воздействие на него со стороны человека, а также существование обратного воздействия – влияния третьего мира на человека. Именно в третьем мире идёт имеющий собственную логику процесс развития научных теорий, поэтому научные революции не могут затрагивать мир учёных, т. к. они, согласно К. Попперу, целиком относятся к миру идей. Замена теоретических конструкций является рационально оправданной, в научном сообществе учёных невозможна какая-либо иная, кроме интеллектуальной, борьба, там всегда соперничают идеи, но не люди, определяющий и единственный интерес которых состоит в постоянном и бескорыстном служении науке.

Согласно К. Попперу, вся многовековая история научного познания состоит из выдвижения оригинальных гипотез и последующих их опровержений и потому представляется как история «перманентных революций». Научная революция в понимании К. Поппера является неким усиливающим оборотом, подчёркивающим особую напряжённость ситуации или резкую противоположность меняющихся друг друга теорий. Этот процесс перехода от старых теоретических конструкций к новым необходимо рассматривать как процесс, изучаемый с точки зрения психологии и социологии в силу отсутствия в нём как в целом, так и по существу рационального начала. В процессе движения к новой теории «наблюдается даже нечто похожее на «прогресс». Однако этот прогресс вовсе не состоит в приближении к истине, а сам переход не направляется рациональной дискуссией по поводу

относительных достоинств конкурирующих теорий» [3, с. 583].

Подчеркнём, что в отличие от К. Поппера, делающего акцент на анализ готового знания формально-логическими методами, подход развития научного знания и науки Т. Куна является не развитием теории «критического рационализма», а скорее формируется в противопоставлении ему и основывается на исследовании науки в социокультурном контексте.

Третье направление критики парадигмального подхода Т. Куна представлено также постпозитивистом С. Тулмином, полагающим, что научная революция не может быть показана как «драматический разрыв в развитии «нормальной» и консолидированной науки» (*dramatic break during «normal» science and consolidated*). Научная революция становится простой «единицей изменения» в рамках этого процесса. С точки зрения С. Тулмина предложенная Т. Куном модель находясь в принципиально неразрешимом конфликте с эмпирической историей науки, отрицает наличие преемственности в её развитии. Теория Т. Куна, по мнению С. Тулмина, в конкретный момент времени является незначительной, и мы должны искать совершенно «новую теорию научного изменения» (*new theory of scientific change*) [7, с. 40]. Чтобы объяснить непрерывность в развитии науки, С. Тулмин предлагает применить схему, аналогичную эволюционной теории естественного отбора Ч. Дарвина. На наш взгляд, С. Тулмин подвергает конструктивной критике слабые места теории Т. Куна, отметив важные диалектические моменты развития науки, но, вместе с тем, С. Тулмин абсолютизирует роль биологизма, биологических аналогий в интерпретации истории развития науки.

Одним из самых активных оппонентов Т. Куна, обвиняющих его в иррационализме, является последователь

Карла Поппера, также представитель постпозитивизма И. Лакатос. По его мнению, Т. Кун отрицает любую возможность «рациональной реконструкции знания», акцентируя внимание на психологии открытия, а не его логике. И. Лакатос, модернизируя попперовскую теорию, пытается учесть как прерывные, так и непрерывные моменты в развитии научных знаний. В результате решения данной задачи И. Лакатосом разрабатывается концепция научно-исследовательских программ, получившая обоснование в работе «Фальсификация и методология научных исследовательских программ» [2, с. 134]. Как и К. Поппер, он считает, что базисом теории науки является принцип критицизма. Однако реальная история науки отрицает сведение «рационального критицизма» к фанатическому требованию безжалостной фальсификации. Аномалии, контрпримеры и противоречия отнюдь не всегда заставляют исследователей уничтожать свои теории. Рациональное поведение учёных содержит целый набор стратегий, направленных на развитие вперёд, но только при обещании новых эмпирических успехов.

Процесс вытеснения прогрессирующими научно-исследовательскими программами своих интеллектуальных предшественников, исчерпавших практически все внутренние ресурсы и возможности своего развития, И. Лакатос именуется научной революцией. Они в развитии науки, согласно мнению этого философа, не имеют существенного значения, поскольку в науке практически никогда не существуют периоды безраздельного господства какой-либо одной «программы», наоборот, в науке наблюдается сосуществование и соперничество различных программ, теорий и идей. Некоторые из них могут становиться доминирующими, некоторые оттесняются на задний план, а часть программ подлежит переработке и ре-

конструкции, поэтому если научные революции и могут происходить, то они не слишком «сотрясают» и изменяют основы науки.

Развернувшаяся дискуссия между методологическими моделями Т. Куна и И. Лакатоса вызвала шквал работ, анализирующих их существенные недостатки. Карл Поппер остроумно усмотрел в исторической относительно научного знания не его недостаток, а его достоинство. Тогда перед ним встал вопрос о демаркации научного знания и ненаучного, которое он, отдав дань неопозитивистской традиции, понял как метафизическое. Ответом на вопрос о демаркации метафизики от научного знания стал попперовский принцип фальсификационизма. Он обратился к факту истории развития знания, переформулировав вопрос о критерии достоверности в вопрос о развитии научного знания. Тем самым, проблема развития знания не сводится к вопросу об истинности теории, а состоит в выяснении того, как одни теории побеждают другие. Согласно Попперу теория может претендовать на статус научной в том случае, если её можно опровергнуть, фальсифицировать эмпирическими, экспериментальными фактами. Принцип фальсификации имеет несколько смыслов. Во-первых, это демаркация научного знания от метафизического, Во-вторых, критерием научного знания выступает его творческий, развивающийся характер. В-третьих, узаконен плюрализм теорий как нормальное состояние науки. Однако сам Поппер понял принцип фальсификации не как разрыв с традицией неопозитивизма, а как всего лишь усовершенствование неопозитивистской трактовки. Такая теоретическая «нерешительность» Поппера отразилась в содержании его концепции.

Однако и в релятивизме смены парадигм, и в конвенционализме выдвигаются положения «твёрдого ядра»

исследовательской программы остаётся не проясненной значимость преемственности в развитии научного знания. При этом существование преемственности и традиции в развитии науки с очевидностью осознаётся многими мыслителями. Несмотря на различие взглядов Т. Куна и И. Лакатоса, можно зафиксировать определённое сходство их позиций:

- опора на историю науки как на эмпирический базис методологии, манифестация наличия принципиальной теоретической составляющей эмпирических фактов;

- перенос исследовательского акцента со структуры на развитие научного знания, интерпретируемого не как упрощённое накопление фактов и теорий, а как последовательная и кардинальная трансформация облика науки, образцов и идеалов научной рациональности;

- отказ от установки жёсткой демаркации и разграничения между не наукой и наукой;

- признание значимости социокультурных факторов в смене доминирующих научных представлений новыми.

Позиция известного критика парадигмального подхода П. Фейерабенда сложилась ещё на стадии написания Т. Куном «Структуры...» (в предисловии он отмечает дискуссии с П. Фейерабендом как один из основных аспектов подготовки своего исследования). П. Фейерабенд обвинил обществоведов в их отношении к теоретическим построениям Т. Куна как «к изложению нового установленного факта» и, «используя термин, ещё нуждающийся в экспликации, ... положили начало новому и весьма прискорбному направлению болтливости невежества» [4, с. 500]. Кроме того, П. Фейерабенд вообще считал, что парадигмальный подход не может иметь места ни в какой науке. Он полагал, что парадигма как традиционная система определённой логики

традиция сковывает учёного рамками, правилами, принципами, методами. Непринятие П. Фейерабендом парадигмального подхода базируется на его концепции эпистемологического анархизма: «...Анархизм, быть может, и не самая привлекательная политическая философия, он, безусловно, необходим как эпистемологии, так и философии науки» [4, с. 148].

П. Фейерабенд беспощадно выявляет слабые места в предложенных методологических концепциях, чтобы продемонстрировать иллюзорность разработки универсальной методологии или теории развития науки, адекватно воспроизводящей реальную историю науки. И делает это потому, что, по его мнению, «наука по существу является анархическим предприятием: теоретический анархизм более гуманистичен и с большей вероятностью поддерживает прогресс, чем его правопорядковые альтернативы» [5, с. 339]. Кун отмечает, что бессмысленно реагировать на критику Фейерабендом методологических концепций, поскольку «любой пробел в конкретном методологическом аргументе кажется ему признаком невозможности всего предприятия» [6, с. 191].

Подведём итоги. Гипотеза Куна породила больше вопросов, чем ответов. Например, на сам вопрос о происхождении теорий так и не последовало ответа, ведь научная парадигма тоже складывается задним числом, когда уже созрел целый комплекс конкретных научных теорий. К тому же не получается ясного отграничения революционных и нормальных периодов развития науки. Однако эти претензии современников выражали не отрицание, а как раз признание его понятий научной революции и парадигмы, поскольку речь шла о разработке упомянутых открытых вопросов. Вводя понятие «парадигмы» применительно к изучению истории развития науки, Т. Кун, на наш взгляд,

не абсолютизировал линейность парадигм, считая, что также необходимо «проследить другие направления в развитии науки» [1, с. 19].

Модель развития науки, предложенная Т. Куном, проста и несовершенна, но исключительно принципиальна, т. к. выбор новой парадигмы Т. Кун описывает не в когнитивных, а в психологических терминах, представляющих этот процесс в качестве переключения гештальта. Каждая парадигма, согласно Т. Куну, обладает как минимум тремя аспектами: наиболее общая картина рационального устройства природы, дисциплинарная матрица и общепризнанный образец, шаблон. Именно поэтому смена парадигм представляет собой не только смену разных картин мира, но и трансформацию систем ценностей, научных способов решения, методологии исследования, измерения и наблюдения явлений, социокультурных практик. Т. Кун впервые обратил внимание на глубокие преобразования и их социокультурный контекст, которыми характеризуются некоторые исторические периоды развития научных идей. Никакие другие концепции известных исследователей («личностное знание» и «спонтанный порядок» М. Полани, «фальсифицируемость» К. Поппера, «исследовательская программа» и «рациональная реконструкция» И. Лакатоса, «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда) не пользовались такой популярностью.

Библиографический список

1. Кун Т. Структура научных революций. С ввдной стаетей и дополнениями 1969 г. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 134–154.
3. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избр. работы / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
5. Cutthoys J., Suchting W. Feyerabend's Discourse against Method: A Marxist Critique. – Inquiry, 1977. – Vol. 20. – № 2–3. – P. 339.
6. Kuhn T. The Halt and the BlindsPhilosophy and History of Science // The British Journal for the Philosophy of Science. – 1980. – Vol. 31. – № 3. – P. 191.
7. Toulmin S. Does the Distinction between normal and revolutionary Science hold Water? // Criticism and growth of knowledge. – Cambridge, 1970. – P. 39–47.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kun T. Struktura nauchnyih revolyutsiy. S vvodnoy stately i dopolneniyami 1969 g. – M.: Progress, 1977. – 300 s.
2. Lakatos I. Metodologiya nauchnyih issledovatel'skih programm // Voprosyi filosofii. – 1995. – № 4. – S. 134–154.
3. Popper K. R. Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbr. raboty / per. s angl. – M.: Progress, 1983. – 605 s.
4. Feyerabend P. Izbrannyye trudy po metodologii nauki. – M.: Progress, 1986. – 542 s.
5. Sutthous J., Suchting W. Feyerabend's Discourse against Method: A Marxist Critique. – Inquiry, 1977. – Vol. 20. – № 2–3. – R. 339.
6. Kuhn T. The Halt and the BlindsPhilosophy and History of Science // The British Journal for the Philosophy of Science. – 1980. – Vol. 31. – № 3. – R. 191.
7. Toulmin S. Does the Distinction between normal and revolutionary Science hold Water? // Criticism and growth of knowledge. – Cambridge, 1970. – P. 39–47.

© Котлярова В. В., 2014

**«ХИЗБ АТ-ТАХРИР АЛ-ИСЛАМИЯ»
И «АХЛ АС-СУННА ВА-Л-ДЖАМАА»:
ПРИНЦИПЫ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ**

Х. Ё. Сагдиев

*Докторант,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан*

**«HIZB UT-TAHRIR AL-ISLAMIYYA»
AND «AHL AL-SUNNAH WA AL-JAMA'AH»:
PRINCIPLES AND THEOLOGICAL DIFFERENCES**

Kh. Yo. Sagdiev

*Doctoral applicant,
Tashkent Islamic University, Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article gives a refutation of the theological views of the representatives of the party «Hizb ut-Tahrir al-Islamia» by the scientists of «Ahl al-Sunnah wa al-Jama'ah». In particular, they are based on theological sources of Abu Hanifa and Hanafi scholar Abu Ja`far at-Tahawi and their comments.

Keywords: «Hizb ut-Tahrir al-Islamiyya»; «Ahl al-Sunnah wa al-Jama'ah»; «al-Fiqh al-Akbar»; «al-Aqeedah al-Tahawi»; ahad hadith; predestination; flour grave; caliphate.

Как известно, религиозное убеждение, независимо от его содержания, сущности и формы, играет важную роль в правильном направлении верующих. В этом смысле, конечно, личности, стремящейся к познанию религиозных учений и религиозных убеждений, необходимо правильное толкование знаний в области религии, так как требование времени – искоренение негативного влияния религиозного мышления на сознание других членов общества.

Ибо в наши дни весь мир переживает невероятно сложное, глобальное время, когда развиты легкодоступные средства информации. Конечно, вполне естественен вклад средств коммуникаций, нанотехнологий в развитие стран и наций; в появлении мировых открытий и взаимного сотрудничества. Но есть другая сторона медали: этими возможностями максимально пользуются личности с чуждой идеологией для достижения своих низких целей. Это не может не беспокоить общество.

Например, доказательством этого служит то, что под маской религии многие экстремистские течения создают свои сайты; посредством их пропагандируя среди населения сведения, абсолютно противоположные подлинным принципам ислама.

После распада СССР и приобретения независимости бывшими советскими странами был открыт путь к свободе вероисповедания и получению религиозных знаний. К сожалению, эти возможности не все смогли правильно использовать. В странах СНГ преимущественно придерживаются «ханафитского» толка (последователи данного мазхаба – от имени основателя Абу Ханифы, (ум. в 767 г.), возникли в VIII в. в г. Куфа (Ирак). Особенности мазхаба в том, что Коран принимается как источник права целиком и безоговорочно. Сунна же принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов. «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» (люди сунны и согласия общины –

самоназвание большей части мусульман, суннитов – одного из основных течений ислама, наряду с шиитами и хариджитами). Но начали развиваться вероучения различных групп и течений, противоречащих ему.

Одним из таких течений считается «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» (религиозно-политическая организация, действующая в различных странах мира и ставящая своей целью содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни путём создания единого исламского Халифата на территории государств, традиционно исповедующих ислам). Это течение включено в список экстремистских групп почти во всех странах мира (кроме Великобритании, США и Украины). В данной статье не говорится о создании вышеупомянутой группы, его руководителях и деятельности, а передается информация о сравнительном анализе противоречий в вероучении между «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» и «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа». Теология последней считается ортодоксальной в исламе.

Осуществляя сравнительный анализ, а точнее опровергая догмы партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия», в статье мы использовали в основном трактаты Абу Ханифы «ал-Фикх ал-Акбар» и «ханафитского» учёного Абу Джа`фара ат-Тахавий «ал-Акида ат-Тахавия», а также комментарий к ним. Причиной этому послужил тот факт, что эти два трактата считаются духовным наследием и фундаментальной основой в области теологии при изучении догм ислама в медресе и в религиозных высших учебных заведениях стран СНГ.

В исламе не допускается «иджитхад» (усердие – деятельность богослова в изучении, решении, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников) касательно вопросов теологии, как это происходит в его богословско-правовом комплексе. Теология ислама основывается на конкретных

доводах Корана и достоверных хадисах, которые переданы от сподвижников через «учёных салафов». Предки, предшественники – так называют мусульман первых поколений, на которых ссылается более поздняя традиция при утверждении постулатов вероучения и права. В их числе сподвижники пророка Мухаммада, их последователи и последователи последователей. Ортодоксальный суннитский ислам строит свои вероубеждения именно на этой традиции. В данном случае под словом «учёные салафы» имеются в виду те учёные, которые проживали в период 300 лет после хиджры, причём без всяких интерпретаций.

После предоставления информации о появлении и системе партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» автор книги «ал-Мавсу`ат ал-Муяссара фи-л-Адйан ва-л-Мазахиб ал-Муасира» [6, с. 341] говорит, что от этой группы исходили такие шариатские мнения и взгляды, которые порицались всеми мусульманскими учёными.

Представители партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия», интерпретируя одну из основ веры в теологии предопределения Аллаха, отрицают его. Основатель партии Такийуддин Набихани в своей книге «аш-Шахсия ал-Исламия» пишет: «Действия человека не имеют никакого отношения к судьбе, равно как и судьба не имеет отношения к действиям, так как человек совершает свои действия по своему выбору, поэтому произвольные действия не входят в судьбу» [14, с. 97].

По поводу предопределения Абу Ханифа в своём трактате «ал-Фикх ал-Акбар» сказал: «Вся натура человека, начиная от безмолвия до движения, считается его действиями и деяниями, но их создаёт Аллах. Все они появляются по знанию, воле, решению и предопределению Аллаха. Покорность и благородные деяния осуществляются по знанию, воле, согласию, повелению, любви, решению и предопределению Аллаха. А непокорность и греховные деяния хоть и осуществляются по знанию,

воле, решению и предопределению Аллаха, но не по согласию, любви и повелению Его» [4, с. 153–162]. Ханафитский учёный Абу Джа`фар ат-Тахави в своём трактате «ал-Акида ат-Тахавия» пишет: «Всё происходит по Его решению (Предопределению) и воле, и Его воля свершается (в полную силу). Единственная воля, которая есть у людей – это то, что Он желает (для них). Что Он желает для них, происходит, чего не желает, не происходит» [8, с. 257, 275–277]. Комментируя эти две трактата, учёные «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа» приводят следующие аяты из Корана и хадисы Пророка Мухаммада. Слова Аллаха: «Аллах сотворил вас и то, что вы делаете» [13, с. 575] и «Если их постигает добро, они говорят: «Это – от Аллаха». Если же их постигает зло, они говорят: «Это – от тебя». Скажи: «Это – от Аллаха» [13, с. 107] как доказательства этому. Слова Такийуддина Набихани также противоречат хадисам Пророка. В частности, Пророк Мухаммад сказал: «*Всё происходит по воле Аллаха, будь это слабое или зрелое мнение*» [5, с. 1140] и «*Аллах создатель деяния и того, кто выполняет эти деяния*» [11, с. 66]. Помимо этого Пророк Мухаммад, обращаясь к тем, кто опровергает предопределение, сказал следующее: «*Люди, опровергающие предопределение – они огнепоклонники этой общины. Если они заболеют, не навещайте их, а если они умрут, то не участвуйте на их похоронах*» [5, с. 1567].

Следующее утверждение представителей партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» – это о греховности Пророков и Посланников до получения ими пророчества. Такийуддин Набихани в книге «аш-Шахсия ал-Исламия» пишет: «Пророка, до его Пророчества или Послания допускается считать в числе любого обычного человека. Ибо непогрешимость связана с Пророческой и Посланнической деятельностью» [14, с. 136]. Своими словами Набихани

допускает, что Пророки, как и любой человек, могут быть ворами, невеждами, а также совершать те малые грехи, которые указывают на подлость совершивших их. В своём трактате Абу Ханифа говорит: «Все Пророки чисты от малых и больших грехов, а также от неверия и подлости. Правда, ими совершались некоторые упущения и ошибки» [4, с. 171–177]. Ханафитский учёный Али ибн Султан Мухаммад ал-Кари (ум. 1014/1605), комментируя трактат «ал-Фикх ал-Акбар», приводит следующий аят из Корана: «Они избегают великих грехов и мерзостей, кроме мелких и многочисленных проступков» [13, с. 691]. В этом аяте Аллах, говоря о своих богобоязненных рабах, отмечает, что Пророки были их предводителями. Учёные «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа» пришли к «иджма» (единому мнению), что люди, заслуживающие Пророчества, не могут быть многобожниками и должны иметь такие благородные качества, как справедливость, высокий разум, рассудительность, мудрость, храбрость и т. п. А это единодушное мнение в корне отличается от слов Набихани и противоречит ему.

Прежде чем перейти к следующему вопросу о теологических расхождениях, уместно было бы затронуть тему о непринятии представителями партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» хадисов категории «ахад» – сообщение, переданное одним человеком о жизни, речах и поступках пророка Мухаммада, переданных им малому количеству людей. Хадисы «ахад» разделяются на три категории: «машхур» (известные), «азиз» (редкие) и «гариб» (одиночные), которые переданы со слов, соответственно, трёх, двух и одного передатчика в качестве довода в вероучении. Как утверждал Такийуддин Набихани в своей книге, «Хадисы категории «ахад» не принимаются в качестве довода, как хадисы категории «мутавадир» (увиденные, услышанные

и переданные достаточно большим количеством независимых друг от друга передатчиков сообщения), наличие которых, согласно доводам разума, практически исключает их недостоверность в теологии. Причина тому, что такие хадисы считаются «занн» (с арабского «думать»; «полагать»; «предполагать») – утвердившимся предположением (подозрением), и в Коране предположение объявлено порицаемым грехом» [14, с. 190–194]. Опровергая вышесказанное утверждение руководителей партии, учёные «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» приводят множество разного характера доводов из основных источников ислама, начиная с Корана до мнений праведных предшественников. В Коране слово «занн» употреблялось не только в значении подозрения, но понималось и в других смыслах. В частности, достоверного знания: «Которые убеждены в том, что они встретятся со своим Господом и что они возвратятся к Нему» [13, с. 8]; примерного предположения: «...и полагал, что не вернётся обратно. Но нет! Господь его видел его» [13, с. 797]; и ещё в смысле подозрения и сомнения: «Большинство их следует своим предположениям, но ведь предположения никак не могут заменить истину. Воистину, Аллаху известно о том, что они совершают» [13, с. 256].

Что касается сунны Пророка, то достоверные хадисы категорий «ахад» принимаются в вопросах теологии так же, как и в вопросах правоведения (фикх). В хадисе от Фатимы бинт Кайс сообщается: «Я услышала призыв глашатая Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, который произнес: «Общая молитва!». Я направилась в мечеть, где помолилась с посланником Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. Я была среди женщин, ряд которых располагался сразу за рядами мужчин. Когда Посланник Аллаха, да бла-

гословит его Аллах и приветствует, закончил молитву, он сел на «минбар» (трибуна), и он улыбался. Он сказал: «Пусть каждый останется на том месте, где он молился». Затем он спросил: «Знаете ли вы, зачем я вас собрал?» Люди ответили: «Аллах и Его Посланник знают лучше». Он сказал: «Клянусь Аллахом! Я не собрал вас вместе ради призыва или предупреждения, однако я созвал вас из-за Тамима ад-Дари, христианина, принявшего Ислам, который дал клятву верности (бай'а) и поведал мне рассказ, который совпадает с тем, что я сообщил вам о «Масихи Даджал» (лжемессия – человек, который появится в дни, предшествующие наступлению Судного дня. Его появление является одним из значимых знамений этого Дня). И затем Посланник Аллаха рассказал то, что ему рассказал Тамим Ад-Дари» [5, с. 1188]. В этом хадисе приведён ясный довод в вопросах теологии на принятие хадисов категории «ахад». Вопрос о «Даджале» и его выходе – вопрос вероучения, не имеющий никакого отношения к богословско-правовым аспектам, и Посланник принял его, и свидетельствовал им. Учёный ан-Навави, который написал комментарий к книге Муслима ибн ал-Хаджджаджа, говорит, что этот хадис «ахад» принят в вопросе вероучения [12, с. 1701–1702]. Другой пример – отправка Пророком Мухаммадом Муаза ибн Джабала в Йемен для призыва к единобожью. Хадис, который передают Бухари и Муслима от ибн Аббаса: «Пророк Мухаммад, посылая Муаза ибн Джабала в Йемен, сказал: «Воистину, ты идёшь к людям из числа людей Писания, так пусть же будет первое, к чему ты их призовешь – единобожье Всевышнего Аллаха. И когда они познают это, то расскажи им, что Аллах возложил на них пять молитв каждые сутки...» [5, с. 614]. Из приведённого хадиса можно сделать вывод, что сообщение,

сказанное одним достоверным источником о вероучении ислама, принимается, иначе Пророк увеличил бы число своего представителя до определённого числа. И ещё, когда Пророк Мухаммад посылал по одному из своих сподвижников к различным царям, увещая их о своём Пророчестве и разъясняя о единобожии в религии, он мог бы их число поднять до уровня «мутавафир», но не сделал этого [2, с. 253].

Можно отметить тот факт, что сами представители партии довольно часто прибегают к хадисам категории «ахад» в вероучении. Ахмад ибн Ханбал в своём сборнике передаёт от Хабиба ибн Салама, «...затем будет Халифат на «манхадже» (с арабского языка – «путь», «дорога»; «метод», «способ») Пророчества» [7, с. 498]. Этот хадис можно услышать от любого представителя партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» [3, с. 7], которые верят в него, наряду с тем, что это хадис относится к категории «ахад», причем «гариб» (переданный только по одному пути). Бухари посчитал передатчика этого хадиса в числе слабых рассказчиков [10, с. 318].

Ещё одна из важных тем разногласий в теологии – это мучения в могиле. В книге «ал-Мавсу`ат ал-Муяссара» автор говорит: «Партия сделала запретным (харам) для своих членов веру в выход «Масих Даджаля» и в муки в могиле» [6, с. 344]. В книге партии «Курраса» написано: «В некоторых хадисах такого рода (хадисы ахад) требуется выполнение какого-либо поступка и его соблюдение. В хадисе Айша передаёт, что посланник делал в намазе следующую мольбу: «О, Аллах, ищи у Тебя защиты от мучений могилы, смуты Даджаля, от смут живых и мёртвых. О, Аллах, прибегаю к Тебе от долга и греха» [5, с. 66]. Этот хадис является сообщением от отдельного лица («ахад»), и в нём имеется требование выполнения действия, т. е. чтение этой мольбы после намаза, что является рекомендуемым. Вполне можно утверж-

дать то, о чём говорится в этом хадисе. Но запретным является твёрдое (решительное) утверждение такого сообщения, т. е. вера в него, ибо оно сообщается в хадисе ахад». Выше были приведены доводы о том, что хадисы категории «ахад» в теологии берутся как аргумент.

Абу Ханифа по поводу мучений в могиле говорит следующее: «Приход к обладателю могилы двухангелов «Мункар» и «Накир», (ангелы могилы, которые являются к умершему человеку непосредственно после смерти и начинают с ним первые расспросы, относительно его веры и деяний в земной жизни) а также допрос ими усопшего – это истина. И то, что возвращение души к телу, сжатие могилы неверных и грешных мусульман, а также получение ими мучений в могиле – это правда» [4, с. 291–294]. Абу Джа`фар ат-Тахави, подтверждая слова своего духовного наставника, сказал: «Мы верим в мучения в могиле для тех, кто заслуживает этого. А также верим в то, что ангелы «Мункар» и «Накир» расспрашивают человека в могиле о Его Господе, религии и Пророке. Мы верим в сообщения об этом, пришедшие от Посланника Аллаха, да благословит и приветствует его Аллах, и сподвижников, да будет доволен ими Аллах. Могила является одним садом из садов рая или одной бездной из бездн ада» [8, с. 90–91]. Учёные, комментируя слова Абу Ханифы и Абу Джа`фара ат-Тахави, приводят следующие аят и хадисы. Аллах сказал: «Огонь, в который их ввергают утром и после полудня. А в День наступления Часа подвергните род Фараона самым жестоким мучениям!» [13, с. 609]. Комментарии вышеприведенного аята, сделанный учёным Табарием, «муфассир» (толкователь Корана) Куртуби объясняет следующим образом: «Эта мука – мука могилы, находящейся между этим и загробным мирами».

Все достоверные хадисы от Пророка о мучениях могилы в смысловом порядке доходят до категории «мутава-

тир». Ибн Аббас сообщил, что Пророк, проходя мимо двух могил, сказал: «Безусловно, эти двое, мучаются. И их мука не из-за больших деяний. Один из них не очищался от мочи, а другой не оставял ябедничество». Пророк принёс сырую ветку финика, разломал его вдвое и засунул в каждую могилу по ветке. Люди спросили: «О, Пророк Аллаха, почему Вы так сделали?» Он ответил: «Возможно, пока они просохнут, им будут облегчены муки» [5, с. 107].

Также, по сообщению Анаса ибн Малика, Пророк сказал: «Когда раба похоронят и его родные отойдут от него, то покойный услышит топот их обуви. И тогда, в этот момент к нему придут два ангела и, посадив его, спросят: «Что ты скажешь про этого человека?». Тогда верующий ответит: «Я свидетельствую, что он раб и Посланник Аллаха». Тогда они скажут: «Взгляни на своё место, что было уготовлено в Аду. Аллах вместо него дал тебе место из Рая». Он увидит эти оба места» [5, с. 107].

Что касается Даджала, Абу Ханифа сказал: «Выход Даджала и Йаджудж-Маджуджа, (коранические персонажи, враждебные людям существа, живущие на крайнем востоке земли. Гог и Магог Библии) восход солнца из запада, приход с неба Исы (Иисус) и другие знамения Судного дня – истина, как и сказано в достоверных сообщениях» [4, с. 323–326]. Абу Джа`фар ат-Тахови по этому поводу сказал: «Мы верим в признаки приближения Судного дня: выход Даджала, приход с неба Исы бин Марьям, да будет над ним мир Аллаха, восход солнца с запада и выход «Даббат ал-арз» (вьючное и верховое животное, которое выйдет из-под земли в дни, близкие к наступлению Судного дня. Выход этого животного является одним из знамений этого Дня)» [8, с. 504]. Хадисов о приходе Даджала настолько много, что невозможно отрицать это. Целесообразно привести некоторые из них.

Ибн Умар сообщает, что Пророк, находясь среди людей, восхвалил Аллаха и описал Даджала: «Воистину, я остерегаю Вас от него. И каждый Посланник обязательно остерегал свою общину от него. Но я же, сообщу Вам ту весть, которую, ни один Посланник не говорил о нём. Несомненно, он косоглазый. И, несомненно, Аллах не косоглазый» [5, с. 616]. Также Анас ибн Малик сообщил, что Пророк сказал: «Какой бы Посланник ни был, он обязательно остерегал свою общину от косоглазого лжеца. Остерегайтесь! Он, несомненно, косоглазый. И, несомненно, Ваш господь не косоглазый. У него между глазами написаны буквы «ка», «фа», «ра» (арабские буквы, обозначающие неверующий). И это может прочесть каждый мусульманин» [5, с. 594].

Следующая, одна из самых часто употребляемых доктрин партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия», это тема о «халифате» (мусульманское государство, в котором правление осуществлялось в соответствии с Божественными законами). Представители партии, приводя в своих книгах «ал-Хилафа» («Халифат»), «Аджхизату давлату ал-Исламия» («Государственный аппарат халифата») и «аш-Шахсия ал-Исламия» («Исламская личность») хадис от Пророка интерпретируют его по-своему. По их утверждению, Пророк обязал каждого мусульманина присягнуть на халифа и если кто-либо умрет, не присягнув, тот найдёт смерть «джахилия» (Период доисламского невежества и неверия). На свои воззрения они приводят довод из хадиса, который передал Муслим ибн Хаджжадж. Абдулла ибн Умар сообщает, что Пророк сказал: «Кто выходит из подчинения (Халифа), тот восстанет в Судный День беззащитным (у него не будет оправдания). И если он умрёт, не присягнув Халифу, то умрёт, будучи «джахилем» (язычником – большим грешником)» [5, с. 1010]. Основываясь на своих выше указанных книгах, представители партии утверждают, что общество

мусульман в течение 3 дней должно назначить себе халифа и присягнуть ему; в ином случае совершит большой грех. Используя текст вышесказанного хадиса, они приводят только последнюю его фразу: «*Кто умрёт, не присягнув, тот умрёт смертью того, кто умер при «джахилии» (т. е. будучи большим грешником)*», внушая людям, что, якобы, это касается каждого, кто не провозгласит того же и не поддержит их в этом убеждении.

Учёные «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа», комментируя данный хадис, сообщают, что истинное значение следующее: «*восставший против халифа и не покавшийся до смерти умрёт, будучи большим грешником*». Слова Пророка относились лишь к тем, кто отказался от подчинения халифу, восстал против него и до смерти не покался в этом грехе [12, с. 1197]. Что же касается того, чтобы присягнуть халифу, (как на том настаивают представители партии), то для мусульман нашего времени это представляло бы серьёзное затруднение, так как они не в состоянии назначать себе халифа. Более того, существует хадис, где Пророк, после описания заблудших людей, дал Хузайф ибн Яману такой совет: «*Придерживайтесь (не отделяйтесь от) мусульманского общества (имеется в виду большинство мусульман, следующих по пути Пророка) и их имама (правителя)*». Хузайфа спросил: «*А в том случае, если нет истинного мусульманского общества и нет правителя?*» Пророк ответил: «*Отделяйтесь от всех сектантов*» [5, с. 591]. В данном хадисе Пророком не было сказано, что если у мусульман нет руководителя, и они не выберут халифа, то их смерть будет подобна смерти умерших при «джахилии».

Кроме этого халифат не является обязательным религиозным предписанием Аллаха для мусульман. В Коране это понятие используется как однородное слово и не даёт значения строя государства. Аллах, желая создать Адама,

обратился к ангелам «Вот твой Господь сказал ангелам: «Я установлю на земле наместника...» [14, с. 6]. «Халифат» в сунне Пророка понимался как знамение о сообщениях в будущем. Ахмад ибн Ханбал сообщает от Утбы ибн Абда, что Пророк сказал: «*Халиф назначается из «Курайша»* (арабское племя, к которому принадлежал пророк Мухаммад)» [7, с. 281]. Из хадиса вытекает, что халиф должен назначаться из племени «Курайш». Также Ахмад ибн Ханбал в другом хадисе от Сафийны сообщает, что Пророк сказал: «*Халифат продолжится 30 лет. После – будет королевство*» [7, с. 98]. А этот срок, по разъяснению Сафийны, включает в себя халифат Абу Бакра, Умар ибн Хаттаба, Усмана ибн Аффана и Али ибн Талиба. Если представители партии «Хизб ат-Тахрир ал-Исламия» будут утверждать, что будущий халиф не обязан быть из племени Курайш, то в этом они будут единогласны с такими еретическими группами как, «хариджиты» (ед. ч. харидж; «выступающие», «мятежники», «раскольники» – последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки радикального толка, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между сторонниками Али б. Аби Талиба и Муавии) и «му`тазилиты» («обособившиеся», «отделившиеся» – представители первого крупного направления в каламе, игравшие значительную роль в религиозно-политической жизни Дамасского и Багдадского халифата в VII–IX вв.).

В заключение можно отметить, что необходимо обратить серьёзное внимание на то, где сегодня верующие мусульмане получают знания по основам исламской религии и на какие источники опираются. Также целесообразно установление и развитие связей по научным направлениям со странами СНГ и зарубежными государствами, занимающимися вопросами религиоведения и исламоведения. Ведь религиозный экстремизм является

проблемой не только стран СНГ, но и глобальной проблемой всего мира.

Следовательно, при взаимном сотрудничестве и обменом мнений с соседними странами можно преодолеть эти проблемы. Особенно нужно отметить, что все религиозные учёные «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» признавали религию Ислам в качестве образования, просвещения и науки. Таким образом, доведение этой религии до сознания нынешних и будущих поколений как орудия просвещения должно быть задачей каждого обладателя здравого ума.

Библиографический список

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – Баку : Ансар, 2007. – 400 с.
2. Абдулмалик ибн Хишам. Ас-Сийра ан-Набавия. – Бейрут : Дар ал-Китаб ал-Араби, 1990.
3. Ажхизату давлату ал-Хилафа (фи ал-хукми ва ал-идара) (Государственный аппарат Халифата). – Бейрут-Ливан : Дар ал-Умма ли-т-Табаати ва ан-Нашр ва ат-Тавзи`, 2005.
4. Али ибн Султан Мухаммад ал-Кари. Минаху ал-Равз ал-Азхар фи шарх ал-Фикх ал-Акбар. – Ливан-Бейрут : Дар ал-Башаир ал-Исламия, 1998.
5. Ал-Кутуб ас-Ситта. – Эр-Рияд : Дар ас-Салам, 2008.
6. Ал-Мавсу`ат ал-Муяссара фи-л-Адйан ва-л-Мазахиб ва-л-Ахзаб ал-Муасира (Облегчённая энциклопедия о современных религиях и группах) / сост. доктор Мани ибн Хаммад ал-Джахни. – Эр-Рияд : Дар ал-Надва ал-Аламия ли ат-Табаати ва ал-Нашр ва ат-Тавзи`, 2003.
7. Ахамад ибн Ханбал. Муснад ал-Имам Ахмад бин Ханбал. – Бейрут-Ливан : Дар ал-Кутуб ал-Илмия, 2008.
8. Джами` ад-Дурус ал-Акадия фи шарх ал-Акида ат-Тахавия ли Аби Джа`фар ат-Тахави. – Каир : Дар ибн Хазм, 2009.
9. Ислам : энциклопедический словарь. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
10. Исмаил ал-Бухари. Китаб ат-Тарих ал-Акбар. – Бейрут-Ливан : Дар ал-Кутуб ал-Илмия, 1959.
11. Исмаил ал-Бухари. Халк ал-Афал ал-Ибад ва радду ала ал-Джахмия ва асхаб ат-Та`тил. – Эр-Рияд : Дар атлас ал-Хадра, 2005.
12. Мухиддин Абу Закария ан-Навави. Минхаж фи шархи Муслим бин Хаджжадж. – Иордания : Байт ал-Афкар ад-Давлия, 2000.
13. Смысловой перевод священного Корана на русский язык / (перевод с арабского Э. Кулиева). – Медина, Саудовская Аравия : Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана, 2002.
14. Такийуддин Набихани. Апш-шахсия ал-Исламия (Исламская личность). – Ливан-Бейрут : Дар ал-Умма, 2003.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ali-zade A. Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar. – Baku : Ansar, 2007. – 400 s.
2. Abdulmalik ibn Hisham. As-Siyrā an-Nabaviya. – Beyrut : Dar al-Kitāb al-Arabi, 1990.
3. Azhizatu davlatu al-Hilafa (fi al-hukmi va al-idara) (Gosudarstvennyiy apparat Halifata). – Beyrut-Livan : Dar al-Umma li-t-Tabaati va an-Nashr va at-Tavzi`, 2005.
4. Ali ibn Sultan Muhammad al-Kari. Minahu al-Ravz al-Azhar fi sharh al-Fikh al-Akbar. – Livan-Beyrut : Dar al-Bashair al-Islamiya, 1998.
5. Al-Kutub as-Sitta. – Er-Riyad : Dar as-Salam, 2008.
6. Al-Mavsu`at al-Muyassara fi-l-Adyan va-l-Mazahib va-l-Ahzaab al-Muasira (Oblegchyonnaya entsiklopediya o sovremennyih religiyah i gruppah) / sost. doktor Mani ibn Hammad al-Dzhahni. – Er-Riyad : Dar al-Nadva al-Alamiya li at-Tabaati va al-Nashr va at-Tavzi`, 2003.
7. Ahamad ibn Hanbal. Musnad al-Imam Ahmad bin Hanbal. – Beyrut-Livan : Dar al-Kutub al-Ilmiya, 2008.
8. Dzhami` ad-Durus al-Akadiya fi sharh al-Akida at-Tahaviya li Abi Dzha`far at-Tahavi. – Kair : Dar ibn Hazm, 2009.
9. Islam : entsiklopedicheskiy slovar. – M. : Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1991. – 315 s.
10. Ismail al-Buhari. Kitāb at-Tarih al-Akbar. – Beyrut-Livan : Dar al-Kutub al-Ilmiya, 1959.
11. Ismail al-Buhari. Halk al-Afal al-Ibad va raddu ala al-Dzhahmiya va ashab at-Ta`til. – Er-Riyad : Dar atlas al-Hadra, 2005.
12. Muhiddin Abu Zakariya an-Navavi. Minhazh fi sharhi Muslim bin Hadzhzhadzh. – Iordaniya : Bayt al-Afkar ad-Davliya, 2000.
13. Smyislovoy perevod svyaschennogo Korana na russkiy yazyk / (perevod s arabskogo E. Kulieva). – Medina, Saudovskaya Araviya : Kompleks imeni Korolya Fahda po izdaniyu svyaschennogo Korana, 2002.
14. Takiyuddin Nabihani. Ash-shahsiya al-Islamiya (Islamskaya lichnost). – Livan-Beyrut : Dar al-Umma, 2003.

© Сагдиев Х. Ё., 2014

Filologické vědy

УДК 81'25

КАТЕГОРИЯ ДЕРОГАТИВНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

А. Муминов

*Кандидат филологических наук, профессор,
Узбекский государственный университет
мировых языков, г. Ташкент, Узбекистан*

CATEGORY OF DEROGATIVENESS IN NON-RELATED LANGUAGES

A. Muminov

*Candidate of Philological Sciences, professor,
Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article is devoted to the study of the category of derogativeness, its expressive means in non-related languages. The specific national and cultural features of derogativeness have been revealed. The activeness of stylistic devices to denote the meaning of derogativeness is given.

Keywords: derogativity; derogativeness; national cultural identity; evaluative; expressiveness; emotiveness; pragmatics; negative evaluation; world.

Настоящая работа посвящена исследованию понятийной категории дерогативности в английском и узбекском языках. Актуальность определяется отсутствием полного системного описания специфики средств выражения дерогативного значения в исследуемых сопоставляемых языках [1, с. 137].

Дерогативность – это особое языковое значение, связанное, прежде всего, с указанием на отрицательную оценку объекта. Это неодобрение, укоризна, ирония, пренебрежение, презрение, уничижительность и др.

Оно выражается морфолого-словообразовательными фономорфологическими, лексико-семантическими средствами или с помощью троп – таких, как метафора, ирония, сравнение, и фразеологизмов. Дерогативность является средством активизации прагматики. Она охватывает все слои человеческой жизни. Сам человек со всеми его недостатками внешности, характера

и порождаемой им социальной действительности является источником дерогативности. Дерогативы – это слова отрицательной оценки, со значением пренебрежительности, презрительности, уничижительности, преуменьшения.

Как известно, всякий перевод требует от переводчика знать специфику или различные свойства соотносительных единиц в разных языках. Эти специфические характеристики выявляются в их сопоставлении. Поэтому сопоставительное изучение языковых единиц является наиболее актуальным.

О категории дерогативности писали И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Е. Б. Черкасская, Г. Г. Кошель, А. Х. Рамазанова, Н. Marchand, V. Adams и другие. Однако сопоставительный анализ понятийной категории дерогативности в изучаемых разносистемных языках не представлен ни в одной из существующих лингвистических работ. Глубокий

анализ слов отрицательной оценки в разносистемных языках даёт возможность выявить не только их национально-культурную специфику, но и определяет пути нахождения адекватных эквивалентов в переводе этих лексических единиц [2, с. 159].

Дерогативность является функционально-семантической категорией и выражается на разных уровнях: морфологическом, фонетическом, лексическом, а также стилистическими и фразеологическими средствами языка. Как справедливо отмечает А. Б. Рамазанова, «негативные эмоциональные реакции во многом зависят от мировоззрения, самооценки человека, от отношения к нему окружающих. Отрицательная оценка предполагает наличие у объекта каких-либо недостатков и, более того, подразумевает преобладание их общего «веса» над «весом» положительных его свойств» [6, с. 5].

Исследование показало, что количество дерогативных суффиксов представлено в английском и узбекском языках почти одинаково.

В английском языке используют дерогативные аффиксы *-let*, *-ling*, *-y*, *-ie*, *-eer*, *-aster*, *-ard*, *-ster* для выражения пренебрежения, уничижения, презрения. Например, *chicklet* (цыпочка), *kinglet* (царёк), *priestling* (попик), *manling* (человечек), *tubby* (пузатый), *meanie* (придира), *fictioneer* (плодоватый романист), *huckster* (торгаш) и т. д. В узбекском языке встречаются дерогативы с аффиксами *-чи*, *-и*, *-ли*, *-боз*, *-сиз*, *-хўр* и т. д. Например, *кибирли* (завистливый), *бекорчи* (бездельник), *мишиқи* (сопляк), *хотинбоз* (бабник), *бетсиз* (нахал), *порахўр* (взяточник).

Передача значения уничижительности, презрительности в английском языке может осуществляться и посредством полуаффиксов (Marchand), например, *-monger*, *-monkey*, *-ape*, *-jerk*, *-slinger*, *-hop/-hopper* *word-monger* (любитель красивых или высоких слов):

newsmonger (сплетник, сплетница), *fishmonger* (связник), *broom-monkey* (уборщик), *mudslinger* (создатель сплетен). Деривативные значения передаются также при помощи сложных слов. Например, *cheese-eater* (информатор, стукач), *cake-eater* (плейбой), *booze-killer/whiskey-killer* (любитель выпить). Дериваты с *-wrangler*, *-wrestler*, так же как и дериваты с *-jerk*, *-slinger*, образуют синонимические ряды, например, (обжора, пьяница) *booze-wrangler*, *booze-wrestler*, *bottle-wrangler*, *bottle-wrestler*, *pot-wrestler*. *cow-sort* (негодяй), *shit-face* (урод), *blockhead* (болван), *dishwater* (бурда), *dump-ass* (тупица / безмозглый), *kiss-ass* (подхалим / лизоблюд), *chatterbox* (болтун / трепач), *skinflint* (жмот / скряга), *beanpole* (каланча), *shoe-box* (конура) *bore-drag* (канитель), *lickspittle* (подхалим), *crybaby* (плакса); *long-tongued* (сплетник), *bribe-taker* (взяточник), *cross-eyed* (косоглазый), *cat-lover* (кошатник), *bow-legged* (кривоногий), *bloodsucker* (кровопийца), *money-grubber* (торгаш), *hog-rubber* (свинопас), *story-teller* (лгун), *apple-polisher* (подхалим), *faultfinder* (придира).

Каждый отдельно взятый язык имеет свой особый набор средств передачи отрицательного отношения к предмету речи. Другими словами, в тех языках, которые испытывают недостаток в дерогативных аффиксах, должны существовать иные, альтернативные способы выражения значения уничижительности на различных уровнях языка.

Как известно, метафора является одним из основных средств, с помощью которых создаётся образность, негативная оценочность, экспрессивность [4, с. 272].

Метафора часто используется как средство оценки тех или иных качеств – черт характера, внешности. Например, у – *лайлак* (он – высокий человек). Оценочность метафоры имеет национально-культурную специфику, которая обуславливает несовпадение картин

мира и тем самым отличие в метафорическом переосмыслении ряда значений. Разные языки находят в животных и растениях отличные свойства и качества, которые за ними закрепляются и переносятся на человека для его образной оценки. Например: английский *bear* (злой, грубый, уродливый человек увалень, бестактный человек, грубый, неотесанный, невоспитанный) и узбекский *айиқ* (бестактный человек грубый, невоспитанный), *goose* (глупый, легкомысленный), *ғоз* (высокомерный, самоуверенный человек).

Таким образом, в языках разных систем тождественные зооморфные номинации имеют следующие различия в значениях: английские *bear* и *goose* имеют оценку внутренних качеств человека (характеристику особенностей воспитания и поведения), в то время как узбекские *айиқ* и *ғоз* характеризует в основном особенности внешности.

Подобные расхождения в метафорическом переносе являются результатом национально-культурной специфики, поскольку тот или иной образ животного имеет свою символику в различных языках. Например, в узбекском языке такая отрицательная черта человека, как глупость, приписывается следующим представителям фауны; эшак (осел), товук (курица), а в английском *bat* (летучая мышь), *goose* (гусь), *fish* (рыба), *sheep* (овца), *pig* (свинья) и др. [5].

Другим из ярких показателей национально-культурной специфики фразеологических средств выражения дерогативности в английском языке является употребление традиционных собственных имён в составе фразеологических единиц с целью выражения пренебрежительного отношения к человеку. Например, *to rob Peter to pay Paul* (поддерживать одно в ущерб другому), *raise Cain* «начать буянить, скандалить», *sham Abraham* (притворяться больным, симулировать), *Simon Puge*

(лицемер), *calamity Jane* (пессимист, паникер), *Joseph Surface* (лицемер), *nice Nelly* (ханжа, педант), *Nosey Parker* (человек, который всюду суёт свой нос).

You 're a bungler, Pelissier! An old stinker is what you are! An upstart in the craft of perfumery, and nothing more (Suskind P. *Perfume. The Story of a Murderer*). (Ты халтурщик, Пелисье! Вонючий хорёк! В парфюмерном деле ты выскочка, и больше ничего!)

Mr. Jacobs himself, familiarly blown as Old Goggles, from his habit of wearing spectacles, imposed no painful awe... (Eliot G. *The Mill on the Floss*). (Сам мистер Джейкобз, которого мальчишки называли между собой Старый Очкарик, не внушал ему ни страха, ни почтения...) [6, с. 5].

В ходе исследования нами обнаружено очень мало фразеологических единиц с компонентом собственных имён в узбекском языке. Например, *Хожу аканинг ити* (собака Хожу аки), *Суннатиллонинг виноси* (вино Суннатуллы) и т. д.

Необходимо отметить тот факт, что в подобных фразеологизмах очень ярко проявляется национально-культурная специфика, свойственная обоим рассматриваемым в данной работе языкам, поскольку имена собственные – это один из факторов создания национально-культурной специфики.

Дерогативы чаще бывают элементами сленга. Они употребляются в определённом контексте. Например, *asshole* (эгоист, неприятный человек), *asskisser* (лицемерный человек), *bimbo* (красивая, но тупая), *chicken* (тупой), *deadbeat* (скучный, ленивый человек), *flake* (не надёжный человек), *loudmouth* (болтун), *tight – arse* (жадный), *yahoo* (грубый, агрессивный человек), *badass* (грубый человек), *big house* (пьяница), *basket – case* (сумасшедший, безнадёжный человек), *crap* (Черт!, Блин!), *doormat* (слабый человек), *egghead* (чересчур умный человек), *fat cat*

(«большая шишка»), gab (болтать), get lost (пошел вон!), hillbilly (деревенщина) и т. д.

В узбекском языке дерогативные сленги встречаются реже, чем в английском языке. Приведём некоторые из них: икки юзламачи, эзма, хўкиз (грубый, неуклюжий человек), Йўқол бу ердан! (Пошёл вон!), қишлоқи (деревенщина), зиқна, нокаст, курумсоқ (жадный), аҳмоқ, қовоқ мия, товуқ мия, эшак мия (тупой), лабзсиз (лицемер), ишёқмас (бездельник) и другие.

Как в английском, так и в узбекском языках в дерогативных словах наблюдаются синонимические отношения, например: в значении «тупой человек» в английском языке употребляются слова donkey, dope, meathead, twit, git, goose, jerk, tool, а в значении «болтун» – gasbag, loudmouth, dickhead и т. д. В узбекском языке «жадный» – зиқна, нокаст, курумсоқ, «тупой» – қовоқ мия, товуқ мия ва хоказо. Значения синонимичных слов контекстуально обусловлены.

Отдельное монографическое исследование о понятийной категории дерогативности несомненно имеет большое значение для правильного перевода негативных эмоциональных реакций на различные языки мира.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигения и проблемы экспрессивности // И. В. Арнольд. Экспрессивные средства английского языка : сб. науч. работ. – Л., 1975. – 137 с.
2. Банина Е. Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры: на материале со-

временного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2001. – 159 с.

3. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // А. В. Бондарко. Универсалии и типологические исследования. – М., 1974. – С. 54–80.
4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
5. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Wordformation. – Wiesbaden, 1960.
6. Рамазанова А. Б. Категория дерогативности в разносистемных языках: семантика и фурукционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2011. – 5 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arnold I. V. Interpretatsiya hudozhestvennogo teksta: tipyi vyidvizheniya i problemyi ekspressivnosti // I. V. Arnold. Ekspressivnyie sredstva angliyskogo yazyika : sb. nauch. rabot. – L., 1975. – 137 s.
2. Banina E. N. Otsenochnyiy komponent znacheniya v semantike metaforyi: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyika : dis. ... kand. filol. nauk. – Kirov, 2001. – 159 s.
3. Bondarko A. V. Ponyatiynnye kategorii i yazykovyye semanticheskie funktsii v grammatike // A. V. Bondarko. Universalii i tipologicheskie issledovaniya. – M., 1974. – S. 54–80.
4. Vezhbitskaya A. Sopostavlenie kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki / per. s ang. A. D. Shmeleva. – M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2001. – 272 s.
5. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Wordformation. – Wiesbaden, 1960.
6. Ramazanova A. B. Kategoriya derogativnosti v raznosistemnyih yazyikah: semantika i furyktionirovanie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Mahachkala, 2011. – 5 s.

© Муминов А., 2014

Psychologické vědy

УДК 159

ИССЛЕДОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ: ПОДХОДЫ, ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ

Н. М. Глухенькая *Кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия*

STUDY PERSONNEL POLICY ORGANIZATION: APPROACHES, PRINCIPLES, METHODS

N. M. Glukhenkaya *Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

Summary. At the heart of development and improvement of personnel policy is based on its analysis and synthesis of the results. Research methodology is based on theoretical principles, scientific principles, approaches and methods.

Keywords: research; personnel policies; approaches; principles; methods.

Исследование кадровой политики является актуальным для развития и совершенствования современного предприятия, так как оно направлено на изменение всей системы управления организацией, а в частности на один из основных его потенциалов – персонал. В практической деятельности перед руководством предприятия часто стоит задача выбора наиболее рационального пути организации системы управления персоналом (СУП), гибкого и оптимального изменения кадровой политики предприятия, которой требуют реалии современного развития общества в целом. Кадровая политика организации, по мнению ведущего специалиста по управлению персоналом, А. Я. Кибанова, это: «Генеральное направление кадровой работы, совокупность принципов, методов, форм, организационного механизма по выработке целей и задач,

направленных на сохранение, укрепление и развитие кадрового потенциала, на создание высококвалифицированного и высокопроизводительного сплочённого коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся требования рынка с учётом стратегии развития организации и стратегии управления её персоналом».

Веснин В. Р., Егоршин А. П., Кибанов А. Я., Моргунов Е. Б. и другие теоретики кадровой политики предприятия выделяют следующие её виды:

- **пассивная**, не имеющая, «разработанных программ действия»;
- **реактивная**, осуществляющая «контроль за негативными ситуациями» и их быстрым устранением;
- **превентивная**, опирающаяся на «научные прогнозы» и краткосрочные и среднесрочные планы развития персонала;

– **активная**, направленная на долгосрочную перспективу развития персонала организации или её «кадры» [1, 4, 5, 6].

Для эффективного исследования кадровой политики предприятия необходимо использовать все современные научные подходы и методы, опирающиеся на теоретические положения и её прин-

ципы. В своём анализе кадровой политики организации исследователю следует обратить внимание на следующие принципы управления персоналом, предложенные Л. Гьюликом и Л. Урвиком, [4] которые в полной мере можно отнести и к кадровой политике предприятия и учитывать при её исследовании (табл. 1).

Принципы управления организацией

Таблица 1

№ п/п	Название принципов	Сущность принципов
1	Принцип структурности	Сначала строится «структура» управления, затем подбираются люди
2	Принцип единоначалия	При большом количестве «начальников», «распыляется ответственность»
3	Принцип делегирования полномочий	Снижение нагрузки на руководителя и передача полномочий помощникам (заместителям)
4	Принцип соответствия	Власть и ответственность должны быть совпадающими и равными

При исследовании систем управления персоналом необходимо знать современные теоретические положения, уметь применять их на практике, владеть навыками выбора подходов, подбором методов и методик исследования системы, придерживаться принципов построения систем управления. Основным подходом

для полного анализа кадровой политики организации является «системный подход», который в свою очередь может состоять из нескольких научных подходов, таких как процессный, параметрический, целевой, функциональный, рефлексивный и другие [2]. Рассмотрим их более подробно в таблице (табл. 2).

Научные подходы для исследования кадровой политики предприятия

Таблица 2

№ п/п	Название подхода	Сущность подхода
1	Системный подход	Исследование закономерностей и явлений каждого уровня системы и её подсистем
2	Процессный подход	Направлен на изучение и анализ процесса функционирования системы и её составляющих
3	Параметрический процесс	Исследует разнообразные параметры элементов и подсистем системы управления
4	Целевой подход	Анализ и исследование лояльности и поведения персонала для достижения цели предприятия
5	Функциональный подход	Рассмотрение исследуемой системы с позиции внешней среды
6	Рефлексивный подход	Систематизированная и доступная объективная информация о внутренней среде на основе рефлексии предприятия, системы

Научные подходы, в том числе и системный подход, «предполагают использование всевозможных методов и методик при исследовании и проектировании СУП» [3]. По нашему мне-

нию, методы исследования СУП предприятия можно классифицировать на три группы: классические (универсальные), междисциплинарные и специфические [3] (табл. 3).

Таблица 3

Методы исследования СУП предприятия

№ п/п	Группа методов	Методы исследования
1	Классические (универсальные) методы	Анализ и синтез научно-теоретических источников и документации СУП; Анализ интернет-источников
2	Междисциплинарные методы	Наблюдение, опрос, беседа, тестирование, анкетирование, сравнение, классификация, графический и табличный методы и другие
3	Специфические методы	Анализ персонала предприятия, оценка персонала, матричные методы, «дерево целей», метод экспертных оценок и другие

Наиболее применяемой, по мнению автора, в настоящее время является превентивная кадровая политика, а более перспективной – активная кадровая политика, опирающаяся на стратегию развития предприятия.

Исследование кадровой политики предприятия должно опираться на методологию исследования систем управления, которую составляют теоретические положения, принципы управления организацией, научные подходы, определяющие методы анализа и синтеза систем управления персоналом предприятия. Игнорирование принципов управления организацией может привести к искажению результата проектирования системы управления персоналом. Наиболее информативным для исследования СУП является системный подход, направленный на анализ внутренней и внешней среды системы управления. Он также предполагает применение классических, междисциплинарных и специфических методов исследования кадровой политики организации.

Библиографический список

1. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала : пособ. по кадровой работе. – М. : Юрист, 2008. – 185 с.
2. Глухенькая Н. М. Исследование систем управления : учеб.-метод. пособ. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – 83 с.

3. Глухенькая Н. М. Классификация методов исследования систем управления персоналом на примере дипломных работ // Научное мнение. – 2013. – № 8. – С. 216–219.
4. Егоршин А. П. Основы управления персоналом : учеб. пособ. для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 352 с.
5. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом : учебник. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 638 с.
6. Моргунов Е. Б. Управление персоналом: исследование, оценка, обучение : учебник для бакалавров. – 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 561 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vesnin V. R. Prakticheskiy menedzhment personala : posob. po kadrovoy rabote. – М. : Yurist, 2008. – 185 s.
2. Gluhenkaya N. M. Issledovanie sistem upravleniya : ucheb.-metod. posob. – Ekaterinburg : UrFU, 2012. – 83 s.
3. Gluhenkaya N. M. Klassifikatsiya metodov issledovaniya sistem upravleniya personalom na primere diplomnyih rabot // Nauchnoe mnenie. – 2013. – № 8. – S. 216–219.
4. Egorshin A. P. Osnovyi upravleniya personalom : ucheb. posob. dlya VUZov. – 2-e izd., pererab. i dop. – М. : INFRA-M, 2008. – 352 s.
5. Kibanov A. Ya. Osnovyi upravleniya personalom : uchebnik. – М. : INFRA-M, 2005. – 638 s.
6. Morgunov E. B. Upravlenie personalom: issledovanie, otsenka, obuchenie : uchebnik dlya bakalavrov. – 3-e izd. pererab. i dop. – М. : Yurayt, 2011. – 561 s.

© Глухенькая Н. М., 2014

УДК 316. 773.2:003.345

«РУНЫ МЫСЛИ»: СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД**В. Н. Чекштурина***Кандидат педагогических наук, доцент,
Харьковская государственная академия
культуры, г. Харьков, Украина***«RUNES OF THOUGHT»: SOCIO-COMMUNICATIVE APPROACH****V. N. Chekshturina***Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
Kharkiv State Academy of Culture,
Kharkiv, Ukraine*

Summary. The article analyses the issues related to the formation of thoughts and relationship of this process with the ancient knowledge of the runes of thought. The author studied ancient runes thoughts: Raido, Soulu, Dagaz, peculiarities of their functioning are identified. On the basis of a comparative analysis of the views of modern scientists about the thought process theoretical conclusions about the significance of the runic characters in the development of social communication outlined.

Keywords: autocommunication; symbol; sign; rune.

Прогресс в области социальных коммуникаций способствует развитию новых научных направлений, таких как эргономическая семиотика, нейросемиотика, нейролингвистика и др. Идея создания искусственного интеллекта уже несколько десятилетий беспокоит умы ученых. Однако думающего и коммуницирующего технического устройства пока не изобрели. Поэтому детальное изучение процесса формирования способности мыслить и вступать в коммуникационные контакты является актуальным, как для качественного процесса взаимодействий человек – человек, так и человек – техника.

Дискурс об особенностях коммуникационного процесса не является однородным, в его рамках обсуждаются различные подходы к определению существенных атрибутов коммуникационного пространства, способов его структурирования. К числу наиболее авторитетных

ученых, исследующих названные проблемы, принадлежат П. Бурдьё, Э. Гидденс, К. Левин, А. Родин, А. Соколов и др. [3, с. 181–207], [5, с. 17–43]. Одним из важных аспектов изучения коммуникационного процесса является выявление особенностей процесса формирования мысли как коммуникационного акта. А. Соколов утверждает, что «внутриличностная коммуникация или автокоммуникация формируется в ходе интеллектуального становления человека в социальной среде». Он подчеркивает, что автокоммуникация – это интериоризованная социальная коммуникация [5, с. 201–228]. В этой связи необходимо подробнее рассмотреть внутренние механизмы формирования и движения смысла во времени и пространстве, ведь именно смысл является основой социальной коммуникации.

Цель нашей работы – установить особенности формирования мысли как

средства автокоммуникации, сопоставить его с древним знанием о «рунах мысли».

Смысл – это совокупность взаимосвязанных между собой мыслей. Так как структурным элементом смысла является мысль, следует детальнее рассмотреть природу зарождения мысли. Феноменом мысли занимались многие научные деятели различных направлений: философы, психологи, нейросемиотики, нейрохирурги. Мы рассмотрим этап зарождения мысли и переход ее в словесную форму с точки зрения двух направлений: учений древних мудрецов-друидов, которые чертили «руны мысли» и утверждали: «Познай руны мысли, если мудрейшим хочешь стать» ([6], «Старшая Эдда») и нейросемиотики как направления, изучающего наряду с нейрофизиологией процесс зарождения мысли [2, 4].

Руны мысли

Древние друиды чертили три руны мысли: руну Райдо – радость, эмоция, Соулу – сила, энергия солнца, электричество и Дагаз – воля, трансформация, переход. В чем же заключается тайный смысл древних знаков? Зарождение внутренней коммуникации или автокоммуникации возникает с момента формирования мысли. Появление мысли невозможно без взаимодействия нейронов. Нейрохирург Н. Амосов и его ученики детально изучали работу нейронов [1]. Именно с работой нейронов связано все многообразие наших мыслей, чувств, действий,

именно они обеспечивают регуляцию всех процессов жизнедеятельности организма. Главная задача нейрона – получить информацию, «осмыслить» ее и передать дальше. Для этого нейрон снабжен многочисленными дендритами, по которым различная информация поступает в клетку, и одним единственным аксоном: по нему обработанная информация покидает нейрон, передаваясь дальше по нервной цепочке. На некотором расстоянии от тела клетки аксон начинает ветвиться, посылая свои отростки к другим нервным клеткам, а также к их дендритам. Каждый такой отросток оканчивается особым утолщением – синаптической бляшкой, заполненной пузырьками, в которых хранятся различные химические вещества – медиаторы. Без них было бы практически невозможно общение между нейронами, ведь язык мозга – это язык импульсов, не только электрических, но и химических. Нервные импульсы, покидающие нейрон и передающиеся по аксону, представляют собой специфические электрические сигналы. Сам же аксон можно сравнить с электрическим проводом, центральная часть которого образована нервными волокнами и сверху покрыта особой изоляцией – миелиновой оболочкой. Она обеспечивает высокую скорость проведения электрических импульсов по нервному волокну, изолируя его от электрохимических влияний других нервных волокон. Электрический импульс, добежав по аксону до синаптической бляшки, запускает здесь химические реакции, в результате которых высвобождаются и выбрасываются в синаптическую щель (микропространство, разделяющее две мембраны: синаптическую и постсинаптическую) медиаторы. Молекулы медиатора взаимодействуют с рецепторами, встроенными в постсинаптическую мембрану, благодаря чему в клетке открываются каналы для ионов калия и натрия.

Возникший интенсивный поток ионов приводит нервную клетку в состояние возбуждения, рождает в ней электрический импульс, который передается следующему нейрону и так далее. Эти особенности мыслительного процесса закодированы древними в руне Соулу – руне электричества.

Если бы возбуждение начало распространяться по всем каналам межнейронных связей, подобная цепная реакция неизбежно привела бы к дезорганизации работы мозга и даже гибели организма. Этого не происходит благодаря тому, что наряду с возбуждением существует торможение. Когда нарушаются процессы торможения и нейроны начинают «разговаривать» одновременно и безостановочно, это становится причиной развития тех или иных психических расстройств. То есть, можно констатировать, что во внутреннем коммуникационном пространстве существует порядок. Устанавливая между собой связи, нейроны образуют целые сети. Эти группы интегрированных между собой нервных клеток называются нейронными сетями, или нейросетями. Несколько упрощая, можно сказать, что каждая нейросеть представляет собой мысль, воспоминание, навык, блок информации. Стоит сделать что-то один раз, и разрозненная группа нейронов образует сеть, но если не повторить это действие, то устойчивой связи не образуется. Когда действие повторяется, связь между нервными клетками укрепляется. Чем чаще используется сеть, тем прочнее она становится и тем проще получить к ней доступ. Этот процесс может быть полезным в обучении, но он же может привести к приобретению нежелательной привычки, от которой трудно избавиться. В тоже время возможен и обратный процесс: нервы, не используемые вместе, разъединяются. Устойчивые связи ослабевают. Всякий раз, когда мы прекращаем или

предотвращаем действие или ментальный процесс, оформленный в нейросеть, соединенные между собой нервные клетки и группы клеток ослабляют свою связь. Далее связи в нейросетях ослабевают, пока не исчезнут совсем. При этом происходит вот что: тончайшие дендриты, отходящие от каждого нейрона и связывающие его с другими нейронами, отсоединяются от одних нервных клеток и освобождаются для связи с другими. Таким образом, старые сети ослабевают, высвобождая потенциал для формирования новых. Укреплению нейросетей способствуют эмоции, которые сами отчасти являются нейросетями, связанными со всеми остальными нейросетями. Эти связи помогают мозгу отыскивать в первую очередь самые важные воспоминания. То есть эмоции формируют устойчивые нейросети, и эту особенность фиксирует смысл руны Райдо (эмоции), которая также не случайно была поставлена в руноряд.

Итак, мы рассмотрели значение двух рун Райдо и Соулу (эмоции и электричество). Далее проанализируем функцию руны Дагаз (воля, трансформация, переход). Детализируем процесс обдумывания: при повторении мысли образуются устойчивые нейронные связи, появляются группы нейронных сетей, поддерживающих мыслеформу. Мысль трансформируется в замысел. Замысел, смысл – это нечто большее, чем совокупность мыслей. Замысел уже подразумевает наличие воли, желания, стремления. Замысел динамичен, в нем присутствует движущее начало, устремленность к осуществлению представляемого. Далее происходит прорыв, трансформация мысли в слово, действие. Человек производит волевое действие и высказывает мысль, тем самым переходит от внутренней коммуникации к внешней. При трансформации электрический заряд переходит

в другое пространство. Психологически человек ощущает себя легче. Коммуникационный акт из внутреннего пространства перешел во внешнее, перенося соответствующий заряд энергии, так называемую «силу слова». Таким образом, мы видим значение руны Дагаз – трансформировать мысль, осуществляя ее переход из внутреннего коммуникационного пространства во внешнее. Это также руна завершения цикла, последняя в руническом футарке; применив это свойство на коммуникационный акт, мы также можем констатировать завершённый цикл – высказанная мысль освободила «место» во внутреннем пространстве для активности следующих групп нейросетей и формирования новых мыслей.

Поводя итог вышесказанному, сделаем вывод: анализ древних знаний, связанных с руническими знаками, позволяет глубже изучить природу социальной коммуникации, проследить процессы трансформации и перехода мысли из внутреннего коммуникационного пространства во внешнее, что будет способствовать развитию направлений в области нейросемиотики и эргосемиотики.

Библиографический список

1. Амосов Н., Касаткин А., Касаткина Л., Талаев С. Автоматы и разумное поведение. – К. : Наукова думка, 1973. – 261 с.
2. Ашкеназы В. О. Колыбель разума и живой мозг [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ufo.obninsk.ru/nts/text/bio5.htm>.
3. Бурдые П. Начала. – М., 1994.
4. Седов К. Ф. Нейропсихоллингвистика. – М. : Лабиринт, 2007. – 274 с.
5. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб., 1996.
6. Старшая Эдда. Речи Высокого [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/rvysok.htm>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Amosov N. M., Kasatkin A., Kasatkina L., Talaev S. Avtomaty i razumnoe povedenie. Opyit modelirovaniya. – K. : «Naukova dumka», 1973. – 261 s.
2. Ashkenazyi V. O. Kolyibel razuma i zhivoy mozg [Elektronnyiy resurs]. – URL : <http://www.ufo.obninsk.ru/nts/text/bio5.htm>.
3. Burde P. Nachala. – M., 1994.
4. Sedov K. F. Neyropsiholingvistika. – M. : Labirint, 2007. – 274 s.
5. Sokolov A. V. Vvedenie v teoriyu sotsialnoy kommunikatsii. – SPb., 1996.
6. Starshaya Edda. Rechi Vyisokogo [Elektronnyiy resurs]. – URL : <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/rvysok.htm>.

© Чекиштурина В. Н., 2014

Empirický a aplikovaný výzkum

Historické vědy

УДК 94(575.1)

УПОМИНАНИЯ О ЧАЧЕ И ИЛАКЕ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЯХ

Ю. У. Давранова

*Преподаватель,
Сырдарьинский областной институт
переподготовки и повышения
квалификации педагогических кадров;*

У. С. Эрбугаева

*Кандидат исторических наук,
Гулистанский государственный университет,
г. Гулистан, Узбекистан*

THE MENTIONINGS ABOUT CHACH AND ILAK IN MEDIEVAL MANUSCRIPT

Yu. U. Davranova

*Teacher,
Syrdaria regional institute of the refresher
course and increasing to qualifications
of the pedagogical personnel;*

U. S. Erbutaeva

*Candidate of Historical Sciences,
Gulistan State University, Gulistan, Uzbekistan*

Summary. In article opens the place Chach and Ilak in histories Uzbekistan. Happen to the data, stated in product medieval Arabic geographer. In particular, happen to the mentionings Istahri, ibn Hordadbeh, ibn Haukal about data area.

Keywords: Chach; Ilak; natural conditions; average ages; Arabic geographers; «Book of the ways and countries».

Древний Чач, средневековый Илак считались крупными урбанизированными регионами, которые сформировались в Ташкентском оазисе – по среднему течению реки Сырдарья и в бассейне её притоков реки Чирчик (Парак) и Ахангаран (Илак). Эта территория отличалась благоприятными природными условиями, граничила на севере, северо-западе и северо-востоке с Чаткальским и Кураминским хребтами гор Тянь-Шаня. Кураминский

хребет плавно спускается в долину, в сторону Карамазарских гор. Эти горы богаты различными полезными ископаемыми, рудами, в особенности цветными металлами – медью, серебром, а также драгоценными минералами. С древних времён они имели большое значение в экономике Ахангаранской долины. Просторные предгорные долины и адыры создавали благоприятные условия для полукочевого пастбищного скотоводства.

Долины рек Чирчика и Ахангарана, берега Сырдарьи были удобны для развития поливного земледельческого хозяйства. Кроме того, Илакский оазис располагался на перекрестке Великого Шелкового пути, на территории активных связей с кочевыми племенами Великой степи, Аральского побережья и Семиречья. Издревле Илак славился переработкой горнорудных ископаемых, цветных металлов и драгоценных камней, особенно серебра, золота и бирюзы. Это создавало большие возможности для формирования городов в качестве торгово-ремесленных центров. В городах развивались металлообработка и производство металлических изделий.

В период средневековья Илак был одним из урбанизированных центров Мавераннахра. В древности оазис упоминался в сасанидских и китайских источниках как Чач, Ши, Чжеши. В античное время южная часть оазиса (Ахангаранская долина) была известна под названием Илак. По некоторым данным термин «Илак» связан с терминами «Яйлок», «Яйлов» (рус. пастбище, выпас, джейляу, летовка) и связан со скотоводством. Именно этот оазис и окружающие его Чаткало-Кураминские адыры являлись местами летнего выпаса скота.

К периоду раннего средневековья в результате падения внутренней власти во владениях Чача самостоятельной областью, где перерабатывались горнорудные богатства, управлял «сильный дикхан Илака». Как самостоятельное владение Илак впервые был упомянут в произведении арабского географа IX века Абуль-Касыма ибн Хордадбега «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей и стран»). Ибн Хордадбех в качестве начальника почтового ведомства халифата имел доступ к архивам и библиотекам, при написании произведения пользовался древними рукописями и современны-

ми источниками того времени. Описывая торговые пути, проходящие через Мавераннахр, ибн Хордадбех впервые упоминает о «дороге, ведущей из аш-Шаша к серебряным рудникам Илака» [3]. Также он даёт сведения и серебряных рудниках Илакских владений и о городе Илаке, известном в истории под названием Балаян.

Наиболее полные сведения об Илаке встречаются в произведениях арабских географов X века Истахри, Ибн Хаукаля, Мақдиси. Они, используя письменные источники географов и путешественников прошлых веков, создали свои произведения и обогатили «Книгу путей и стран» ибн Хордадбега новыми сведениями. Произведение Истахри «Книга путей государств» написано на арабском языке приблизительно в 930–933 годах и позднее переведено на персидский язык. Истахри, описавший горы Хорасана и Туркестана и содержащиеся в них рудные богатства, в числе ведущих обладателей их называет Чач и его рудную подобласть Илак. Он приводит сведения, что в горной местности, в частности «в Шаше и в Илаке имеются крупные месторождения золота и серебра, многие из этих месторождений расположены вблизи страны хирхизов, в рудниках добываются железо, медь, золото, серебро, свинец и много других минералов» [4, с. 21–26]. Добыча цветных и благородных металлов способствовала чрезвычайно интенсивному развитию металлургического производства, потенциалу городов и активному включению в международную торговлю. Богатство городской культуры Чача восхищало восточных историков и географов средневековой эпохи. Истахри так описывал Чач: «И среди областей, которые находятся на территории Туркестана, нет ни одной области более значительной, чем Чач. В ней имеются обширные постройки в большом количестве, в каждом дворце проточная вода и зелень. Во всем Мавераннахре

нет области, равной этой по населённости и застроенности. Она изобилует селениями, возделанными землями и соборными мечетями» [4, с. 23]. Ему вторит современник конца X в. Абулм Касым ибн Хаукаль: «В Хорасане и Мавераннахре нет области, подобной Шашу по многочисленности соборных мечетей, возделанных селений, по обширности и обилию построек – вплоть до силы и храбрости жителей» [1].

По утверждению Истахри, территория обеих областей – Чача и Илака – равняется двух-трёхдневному расстоянию и «во всём Мавераннахре по численности населения нет области равной этим областям... В Илаке есть золотые и серебряные рудники. Самые большие города Илака Нукет и Тункет. В Мавераннахре, кроме Самарканда и Тункета, в других городах нет монетного двора». В IX–X вв. н. э. Тункет характеризуется в источниках как город, равный по площади половине столицы Чача. По данным географов дворец «дихкана Илака» располагался в цитадели, соборная мечеть – в шахристане, а в рабаде [1, с. 24] – базары и кварталы металлургов и керамистов, стеклодувов. Тункет чеканит свою монету, а в XI в. даже от имени дихкана Илака. В это время с трёх сторон, и особенно с южной и восточной город окружали рабады площадью около 150 га. Со второй половины XI в., с сокращением горнорудного производства, Тункет, оставшийся в стороне от транзитных караванных путей, теряет роль столицы

и постепенно хиреет. Столицей Илака становится город Нукет, стоявший на скрещении торговых путей Чач-Илака и на пути в Фергану [2].

Таким образом, рукописи средневековых арабских географов дают ценные сведения о городской жизни в Чаче и Илаке, о горнорудной промышленности, ремесленничестве, о древних дорогах и культурно-экономических связях.

Библиографический список

1. Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. – Вып. 111. Археология Средней Азии. – IV. – Ташкент, 1957. – С. 13–38.
2. Буряков Ю. Ф. Канка и Шахрухия. Древние города Чача и Илака на Великом Шёлковом Пути. – Ташкент, 2011. – 150 с.
3. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986. – 443 с.
4. Истахри. Китаб масалик-ал-мамалик // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – 2-е изд. – Бишкек, 2002.

Bibliograficheskiy spisok

1. Betger E. K. Izvlecheniya iz knigi «Puti i strany» Abu-l-Kasima ibn Haukalya // Trudy SAGU. – Vyip. 111. Arheologiya Sredney Azii. – IV. – Tashkent, 1957. – S. 13–38.
2. Buryakov Yu. F. Kanka i Shahruhiya. Drevnie goroda Chacha i Plaka na Velikom Shyolkovom Puti. – Tashkent, 2011. – 150 s.
3. Ibn Hordadbeh. Kniga putey i stran. – Baku, 1986. – 443 s.
4. Istahri. Kitab masalik-al-mamalik // Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. – Izd. 2-e. – Bishkek, 2002.

© Давранова Ю. У., Эрбутаева У. С., 2014

Filozofické vědy

УДК 141.201

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Н. Н. Аверьянова

*Кандидат философских наук,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина*

ART AS A FORM OF ACTIVITY OF THE UKRANIAN SHESTYDESIATNYKY

N. N. Averyanova

*Candidate of Philosophical Sciences,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine*

Summary. The artistic and esthetic searches of the painters who took part on the Dissidents movement of 1960^{es} (shestydesiatnyky) are analyzed. It is shown, that the Dissidents movement of the movement of 1960^{es} (shestydesiatnyky) brought into the Ukrainian society the new system of values, new comprehension of the national question and culture. They created special professional and multifarious art, maintaining the right of an artist for self-manifestation.

Keywords: the Dissidents movement of 1960^{es} (shestydesiatnyky); socialist realism; art; the Ukrainian.

Изобразительное искусство как определенная форма деятельности украинских шестидесятников остается недостаточно изученной, так как исследователи, в основном, свое внимание сосредотачивали на вопросах, касающихся сопротивления шестидесятников советской тоталитарной системе, на диссидентстве, на их литературно-эстетической деятельности.

Самые известные личности среди украинских шестидесятников – Иван Дзюба, Лина Костенко, Лев Лукьяненко, Иван Светличный, Евгений Сверстюк, Василий Симоненко, Василий Стус, Лесь Танюк, Вячеслав Черновол; художники – Алла Горская, Афанасий Заливаха, Виктор Зарецкий, Галина Зубченко, Вениамин Кушнер, Людмила Семикина, Галина Севрук, Георгий Якутович и др. Эти творческие лично-

сти привлекли к себе внимание общества не только потому, что были талантливы и эрудированны, они отличались мужественной гражданской позицией, а также чувством собственного и национального достоинства.

Украинские шестидесятники создали многогранный и профессиональный пласт искусства, именно они заинтересовались национальным вопросом в художественной деятельности. Осознавая несправедливость существующей политической системы, где искусство использовалось как важный инструмент идеологии кормчих СССР, они или открыто, или негласно стремились отстаивать право художника на самовыражение. Возможность творить свободно, честно, нестандартно и креативно стала ключевым аспектом шестидесятников. «Все искали возможностей выхода за

пределы соцреализма. Это касалось всех видов искусства. ... Художники чувствовали, что они уже не могут рисовать так, как их учили в академии. Каждый творец искал чего-то нового» [2, с. 75].

Метод социалистического реализма с его постулатами партийности и идейности не соответствовал духовным запросам художников-шестидесятников. Не удивительно, что концепт искусства приобрел для них новое значение, он свидетельствовал о необходимости творческих свобод в условиях унификации художественно-мировоззренческой сферы советского общества. Манифестом творческих исканий стало запрещенное искусство авангарда, которое было востребованным в Западной Европе и Америке. На землях Украины авангардизм существовал раньше, он ярко выразил себя в начале XX века и был репрезентирован талантливыми художниками и скульпторами – Александром Архипенко, Александром Богомазовым, Михаилом Бойчуком, Давидом Бурлюком, Александрой Экстер, Василием Ермиловым, Софией Левицкой, Виктором Пальмовым. Посредством авангардного искусства Экстер соединяла всех художников-авангардистов, выходцев Российской империи, в Париже, и «Россию с Парижем» [1, с. 445]. Художники-шестидесятники, не взирая на идеологическое давление со стороны партийных руководителей, продолжали развивать, хотя и с опозданием в сравнении с западным миром, традиции украинского авангарда.

Осознание собственного «Я» украинцами-шестидесятниками неразрывно связывалось с национальной самоидентификацией и реализовалось в художественной культуре. Художники обращались к произведениям украинского народного искусства, к искусству казацкого барокко, ставили вопрос о реабилитации школы бойчукистов, утверждая этим национальный

характер изобразительного искусства. Они искренне интересовались украинскими фольклорными традициями и этнографическими мотивами, разрабатывали мифологическую и историческую символику в произведениях, переосмысливали искусство «расстрелянного возрождения» и авангарда. Попытка украинских художников-шестидесятников возродить украинскую культуру с целью последующего ее развития и популяризации в обществе стала значимым выступлением против советской системы национальных отношений, предусматривающей постепенное слияние народов СССР в единый советский народ. В то же время этими действиями шестидесятники осуществляли и важный шаг к выбору системы европейских ценностей, в первую очередь, с ее свободой, равенством, демократизмом и динамической культурой.

Самоценность человеческого «Я» в искусстве шестидесятников смело противопоставлялась человеку-винтику большого государственного механизма, демонстрировала направленность личности на жизнь по своим собственным убеждениям, принципам и стремлениям. Нонконформизм в изобразительном искусстве уверенно преодолевал принцип социалистического реализма, давал толчок новым художественным формам самовыражения и самоутверждения. «Эстетическая бедность» [2, с. 73], которая присутствовала во всем, провоцировала художников-шестидесятников сознательно и упрямо создавать большой круг новых художественно-эстетических идей, сформированных на философской рефлексии Запада. Эстетические поиски художников основывались на синтезе украинской художественной традиции и западноевропейских новаций в искусстве, индивидуально переосмысленных и воплощенных в определенный художественный образ.

Новые тенденции в изобразительном искусстве шестидесятников вызвали сопротивление со стороны партийной номенклатуры. Примером тому служит обсуждение витража, выполненного Горской, Заливахой, Зубченко, Севрук, Семикиной в вестибюле Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко. Витраж изображал Великого Кобзаря, который своим плечом поддерживал женщину (символ Украины). И если художники в произведении современными им изобразительными средствами пытались показать величие и бунтарство Тараса Шевченко, его сильный дух и национальный патриотизм, то партийное руководство витраж восприняло как идеологическую угрозу. Он, как чужой принципам социалистического реализма, был немедленно уничтожен.

Художественные методы и формы в изобразительном искусстве, представленные украинскими художниками-шестидесятниками для высказывания собственного миропонимания, довольно часто ставили их в положение «неофициальности», что в дальнейшем не позволяло художникам репрезентировать свои произведения на официальных выставках и государственных мероприятиях. Такие произведения распространялись нелегально, однако их авторы завоевывали все большую аудиторию среди прогрессивно настроенной интеллигенции.

Таким образом, украинские художники-шестидесятники творили новое эстетичное пространство, осуществляли инновационный прорыв в художественной и философско-мировоззренческой сферах. Они росли и воспитывались в советской тоталитарной системе, «считали, что все неурядицы в национальной политике Советского Союза вызваны отступлением от «ленинских норм», верили в «социализм с челове-

ческим лицом» [3, с. 29], но при этом ограничение свободы, фальшь и цинизм были для них неприемлемы. Несмотря на изолированность советских художников от зарубежного мира искусства, украинские художники-шестидесятники пытались различными путями приобщаться к мировой культурно-художественной информации. Они создавали произведения авангардного искусства, которые вписывались в общеевропейское художественное русло. Такие произведения, по мнению государственных партийных руководителей, создавали высокое напряжение в обществе и представляли для него опасность, потому что несли советскому миру западные ценности: свободу выбора творческого метода, раскованность в манере письма, демократизм сюжета, новые эстетичные ценности.

Библиографический список

1. Адашкина Наталия. Весна 1914 года. Русские авангардисты в Париже // Искусствознание. – 2013. – № 1–2. – С. 444–455.
2. Ми обрали життя. Розмова з Євгеном Сверстюком // Бунт покоління. Розмови з українськими інтелектуалами / Богуміла Бердиховська, Оля Гнатюк. – К.: Дух і літера, 2004. – С. 33–90.
3. Мушинка М. Мої шістдесяті / Микола Мушинка // Український журнал. – 2010. – № 2. – С. 29.

Bibliograficheskiy spisok

1. Adaskina Natalia. Vesna 1914 goda. Russkie avangardisty v Parizhe // Iskusstvovoznanie. – 2013. – № 1–2. – P. 444–455.
2. Mushynka M. Moji shestydesiati / Mykola Mushynka // Ukrainnyi zhurnal. – 2010. – № 2. – P. 29.
3. My obraly zhyttia. Rozмова z Yevgenom Sverstiukom // Bunt pokolinnia. Rozмовy z ukrainskymy intelektualamy / Bogumila Berdykhovska, Olya Gnatiuk. – Kyiv: Dukh i Litera, 2004. – P. 33–90.

© Аверьянова Н. Н., 2014

UDC 821.161.1

**SARAH TOLSTAYA IS THE BRIGHT REPRESENTATIVE
OF ROMANTIC GROUP**

L. V. Vlasenko

*Teacher,
National University of Food Technologies,
Kiev, Ukraine*

Summary. The article is devoted to the research work of the forgotten authoress of Sarah Tolstaya. The stages of creative way of authoress are analyzed at the beginning of XIX century. The introduction to the scientific turnover of the marked materials will assist deeper further researches in Russian literature.

Keywords: the forgotten authoress; Pushkin epoch; romanticism; literature; research activity; woman work.

Woman literature of the first half of XIX century is known for many representatives of poetic and prosaic works; however, their creative inheritance is underestimated by modern literary critics. Unfortunately, the most representatives of the Pushkin epoch are remained in that century where they were created.

The aim of the article is to acquaint with the work of one of the forgotten representatives of woman literature Sarah Tolstaya, to give general description of her vital and creative way on the basis of researches of literary critic O. Biletskiy. Sarah Tolstaya is unknown poetess, and in opinion of O. Biletskiy, every author is needed, regardless of his contribution to the development of literature and to investigate in a context of other authors. And that is why, to our opinion, Sarah Tolstaya deserves attention from the side of critics and readers. Let even far later than the expected hopes, but, however, better late than never.

The countess Sarah Tolstaya is not very popular representative of woman literature of the beginning of XIX century that «flashed as a shadow, not so long,

and anybody couldn't meet her talent» [3]. As well as the most women-authoresses and poetesses of her epoch, Sara quickly flashed by both on literature and on life, leaving the some steps on her way. As her age was short, in fact she lived only 18, literature got Sara's poetry and prose in Russian literature.

During child's years Sara had read many books. The personal interests Sara promoted literature works of Byron, Goethe, T. Moore, V. Scott, L. Tick, F. Schiller, and others. Reading developed perception and romantic dreaming. «From this time, – wrote her researcher, – the God's flesh had already fallen back in the soul of young person, but she was old for feelings. Sara did not write yet, but she already was a poet» [3]. Certainly, painting and music did not go round her attention. However her origin as a poetess, to our opinion, some interlace with Ie. Kulman:

- 1) almost all time conducted with nature;
- 2) began to write in early age;
- 3) both knew many languages, although Ie. Kulman knew them more than S. Tolstaya;

4) wrote in different languages, although S. Tolstaia did not write almost in Russian language;

5) died in very early age.

O. Biletskyi names S. Tolstaya the last woman-authoress romantic. «And they will tell (women-authoresses) not only by their feelings that have not names, but on feelings that sometimes are routines» [3]. We have not information about the life and work of young talent. In the article «What was the reason of autograph's silence» Leo Berdnikov marks, that mentions «...there are no articles in the literary encyclopedias and this name is forgotten in Russian culture» [2]. Only source, where the author found mentions about a young authoress is description of biography and work of Sara Tolstaya is a book «... book of medium format in big eighth, printed on a good paper without any polygraph embellishing with signature on the title sheet: «Works in poems and prose of Sara Tolstaya» (M., 1839) [2].

Sara Tolstaya is a daughter of count Fedor Tolstoy and gipsy Avdotya Tugaeva. Sara got home education by the means of her father who was well-educated person. He knew some languages and taught the daughter. When Sara was 6 years, she freely communicated and wrote in French and German languages, and in 9 had learnt English. And in relation to Russian, she knew it badly and began to study only for a year to her death.

Creative activity of Sarah Tolstaya lasted not long, as she began to write in 14, and in 18 already left this world, dying of tuberculosis. But in her works we will not find «...nothing special, certain, subjective. These are only that have the forms of poems. Poems are cleanly лирическая: love, friendship, feelings of presented nature, and heart feelings» [2]. Among the plots of Sara Tolstaya, it is possible to mark the themes of nature, music, love. But love unusual, that was not yet inherent to the young person. The play «Feeling that hasn't the name» is the best example

of display of Sara's sense. She describes it, points epithets and comparisons, but cannot understand that sense, what had made influence of her shower and rocked her heart is love.

In the opinion of V. Belinskiy verses of Sarah Tolstaya «...we understand them only when they are combined and in the connection with life of the young poetess ...» [1, p. 656]. Thus, becoming familiar with the life and other works of author, it is possible to understand the moods of her soul, dream and experiencing.

«All these poems are full of feelings and one thought and than the feeling is melancholia, and thought is thought about the death, about the calm grave with spring flowers...» [1, p. 656]. Thus, Belinskiy sees in work of Sarah Tolstaya the moods of events and dreams that did not come true, maybe, left bad remembrances in her soul. A desire to turn lost, find the rest for the soul and body, brought a young author over to such plots in her work. Certainly, that desire of a young girl is resulted in the crash of all her hopes and desires. And it was not fated to Sarah's hopes come true.

Unfortunately, the verses, written by Sara in different languages and in that amount that we wanted, did not reach to us and not saved, that did not give to possibility to detail them and learn creative work of young poetess and investigate influence on the development of Russian literature.

Thus, Sarah Tolstaya as well as other women-authoresses, for short period of life did the contribution into the development of Russian literature. She showed the example, that a young person can change the world around, to show feelings, attitude toward the surrounding world. Being a patient, she did not abandon hope on changes, she simply created the example, maybe, showed to other, that it is not needed to sit in place, it is necessary to search something new and walk ahead.

Bibliography

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений // Статьи и рецензии / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М., 1955. – Т. 7. – 739 с.
2. Бердников Л. О чем молчал автограф... / Новый берег 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stosvet.net/11/berdnikov/index2.html>. – № 42. История культуры (дата обращения 20.05.2014).
3. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х годов / Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – Ф. 162. – Од. зб. 520–522.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij // Stat'i i recenzii / Akademija nauk SSSR. Institut ruskoj literatury (Pushkinskij dom). – M., 1955. – T. 7. – 739 s.
2. Berdnikov L. O chem molchal avtograf... / Novyj bereg 2013 [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.stosvet.net/11/berdnikov/index2.html>. – № 42. Istoriya kul'tury (data obrashhenija 20.05.2014).
3. Jepizod iz istorii russkogo romantizma. Russkie pisatel'nicy 1830–1860-h godov / Viddil rukopisnih fondiv i tekstologii Institutu literaturi im. T. G. Shevchenka NAN Ukraïni. – F. 162. – Od. zb. 520–522.

© Власенко Л. В., 2014

УДК 82-1/-9

«ВТОРИЧНЫЕ» ЖАНРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

О. А. Сысоева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Дальневосточный государственный
гуманитарный университет,
г. Хабаровск, Россия*

THE SECONDARY GENRES IN MODERN RUSSIAN PROSE

O. A. Sysoeva

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Far Eastern State University of Humanities,
Khabarovsk, Russia*

Summary. The article is devoted to the problem of the secondary genre's determination. It shows that remake and sequel represent the new modification of motives and plots of classical texts.

Keywords: genre; the secondary text; remake; sequel; serial.

Исследователями неоднократно отмечалось, что одной из определяющих особенностей русской литературы конца XX – начала XXI вв. является опора на культурные тексты, создание вторичной художественной модели. В западной и отечественной культуре востребованы и коммерчески успешны ремейки и сиквелы – различного рода продолжения произведений, пользующихся популярностью у массовой аудитории. Известны оригинальные интерпретации произведений А. С. Пушкина (Д. Стахов «Генеральская дочка»; Н. Коляда «Тройкасемеркатуз»), Н. В. Гоголя (Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков»; Я. Веров «Господин Чичиков»), Л. Н. Толстого (О. Шишкин «Анна Каренина-2», Б. Акунин «Квест»), А. П. Чехова (драмы Л. Петрушевской, Н. Коляды, Б. Акунина, К. Костенко).

Как отмечает О. Е. Осовский, указанные литературные явления, «... являясь изначально результатом авторской / издательской установки на «вторичность», которая выражается в воспроизведении апробированного набора персонажей и сюжетов...», представляют значительно более «... сложную конструкцию, нежели может

показаться на первый взгляд» [5, с. 28]. Феномен ремейка и сиквела «...выводит своего исследователя на достаточно большой круг литературоведческих проблем – от стилизации и пародии как возможных стратегий сохранения авторского «я» в тексте-имитации до вопросов писательской и читательской психологии» [5, с. 28].

Проблема функционирования «вторичных текстов» тесно связана с явлением сериальности в современной культуре. В. П. Руднев объясняет поворот искусства XX–XXI вв. к серийному мышлению как «...реакцию на усложнившуюся в результате ряда открытий в области теории относительности, квантовой механики, психоанализа...» реальность [6, с. 407]. Согласно мысли ученого, основной прагматический смысл подобного типа мышления – «в рецептивной адаптации»: сериал дробит окружающую реальность «на простые составляющие, что упрощает коммуникативные механизмы художественного текста» [6, с. 407]. Е. М. Тюленева рассматривает серийность как специфический способ миропонимания. Исследователь приходит к очень интересному выводу о трансформации

ощущения реального времени: формируется «некое бесконечное время, в котором настоящее время одновременно предстает как прошлое и будущее»; каждая «последующая серия отсылает как к появлению новых серий, так и к памяти о первой», следовательно «обозначение конечного члена серии невозможно», так как оно неминуемо обернется уничтожением исходного элемента (субъекта или объекта)» [7, с. 26]. Таким образом, бесконечная серийность становится аналогом литературного бессмертия, способом снятия оппозиции «жизнь/смерть». Отсюда принципиальная невозможность завершения сюжета и самого произведения. Воплощением этой идеи стали проект «Новый русский романъ» (издательство «Захаров»), включающий романы Федора Михайлова «Идиот», Льва Николаева «Анна Каренина», Ивана Сергеева «Отцы и дети», ряд произведений серии «Неклассика» (издательство «Столица-Принт»).

Подобного рода тексты свидетельствуют об активном освоении классического наследия современной беллетристикой. Очевидно, что беллетристика подражательна по отношению к серьезной, классической литературе, она эксплуатирует ее достижения для решения не эстетических, а развлекательных и коммерческих задач. Во вторичных жанрах особенно важным оказывается «игра с читателем» (на различных художественных уровнях текста: жанровом, стилистическом, сюжетно-пародийном), требующая глубинного погружения не только в текст читаемый, но и в литературное пространство, этим литературным фактом охваченное. Основная задача беллетристического интертекста – «комфортное узнавание известного в неизвестном, создающее чувство удовлетворенности собственной компетентностью в сфере культурных феноменов» [2, с. 15].

Подобного рода тексты становятся формами «перекодировки» классики. Чаще всего они не просто пародируют классическое произведение, а заполняют старую форму новым оригинальным содержанием. Повышенный вес приобретает организация чисто событийного материала: его расположение, подведение под архетипические модели и сюжетные схемы. В романах практически не изменяются типы характеров, а иногда и имена героев. Модель героя узнаваема читателем, однако она редуцирована, лишена глубины внутреннего мира. Как справедливо замечает М. Загидуллина, литературная классика – это «всеобщий коммуникационный код», универсальный язык, понятный людям разных эпох; ремейк – «верный раб классики, который ... подставляет спину, чтобы она шагнула через него в будущее»; «сам он остается в своей эпохе», «интересный только историкам и социологам литературы» [1, с. 123].

Известный французский социолог А. Моль назвал культуру конца XX века «мозаичной». «Мозаичная» культура сформировала и особый тип восприятия художественной литературы. «Чтение как труд и творчество» (В. Ф. Асмус) уступает место «скорочтению», «беглому чтению». Его целью становится «получение максимума сведений и эмоциональных впечатлений за минимальный отрезок времени <...> В поверхностно-деструктивном освоении литературы существенное значение приобретает количественный фактор, подменяющий глубину проникновения в мир отдельного художественного произведения и культуру читателя в целом «клиповой» эрудицией (знанием имен отдельных писателей, названий «актуальных», «занимательных», «модных» произведений и т. п.)» [3, с. 30]. Как верно замечает В. Г. Мехтиев: «Слово в постмодернистском тексте противостоит всему, в том числе хотя бы его приблизительному адекватному пониманию.

Ценность текста определяется его мозаичностью. Текст рекомендуется как нечто такое, в чем принципиально отсутствует смысловая парадигма» [4, с. 77].

Современные критики и литературоведы (среди них следует назвать работы Е. М. Тюленевой, В. А. Беглова) все чаще говорят о доминирующем феномене *пустоты*, проявляющемся как на содержательном плане, так и на уровне субъектной организации текста. Основным способом адаптации во вторичных жанрах становится ориентация на использование в качестве пресуппозиции «чужого слова» (М. М. Бахтин) или «образа литературы в литературе» (В. Е. Хализев). Рассмотрение «вторичных текстов» современной литературы позволяет говорить об определенном соответствии текстовых форм и повествовательных стратегий специфике современного мира, его восприятия и ощущения: «актуализируются явления, демонстрирующие нестабильность с разнообразными формами проявления» [7, с. 5]. Нестабильность оказывается востребованной, когда сомнительными становятся «известное», «базовое». Именно описываемые «вторичные» жанры позволяют продемонстрировать множественность, вариативность интерпретаций, мерцание смыслов, то есть качества, присущие современному миру.

Библиографический список

1. Загидуллина М. Ремейки или Экспансия классики. Ремейк как форма исторической реинтерпретации // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – С. 69–83.
2. Крижовецкая О. М. Нарратология современной беллетристики (на материале прозы М. Веллера и Л. Улицкой) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 26 с.
3. Лавлинский С. П. Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход : уч. пособие для студентов-филологов. – М. : Прогресс-Традиция ИНФРА-М, 2003. – 384 с.
4. Мехтиев В. Г. Жанр как ценность // Историческая поэтика жанра. – 2009. – Вып. 3. – С. 76–81.
5. Осовский О. Е. «Первичный» и «вторичный» художественный текст в современной русской прозе: ситуация сиквела // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения : материалы Третьей Международной научной конференции : Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 4–5 декабря 2008 года / Ред.-сов. С. И. Кормилов. – М. : МАКС Пресс, 2008. – С. 28–34.
6. Руднев В. Словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
7. Тюленева Е. М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2006. – 34 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zagidullina M. Remeyki ili Ekspanziya klassiki. Remeyk kak forma istoricheskoy reinterpretatsii // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 69. – S. 69–83.
2. Krizhovetskaya O. M. Narratologiya sovremennoy belletristiki (na materiale prozyi M. Vellera i L. Ulitskoy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tver, 2008. – 26 s.
3. Lavlinskiy S. P. Tehnologiya literaturnogo obrazovaniya. Kommunikativno-deyatelnostnyiy podhod : uch. posobie dlya studentov-filologov. – M. :Progress-Traditsiya INFRA-M, 2003. – 384 s.
4. Mehtiev V. G. Zhanr kak tsennost // Istoricheskaya poetika zhanra. – 2009. – Vyip. 3. – S. 76.
5. Osovskij O. E. «Pervichnyj» i «vtorichnyj» hudozhestvennyj tekst v sovremennoj russkoj proze: situacija sikelva // Russkaja literatura XX–XXI vekov: Problemy teorii i metodologii izuchenija : materialy Tre'tej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, 4–5 dekabrja 2008 goda / Red.-sov. S. I. Kormilov. – M. : MAKS Press, 2008. – S. 28–34.
6. Rudnev V. Slovar' kul'tury XX veka : Kljuchevye ponjatija i teksty. – M. : Agraf, 1999. – 384 s.
7. Tjuleneva E. M. «Pustoj znak» v postmodernizme: teorija i russkaja literaturnaja praktika : avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk. – Ivanovo, 2006. – 34 s.

© Сысоева О. А., 2014

УДК 81'373.2

**АЛЛЮЗИВНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ МЕГАКОНТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА**

О. Н. Алтухова

*Кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

**PROPER NAMES AS ALLUSIONS
IN A MEGACONTEXT OF VICTOR PELEVIN'S PROSE**

O. N. Altukhova

*Candidate of Philological Sciences,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Summary. The paper discusses functioning of proper names as intertextual allusions in the prose of a postmodernist author Victor Pelevin. It is noted that the onyms used as allusions refer the reader to a real person and literary character, historical event and mythological object. The proper names in Victor Pelevin's works form a megacontext – a global cultural and historical context.

Keywords: proper names; onyms; allusion; art text; context; megacontext; postmodernism.

Одним из средств реализации категории интертекстуальности в постмодернистском художественном произведении является аллюзия – стилистический прием употребления какого-либо имени или названия, указывающего на определенный литературный или историко-культурный факт или лицо [2]. Аллюзия отсылает к культурной памяти читателя, к укрепившимся в ней устойчивым понятиям литературного, исторического и мифологического характера. Но данный прием не ограничивается только ссылкой на какое-либо событие или сюжет. Аллюзия вызывает у читателей ассоциации, эстетически, содержательно и эмоционально обогащающие понимание принимающего текст [3]. Причина широкого применения литературной аллюзии как стилистического приема в художественной литературе обусловлена ее способностью расширения художественного восприятия произведения, что делает его более объемным, ярким,

способствует реализации интенсивных ассоциативных связей, соединяя, таким образом, данный текст с текстами других авторов.

Одной из отличительных черт аллюзии является ее направленность, которая обеспечивает предусмотренную автором связь данного приема с конкретным произведением. Так любая аллюзия предполагает выход за рамки текстового хронотопа. Очень часто роль этого стилистического приема на себя берут имена собственные. В качестве интертекстуальных аллюзий могут функционировать различные ономастические единицы, но чаще всего в этом качестве выступают антропонимы, вследствие частотности их употребления в речи и связи с историко-культурной традицией [1].

Аллюзивные антропонимические единицы, которые встречаются в романах, повестях и рассказах писателя-постмодерниста В. Пелевина, выводят текст на уровень мегаконтекста

(контекста культуры), обогащая литературные тексты ассоциациями и оказывая значительное влияние на создание художественных образов в произведениях автора. Можно выделить следующие аллюзивные антропонимы в текстах писателя:

1) имя собственное–аллюзия на известное историческое лицо. Один из героев «дзен-буддистского» романа «Чапаев и Пустота» – барон Юнгерн, аватара, носитель высшего знания. В. Пелевин взял фамилию реально существовавшего человека, генерал-майора Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга, и поменял первую букву фамилии. «Ю» и «У» – категории китайской философии, образующие категорию «бытие – небытие». Кроме того, автор отсылает читателя к швейцарскому психологу и психиатру, основателю аналитической психологии, К. Юнгу и немецкому мыслителю и философу Э. Юнгеру, утверждавшему индивидуальную свободу личности.

2) имя собственное–аллюзия на литературный (фольклорный) персонаж. В романе «Жизнь насекомых» червяка-личинку, мечтающего стать цикадой, писатель называет Сережей. Метаморфозы, происходящие с героями В. Пелевина, отсылают читателя к «Превращению» Ф. Кафки и «Носорогам» Э. Ионеско. У автора «Жизни насекомых» – Сережа, у Ионеско – Беранже. Аллюзия на литературный персонаж создается автором за счет схожести звукового комплекса, составляющего имена: **Сережа** – **Беранже**. «Маленький человек» Беранже не желает (подобно большинству) превращаться в носорога. «Маленький червяк» Сережа роет ход в «другую жизнь», «на поверхность». Он верит, что не станет одним из многих, не превратится в таракана. Сережа выбирается на поверхность и становится тем, кем он мечтал – цикадой.

Герои рассказа «Хрустальный мир» – два юнкера, стражники Смоль-

ного, по фамилии Муромцев и Попович. Автор использует имена-аллюзии на фольклорные образы былинных богатырей: персонажи призваны стать защитниками хрупкого нового мира. С другой стороны, их имена – Юрий и Николай – аллюзии на русских христианских святых Георгия Победоносца, защитника русской земли, и Николая Чудотворца, защитника русских людей.

3) имя собственное–аллюзия на мифологический образ или сюжет. Главный персонаж повести В. Пелевина «Омон Ра» – московский школьник Омон Кривомазов, который мечтает о полете на Луну. Амон – в египетской мифологии бог солнца. Омон, собираясь лететь в космос, выбирает себе позывной Ра (в египетской мифологии также бог солнца). Главный герой романа стремится из сына милиционера превратиться в космического бога.

4) имя собственное–аллюзия на библейский образ или сюжет. Имя главного героя романа В. Пелевина «Generation “П”» Вавилен – аллюзия на образ древнего города Вавилона, с его Вавилонской башней, воплощающей стремление человека сравняться с Богом. Продвижение Татарского по служебной лестнице – это его постепенное восхождение на Вавилонскую башню, для того чтобы стать правящим богом, мужем божества Иштар.

5) имя собственное–аллюзия на известное событие. Герой повести «Омон Ра» поступает в училище имени Маресьева, где курсантов готовят к полету на Луну. Училище названо в честь известного советского летчика, что призвано напомнить читателям о его подвиге: А. П. Маресьев в Великую Отечественную войну летал на истребителе, был сбит и много дней, тяжелораненый, добирался до своих войск. Он пережил ампутацию ног и продолжал летать с протезами. Курсантам в училище им. Маресьева ампутируют ноги, чтобы

они смогли доказать, что и в их жизни есть место подвигу во имя Родины.

Характерной особенностью прозы писателя-постмодерниста В. Пелевина является использование имен собственных в качестве интертекстуальных аллюзий. Выходя за рамки произведения, которому они принадлежат, аллюзивные ономастические единицы становятся средством создания и включения художественного текста в мегаконтекст – широкий культурно-литературный контекст.

Библиографический список

1. Алтухова О. Н. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина) : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 176 с.
2. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологическо-

го изучения // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4.

3. Камовникова Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 203 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Altuhova O. N. Onomasticheskiy kontekst v postmodernistskoj literature (na materiale proizvedenij V. Pelevina) : dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2004. – 176 s.
2. Arnol'd I. V. Implikacija kak priem postroenija teksta i predmet filologicheskogo izuchenija // Voprosy jazykoznanija. – 1982. – № 4.
3. Kamovnikova N. E. Antroponimy kak intertekstual'nye alljuzii v pojeticheskom tekste : dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2000. – 203 s.
4. Kalinkin V. M. Pojetika onima. – Doneck : Jugo-Vostok, 1999. – 408 s.

© Алтухова О. Н., 2014

УДК 811.221.18

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ
В ПЕРЕВОДНОМ СЛОВАРЕ**

Л. К. Парсиева
Л. Б. Гацалова

Доктор филологических наук;
Доктор филологических наук,
Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН
и Правительства РСО-А, г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия – Алания, Россия

**A LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF THE TERMS
IN THE TRANSLATION DICTIONARY**

L. K. Parsieva
L. B. Gatsalova

Doctor of Philological Sciences;
Doctor of Philological Sciences,
North Ossetian Institute for humanitarian
and social research by name V.I. Abaev,
Vladikavkaz scientific center of the RAS
and the Government of the Republic North Ossetia – Alania,
Vladikavkaz, Republic North Ossetia – Alania, Russia

Summary. Lexicographic publications are of great interest for the study of language processes, preservation and development of language. This article deals with the lexicographical representation of the terms in the translation dictionary. Further development of the Ossetian lexicography requires solving a range of theoretical and practical problems associated with the lexical stock of the Ossetian language and its reflection in various dictionaries.

Keywords: Ossetian language; lexicography; vocabulary; Ossetian linguistics; terminology; term.

Формирование и развитие различных терминосистем осетинского языка, описание и анализ новых слов, значений и сочетаний, мониторинг лексических и фразеологических новаций, создание толковых и переводных словарей являются приоритетными направлениями современного осетинского языкознания.

Известно, что лексические единицы очень быстро реагируют на все трансформации, происходящие в социально-экономической, общественно-политической, научно-технической сферах жизни общества. Терминология осетинского языка открыта для иноязычного влияния и легко заимствует множество терминов. В условиях интеграции различных наук и тенденции к интернаци-

онализации терминологии осетинский язык часто использует для номинации новых понятий и реалий заимствованные из русского языка слова. В настоящее время проблемы терминологии находятся в центре внимания лингвистической науки. Это объясняется тем, что нынешний этап развития общества связан с коренными изменениями в социально-политической и экономической сферах жизни страны. Появляются новые термины, изменяются и актуализируются значения старых.

В осетинском языке есть большое количество заимствованных слов и словосочетаний, калек и полукалек:

– *тæрхонарæзтад* – «судоустройство»; *паддзахадон фыдракæндтæ* – «государственные преступления»;

паддзахадон мулк – «государственное имущество»;

– *зылынганæн акт* – «обвинительный акт»; *æфснайæн банк* – «сберегательный банк»;

– *газуарæн* – «газораспределение», *ксерохалдих* – «ксерокопия» (есть и *ксерокопи*), *микробуаргъæд* – «микровещество», *наркоруæйгæнæг* – «наркотоорговец»;

– *æрвылазон ныстуан* – «ежегодное послание», *бюджеты хъахъхъæд статья* – «защищенная статья бюджета», *дæлхæтæл гранатомет* – «подствольный гранатомет», *сабырдзинадтауæг тыхтæ* – «миротворческие силы», *наркотикты гæнæзакъон зилдух* – «незаконный оборот наркотиков» и т. д. [2].

Встречаются случаи параллельного употребления исконных и заимствованных единиц: *сæудæджерæд* – *коммерци* (коммерция); *уынафæддон* – *управлени* (управление); *куыстуат* – *предприяти* (предприятие); *фидары гæххæтт* – *вексель* (вексель).

Можно привести примеры вытеснения осетинских слов русскими в результате использования и последующего утверждения «заимствованных заместителей»: *чапар* / *полицъйаг* – полицейский, где вариант «*чапар*» вышел из активного запаса лексики.

Работа по формированию различных терминосистем осетинского языка продолжается и в настоящее время. Важным направлением такой работы является описание лексико-семантических групп словарного фонда языка, непосредственно связанных с экономической, юридической, общественно-политической терминологией, а также с терминами документоведения и делопроизводства, медицины, зоонимии, фитонимии, орнитонимии и т. п. Большое значение для развития осетинского языка имеет отражение терминов в лексикографических источниках.

Переводные и толковые словари осетинского языка должны отображать

изменения, происходящие в языке, так как являются общепринятым источником сведений о правильном написании, произношении и использовании слов в речи. Особой тщательности, на наш взгляд, требует словарное описание терминов. В осетинском языкознании до середины XX века проводилась работа по созданию терминологической базы; был издан целый ряд толковых и переводных терминологических словарей [3]. В настоящее время очевидной необходимостью являются лексикографические издания, соответствующие современным реалиям.

Определенные сложности возникают при переводе на осетинский язык юридических, экономических терминов и некоторых терминов информатики. Это объясняется тем, что многие терминосистемы осетинского языка, в том числе и вышеназванные, до настоящего времени еще не сформированы и требуют планомерной работы по совершенствованию и систематизации. Так, нередко для передачи на осетинском языке содержания какого-либо термина приводится сразу несколько вариантов его перевода, что затрудняет работу лексикографов.

В лексикографической работе одной из сложных проблем является отбор специальной лексики для неотраслевого словаря. При решении вопроса о включении термина в словарь следует руководствоваться «...совершенно верным общим принципом – включать в словарь только широкоупотребительную терминологию, избегая слов узкоспециальных...» [1, с. 47], что также вызывает определенные трудности. При составлении «Большого русско-осетинского словаря», содержащего около 60 тысяч слов и выражений, мы включали в его словник наиболее употребительные в современном русском языке термины, а в подборе эквивалентов по возможности использовали средства осетинского языка (вместо

введения в словарь заимствований из русского или через посредство русского языка). В данном словаре нашли отражение наиболее используемые термины информатики, биологии, медицины, правоведения, экономики и т. д.

Развитие, упорядочение и систематизация терминологии различных отраслей, их лексикографическая репрезентация непосредственно связаны с описанием лексико-семантических групп словарного фонда языка и способствуют расширению функциональных возможностей осетинского языка, что является одной из важнейших задач современного осетиноведения.

Библиографический список

1. Берков В. П. Двухязычная лексикография. – М., 2004.
2. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Инновационные возможности осетинского языка // Фун-

даментальные исследования. – 2012. – № 11 (ч. 3). – С. 727–730.

3. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. К истории становления и развития осетинской лексикографии // Фундаментальные исследования. – М., 2013. – № 11 (ч. 3). – С. 590–593. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10002438.

Bibliograficheskiy spisok

1. Berkov V. P. Dvuyazychnaya leksikografiya. – M., 2004.
2. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. Innovatsionnyye vozmozhnosti osetinskogo yazyika // Fundamentalnyye issledovaniya. – 2012. – № 11 (ch. 3). – S. 727–730.
3. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. K istorii stanovleniya i razvitiya osetinskoy leksikografii // Fundamentalnyye issledovaniya. – M., 2013. – № 11 (ch. 3). – S. 590–593. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10002438.

© Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б., 2014

UDC 802. 0.035

ETYMOLOGICAL PECULIARITIES OF NAMES OF CLOTHS IN ENGLISH**T. S. Nifanova***Doctor of Philological Sciences, professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov, Archangelsk, Russia*

Summary. Names of cloths in English have not been studied yet. This article shows mixed character of etymological structure of names of cloths in the English language. The article also gives some quantitative data on etymological structure of names of cloths and explains some of them.

Keywords: etymology; borrowing; Indo-European element; Germanic element; English proper element.

It is known that the English vocabulary comprises up to 70 % of foreign words and only about 30 % of English proper units [2, p. 179]. This fact reflects in etymological structure of names of cloths in the English language.

English Proper units are words which are not borrowed from other languages, they date back from Old English [2, p. 179]. There are 29 English proper words (27%) in our card index: *cheesecloth, tweed, twill, oxford, sackcloth, wool* [6].

English proper element is represented by three layers of lexical units [3, p. 45–46]:

1) Indo-European words with cognates in other, non-Germanic, but Indo-European languages. There are 9 (31%) such units in our card index: *camel, felt, leatherette, sackcloth, broadcloth* [6];

2) Common Germanic stock including units which can be traced back to the common Germanic origin. They have cognates only in Germanic languages. Names of cloths of Common Germanic stock are less numerous than names of cloths of Indo-European element – 4 JIE (14%): *gossamer, lace, linen* [6];

3) English proper word embracing units which represent proper English combinations of morphemes of different origin. Each morpheme in such words has cognates in a number of related languages but combinations of morphemes exist only in English [4, p. 45]. There are 16 (55%) such

words in our card index: *corduroy, damask, georgette, jersey, nylon, melton* [6].

A considerable number of English proper names of cloths is due to the fact that cloths denoted by these words are a traditional product of English family production. Weaving developed and got stronger in England already in the Anglo-Saxon period and in the XI-th century, due to fast growth of towns, became an important factor in economic life of English people.

One of the leading industries in England was cattle-breeding, especially sheep-breeding, which greatly made for development of weaving in the country.

Fulling mills appeared not only in towns but also in villages. In different counties of England were built local industrial centres each of which specialized in production of definite woolen cloths and broadcloths. Broadcloths were produced in the southwest and in the centre of England, worsted cloths and flannelette, as well as thick flannelette – in the east of the country, coarse cloths – in the northern counties.

Weaving and textile industry developed both in town and in the country. English people produced woolen cloths and textile for themselves and for the market [5, c. 45–46]. Broadening of production and appearance of looms in England favoured the production of new cloths. For example, in the XVII–XVIII-th centuries

the following cloths appeared: *cheesecloth, jersey, oxford, corduroy* [6]. Further perfection of production and appearance of still more complicated looms led in the XIX–XX-th centuries to new cloths such as *tweed, leatherette, georgette* [6].

Besides English proper words in our card index there are borrowings – 72 words or 68%. Borrowings are lexemes which came into English from any other language and underwent in English different transformations [2, p. 179].

Etymological analysis showed that borrowed names of cloths came into English from different languages:

– from French (49 units or 68%): *grosgrain, faille, bombazine, batiste, matelassé, velvet, taffeta, satin, fur, flock, cotton, voile, velveteen, suede, tulle, percale*. They appeared in English since 1066 [3, p. 45–46]. For example, in the XII–XVI-th centuries French words came into English through French fashion with its numerous and new for English people cloths the names of which became a part of English vocabulary. Close contacts between France and England as neighbouring countries as well as blood relationship of royal families and noble dignitaries led to Gallomania in England which reflected in the English language [5, p. 45];

– from Spanish (4 units or 5,5%): *alpaca, brocade, gabardine, merino* [6]. Influx of Spanish borrowings, including names of cloths, into English was especially considerable in the XVI–XVII-th centuries, when, on the one hand, England and Spain contended for the first place in foreign policy and developed new territories in America, and on the other hand, Spanish literature flowered and introduced into common use in Europe Spanish realia [4, p. 45], including cloths with their names;

– from German (4 units or 5,5%): *buckram, crimplene, loden* [6]. In the XVI-th century in England they began an active exploitation of ore fields, as a result metallurgy developed. Germany was a leading country in mining and metal-

lurgy: many German specialists came into England. Communication between German and English speakers led to oral borrowing of German words in the spheres of mining, art of war, commerce including cloths commerce [1, p. 146];

– from Wales and Scottish tongues, Russian, Latin, Bengali, Chinese, Greek, Turkish, Portuguese, Flemish and Hindi: *astrakhan, jute, plaid, silk, angora, cambric, pongee, viscose, acrylic, acetate, cashmere, calicotussah* [6]. Process of colonization of Asia in the XIX-th century favoured the appearance in English of numerous Chinese words among which there were names of cloths [3, p. 45]. Holland, its Flemish part, had intensive business and cultural relations with England. In the XVI-th century after the liberation of Holland from Spain and establishment of bourgeois republic in the country commerce with nearby states including England began to develop. It made it possible to introduce names of new cloths into English.

Almost all Portuguese borrowings were connected with commercial activities after geographical discoveries when together with new exotic cloths were borrowed their names [5].

In 1579 England established friendly relations with Turkey. A great number of English merchants came to Turkey, there appeared English commercial colonies, Anglican churches were built. The English people in Turkey got to know the material culture of the country the integral part of which was cloths [3, p. 46].

First Russian borrowings in English appeared in the XVI-th century [1, p. 146]. In 1554 in England with a view to develop commerce with Russia the so-called «Moscow campaign» was organized. It is also known that Ivan the Terrible was in active diplomatic correspondence with the English queen Elizabeth. The increasing interest to Russia and the Russian language in England was proved by the book «Russian grammar» by Henry Williams Ludolf and

some geographic and ethnographic descriptions of Moscow Rus. In those books there were many early russicisms which, on the whole, reflected specific character of Russian nature, state structure, public relations, monetary system and material culture [5] the part of which was cloths with their names.

Hindi borrowings came into English in the XVII-th century after the organization of East-Indian campaign which started business activity of Great Britain in India. Borrowings from Hindi and other Indian languages belong to the spheres of social structure of the country, customs, religions, the material culture including exotic for the English society cloths with their names [1].

So, etymological structure of names of cloths in the English language is mixed with evident predomination of borrowed lexical units, namely Gallicisms.

Bibliography

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М. : Флинта, 2010. – 223 с.
2. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2008. – 228 с.
3. Бабич Г. Н. Лексикология английского языка. – М. : Флинта, 2010. – 197 с.
4. Елисеева В. В. Лексикология английского языка. – СПб. : СПбГУ, Филологический факультет, 2005. – 80 с.
5. Колесницкий Н. История средних веков. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 575 с.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – the 7th edition. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1600 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Amosova N. N. Jetimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo anglijskogo jazyka. – M. : Flinta, 2010. – 223 s.
2. Antrushina G. B., Afanas'eva O. V., Morozova N. N. Leksikologija anglijskogo jazyka : ucheb. posobie. – M. : Flinta, 2008. – 228 s.
3. Babich G. N. Leksikologija anglijskogo jazyka. – M. : Flinta, 2010. – 197 s.
4. Eliseeva V. V. Leksikologija anglijskogo jazyka. – SPb. : SPbGU, Filologicheskij fakul'tet, 2005. – 80 s.
5. Kolesnickij N. Istorija srednih vekov. – 2-e izd. ispr. i dop. – M. : Prosveshhenie, 1986. – 575 s.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – the 7th edition. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1600 p.

© Nifanova T. S., 2014

УДК 811.111-26+ 811.512.133

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЛОЖНЫХ СЛОВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)**

И. М. Тухтасинов *Кандидат филологических наук, доцент,
Узбекский государственный университет
мировых языков,
г. Ташкент, Узбекистан*

**CULTURAL IDENTITY OF DIFFICULT WORDS TO EXPRESS
THE APPEARANCE AND CHARACTER OF A PERSON
(ON THE BASIS ENGLISH AND UZBEK)**

I. M. Tukhtasinov *Candidate of philological sciences,
assistant professor,
Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The present article is devoted to the analysis of national-cultural specific of compound words expressing the appearance and character of a person in the English and Uzbek languages. Different approaches of linguists to the problem of national-culture, the interdependence of national-culture and language and the activity of compound words in expressing this linguistic phenomenon have been the main tasks of this work.

Keywords: national-cultural; compound words; appearance; character; literary text.

Словосложение отражает специфику языка, так как наряду с некоторыми общими для многих языков чертами обладает национальными, характерными для данного языка особенностями, составляя одно из отличий одного языка от другого [6, с. 141].

Прежде чем описывать национальную особенность, или «своеобразие», словосложения современного английского и узбекского языков, необходимо оговорить само понятие «своеобразие». В самом общем смысле слова «своеобразие» – это всё то, что отличает один предмет от всех других предметов. Следовательно, какое-то явление присуще лишь данному языку и отсутствует во всех остальных языках мира или чем-то отличается от параллельного явления во всех остальных языках. При этом естественно предположить, что «каждый язык лингвисти-

чески своеобразен относительно всех других языков» [1, с. 68].

С другой стороны, справедливо и то, что «это своеобразие – явление относительное: его содержание определяется тем, с каким языком сравнивается данный язык. То, что является специфичным в языке А, при его сравнении с языком В может оказаться неспецифичным по сравнению с языком С» [3, с. 50].

На этом основании можно ограничить и тем самым облегчить задачу, сравнивая интересующее нас явление в пределах, например, неродственных языков. Так, можно сравнить английское словосложение со словосложением узбекского языка. В этом случае мы получим достаточно информативное описание отличительных признаков английского словосложения от узбекского.

Однако можно предположить, что сравнение внутриродственных, особенно близкородственных языков покажет нам картину отличительных деталей, тонкостей и т. п., так как основные существенные черты в этом случае, очевидно, будут совпадать.

С другой стороны, сравнение системы неродственных языков, в частности английского словосложения с системой словосложения в узбекском языке, могут показать более броские, крупные отличительные черты английского и узбекского словосложения.

В лингвистической литературе имеется мало сведений о том, что можно понимать под национальной спецификой словосложения. Наиболее полно этот вопрос представлен в книге Е. А. Василевской «Словосложение в русском языке», где имеется специальная глава: «Национальное своеобразие словосложения». Автор этой книги намечает следующие параметры для описания специфики словосложения:

- 1) наличие или отсутствие словосложения как такового в языке;
- 2) интенсивность, удельный вес, распространённость сложных слов в языке;
- 3) типы сложных слов, функционирующих в языке;
- 4) соответствие словосочетаний в одном языке сложным словам в другом;
- 5) способность обозначать определённые понятия сложными словами или словосочетаниями;
- 6) взаимоотношение сложений и сращений в лексико-грамматической структуре;
- 7) наличие или отсутствие соединительного гласного;
- 8) расположение компонентов, порядок их следования друг за другом внутри сложного слова [2, с. 78].

Даже беглый взгляд на этот перечень говорит о том, что часть критериев для сопоставления носит общий ха-

рактер, т. е. применима к любым, или почти любым сопоставляемым парам языков, в то время как другие критерии применимы лишь к определённым парам.

Безусловно, важным параметром является инвентарь моделей, выявление того, основы каких частей речи могут вступать в сочетание с результатом в виде сложного слова. Об этом, в частности, говорит Э. Сепир: «Some languages allow the composition of all or nearly all types of elements. Paiute, for instance, may compound noun with noun, adjective with noun, verb adverb with verb, verb with verb. Yana, an Indian language of California, can freely compound noun with noun and verb with noun, but not verb with verb. On the other hand Iroquois can compound only noun with verb, never noun and noun as in English or verb and verb as in so many other languages» [5, с. 67].

Интересен критерий «расположения компонентов, порядок их следования друг за другом внутри сложного слова». Применяя этот критерий для выявления национальной специфики словосложения, Б. Исмаилова сопоставляет слова одинакового значения в паре языков, например, английский и киргизский, и обнаруживает, что в английских сложных словах расположение компонентов обратное, по сравнению с киргизским, чем подчёркивается отличие этих языков в области словосложения. С другой стороны, для английского и киргизского языков обнаруживается общность. Разумеется, сходство или расхождение в этом плане можно выявить только путём сравнения больших масс слов [4, с. 35].

Несколько иначе этот критерий рассматривает Э. Сепир, который пишет: «...each language has its characteristic types of order of composition. In English the qualifying element regularly precedes: in certain other languages it

follows. Sometimes both types are used in the same language, as in Yana, where «beef» is «liver-deer». The compounded object of verb precedes the verbal element in Paiute, Nahuatl, and Iroquois, follows it in Jana, Tsimshian, and Algonkin languages» [5, с. 67].

Как видим, говоря о порядке следования элементов в сложном слове, Э. Сепир не сравнивает слова с одним значением в двух языках, а говорит о схеме расположения элементов в сложном слове «определение + определяемое», «объект + действие» или наоборот.

Национальный колорит таких существительных узбекского языка, как «оқсоқол», «оланес» обусловлен национальными обычаями, верованиями, предрассудками, традициями. У узбеков всегда считалось благородным иметь густую бороду, и человек с белой бородой получил в узбекском языке название «оқсоқол», что не характерно для английского языка. Это слово передаётся на английский язык целым словосочетанием, а *man with white beard and moustache* – старик с седой бородой и усами. Сложное слово, появление которого связано с национальным предрассудком: «оланес». В странах с субтропическим и резко континентальным климатом у некоторых людей на коже появляются белые пятна. Было принято считать, что эти люди «нечистые на руку». Таким образом, в узбекском языке появилось сложное существительное, характеризующее человека, его внешность «оланес», прямого эквивалента которому мы не найдём в английском языке.

Существительные, используемые при описании внешности и характера человека, представляют собой слово с одной или более основами.

Существительные, используемые для описания внешности человека, могут включать в английском

простые, а в узбекском языке сложные существительные. Например: *blond* – малласоч – блондин, блондинка; *brunette* – қорасоч – брюнетка, брюнет.

Следует отметить, что существительные с простой основой, используемые для описания внешности человека, создают образ человека в целом, в то время как существительные со сложной основой оценивают внешность описываемого, выделяя бросающийся в глаза атрибут наружности. Это явление прослеживается в обоих языках. Например, *sunny-faced girl, well-built youth. Her steel-grey eyes go through you and see granite-hewn features* (Christie, p. 157). *His loosely-slung muscular arms were all ideal for the game* (Doyle, p. 58).

В английском языке: *battleaxe* – (an unpleasant woman who tells people what to do in a determined and rather frightening way = virago (MAC, p. 110)); *lazybones* – (someone who is behaving in a lazy way = layabout: Come on, get out of bed, lazybones! (MAC, p. 852)); *chatterbox* – (someone who talks a lot (MAC, p. 242)).

В узбекском языке: оқсоқол – (Бу оқсоқол кетса, ўрнига ёшироқ қорасоқол келади. (С. Сиёев, «Ёруғлик», 182 б.); хумкалла – (Аҳмад бригадир... хумкалла ўғилчасига кисасидан майиз олиб берди. (С. Нуров, «Майсаларни аёз урмайди», 423 б.); хушмўйлов – (Йигитлар кулимсираб, ўртадаги думалоқ юзли, хушмўйлов йигитга ишора қилишди. (Х. Султонов, «Онамнинг юрти», 432 б.). Так, например, в узбекском языке слово «меш-қорин» характеризует человека как обжору. Но в семантической структуре узбекского слова «меш-қорин» присутствует также сема «полный человек».

Следует отметить, что в процессе сопоставительного и кросс-культурного анализа нами обнаружено, что слож-

ные слова в сопоставляемых языках могут характеризоваться наличием национально культурных компонентов. Например, в узбекском языке: кабобхўр – (*Бир кабобпаз бор-у, кабобхўрдан дарак йўқ.* (И. Раҳим, «Тақдир», 289 б.); майпараст – (*Мен сизнинг пулпараст, молпараст-лигингизга чидаб келдим, аммо майпараст, маишатпараслигингизга чидаёлмайман.* (Х. Фулом, «Тошкентликлар», 529–530 б.); мехмоннавоз (мехмондўст) – (*Феъли кенг, сўзи бир бизнинг тоғликлар. Кўп мехмоннавоздир бизнинг тоғликлар.* (Х. Салоҳ, «Тоғ – менинг ватаним», 587 б.).

В английском языке мы также находим сложные слова с национально-культурными компонентами: chimney-head – (*having a round long head*); goddess-like – (*like goddess or a god in some quality*); blue-eyed boy – (*a young man who is admired because he is very successful, attractive etc. This word usually shows that you dislike people like this: Simmons, the blue-eyed boy of motor racing, has won again* (MAC, p. 149)); rabbit-toothed – (*a man with big front teeth like rabbit*); beef-coloured face – (*with a red face*); beefcake – (*attractive men with large muscles, or pictures of men like this* (MAC, p. 118)); bullet-shaped head – (*having a small, round head.* AS Hornby OALD of Current English. – Vol. I. – P. 111).

Вышеупомянутые сложные слова являются национально окрашенными. Эти слова называют объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития народа и чуждые для какого-то другого народа. Будучи носителями национального или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках.

Материал исследования показал, что это явление прослеживается в обоих языках. Более глубокое исследование таких явлений, несомненно, имеет большое значение для выражения национально-культурной специфики рассматриваемых языков. Например: bald-head – калбош – человек с лысой головой; hunch-back – букур одам – горбун, big-belly – мешқорин – пузан, white-skin – оқбадан – человек с белой кожей, белый человек; тепакал – bald-pate – человек с лысиной на макушке головы.

Можно встретить культурно-обусловленные эпитеты, в состав которых входит вымышленный облик культуры (мифологические герои).

Например: *a John-Bull-like lady. The extravagant devil-may-care creature he portrayed on the stage* (S. Maugham).

Анализ языкового материала показал, что лексико-семантические группы цветообозначения, наименования флоры и фауны играют большую роль в плане национально-культурной специфики сложных слов.

Например: *the Janitor was a horsey-looking customer* (A. Coonin). *She patted her mouse-coloured hair with the pen* (A. Coonin). *There was a perplexed creature with a pear-shaped face* (J. C. Gates). *Kathleen had a small straight nose and large-brown eyes. She was a plump, rosy-cheeked, wholesome apple-faced young woman* (Ch. Dickens). *Lister consented to listen and Mr. Ross blinked his cat-like-eyes and started* (Th. Dreiser). *He had egg-like head and frog-like jaws* (Chesterton).

Таким образом, изучение внешности и характера человека, в английском и узбекском языках на материале художественного текста в плане национально-культурной специфики показало, что сложные слова, обозначающие внешность и характер человека, национально маркированы.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. – М., 1966. – С. 68.
2. Василевская Е. А. Словообразование в русском языке. – М., 1962. – С. 78.
3. Ванников Ю. В. Общая структура науки о переводе и теория научно-технического перевода // Теория языковой коммуникации и перевода научной и технической литературы : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., 29–31 октября 1974 г. – Челябинск, 1974. – Кн. I. – С. 50.
4. Исмаилова Б. Категория образности и средства её выражения в словообразовательной системе английского и киргизского языков : дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1982, – С. 35.
5. Sapir E. Language. – N. Y., 1949. – P. 67.
6. Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений / Срезневский И. И. Записки Императорской Академии Наук. – Т. XXII. – Кн. II. – СПб., 1873. – С. 141.

Bibliograficheskiy spisok

1. Barhudarov L. S. Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo angliyskogo yazyika. – M., 1966. – S. 68.
2. Vasilevskaya E. A. Slovoslozhenie v russkom yazyike. – M., 1962. – S. 78.
3. Vannikov Yu. V. Obschaya struktura nauki o perevode i teoriya nauchno-tehnicheskogo perevoda // Teoriya yazykovoy kommunikatsii i perevoda nauchnoy i tehnicheckoy literatury : tez. dokl. i soobsch. nauch.-prakt. konf., 29–31 oktyabrya 1974 g. – Chelyabinsk, 1974. – Kn. I. – S. 50.
4. Ismailova B. Kategoriya obraznosti i sredstva eyo vyirazheniya v slovoobrazovatelnoy sisteme angliyskogo i kirgizskogo yazyikov : dis. ... kand. filol. nauk. – Tashkent, 1982. – S. 35.
5. Sapir E. Language. – N. Y., 1949. – R. 67.
6. Sreznevskiy I. I. Zamechaniya ob obrazovanii slov iz vyirazheniy / Sreznevskiy I. I. Zapiski Imperatorskoy Akademii Nauk. – T. XXII. – Kn. II. – SPb., 1873. – S. 141.

© Тухтасинов И. М., 2014

УДК 343.851

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

П. Н. Кобец

*Доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва, Россия*

**ISSUES OF IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

P. N. Kobets

*Doctor of Law, professor,
National research institute
of Russia ministry of the interior,
Moscow, Russia*

Summary. One of the most important principles of administrative law is the priority of personality and its interests in society. Legislation on administrative infringement is intended to be an important guarantee of the protection of rights and freedoms of man and citizen. The objectives of the Code of administrative offences shall also include the protection of public morals, the protection of the environment, the established procedure of the state authorities, public order and public security, property, protection of legal economic interests of physical and juridical persons, the society and the state against administrative violations and the prevention of administrative offences.

Keywords: administrative law; the Constitution; law.

Со дня вступления в действие Кодекса РФ об административных правонарушениях прошло тринадцать лет. Это период, достаточный для подведения определенных итогов и оценки эффективности норм указанного Кодекса. Лучшим критерием, естественно, является практика. Анализ практики применения норм КоАП РФ, определяющих общие, принципиальные позиции законодателя в сфере административной ответственности, а также его Особенная часть и процессуальный раздел позволяют уже сейчас сделать определенные выводы. С учетом норм Конституции РФ в КоАП РФ определены задачи законодательства об административной ответственности, закреплены демокра-

тические принципы рассмотрения дел об административных правонарушениях, в том числе презумпция невиновности, принцип равенства перед законом, открытое рассмотрение дел об административных правонарушениях, право на судебное обжалование всех постановлений по указанным делам.

Вместе с тем, практика применения норм КоАП РФ выявила немало недостатков и пробелов этого акта, во многих случаях затрудняющих эффективное действие положений Кодекса. В нормах КоАП РФ, определяющих принципы применения административных наказаний, их виды, компетенцию субъектов административной юрисдикции, можно отметить некоторые погрешности,

в связи с чем требуются корректировка самих норм и совершенствование практики их применения [1, с. 12].

Необходимо соотнести размер штрафов за неоднократные или повторные нарушения установленных правил, имея в виду однородные правонарушения. Учитывая пограничный характер ряда административных правонарушений и преступлений, а также тяжесть отдельных административных правонарушений, необходимо усилить административную ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, за нарушения, связанные с нанесением вреда здоровью граждан, за мелкое хищение чужой собственности, за нарушение Правил дорожного движения. Правонарушения в сфере дорожного движения представляют собой серьезную опасность, они причиняют существенный вред здоровью и жизни людей, наносят значительный материальный ущерб. В связи с этим представляется обоснованным усиление административной ответственности за многие виды правонарушений в этой сфере [2, с. 46].

В законодательном определении административного правонарушения отсутствует признак общественной опасности, что является недостатком КоАП РФ. Общественная опасность – материальный признак, характеризующий и преступления, и административные правонарушения. Он не является исключительной чертой преступления. Существуют иные опасные для личности, общества и государства деяния, не признаваемые преступлениями, например, административные правонарушения. В уточнении нуждается и понятие малозначительного деяния. В Уголовном кодексе Российской Федерации малозначительность деяния означает отсутствие в нём общественной опасности и непризнание этого

деяния преступлением. Однако малозначительность с точки зрения уголовного права в некоторых случаях может не означать отсутствие общественной опасности с точки зрения административного права. Малозначительное деяние может содержать признаки административного правонарушения, например, мелкое хищение, мелкое хулиганство и др. Из-за неточности критериев малозначительности и расширения практики применения КоАП РФ в судебной практике понятие «малозначительное деяние» практически не применяется.

Рассуждая об административной ответственности юридических лиц, следует отметить, что разбросанность нормативных актов, предусматривающих административную ответственность юридических лиц, понижает ее роль в механизме борьбы с административными правонарушениями. В целях систематизации законодательства об административной ответственности юридических лиц и повышения эффективности его применения в практической деятельности правоприменительных органов назрела необходимость все федеральные законы и постановления Правительства Российской Федерации, предусматривающие административную ответственность юридических лиц, сосредоточить в отдельной главе Кодекса об административных правонарушениях под названием: «Административная ответственность юридических лиц» [3, с. 39].

Повышение эффективности реализации административной ответственности как средства защиты правоохраняемых интересов в различных сферах общественной деятельности, а также применение соответствующими органами государственной власти и должностными лицами установленных законодательством административных наказаний за совершение административных правонарушений во многом

определяется состоянием научной разработки тех или иных практических вопросов. В связи с чем исследование вопросов, связанных с содержанием административного правонарушения и совершенствования административной ответственности, имеет важное практическое значение.

Библиографический список

1. Кобец П. Н. Об актуальности противодействия отдельным видам преступлений путем предупреждения административных правонарушений // Административное право и процесс. – М., 2012. – № 1.
2. Кобец П. Н. О центральном месте административно-правовых средств в практике предупреждения экономической и коррупционной преступности. Актуальные проблемы современного общества : сборник научных трудов / под ред. доц. Л. Ф. Костриченко. – Воронеж : ЦНТИ, 2012. – Вып. 1.
3. Кобец П. Н. О предупреждении административных правонарушений против собственности // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности и юридической науки : материалы международной научно-практи-

ческой конференции (Днепропетровск, 19–20 сентября 2013 года). – Днепропетровск : Днепропетровский государственный университет внутренних дел, 2013.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kobets P. N. Ob aktualnosti protivodeystviya otdelnym vidam prestupleniy putem preduprezhdeniya administrativnykh pravonarusheniy / Administrativnoe pravo i protsess. – M., 2012. – № 1.
2. Kobets P. N. O tsentralnom meste administrativno-pravovyih sredstv v praktike preduprezhdeniya ekonomicheskoy i korruptsionnoy prestupnosti. Aktualnyie problemyi sovremennogo obschestva : sbornik nauchnyih trudov / pod red. dots. L. F. Kostrichenko. – Voronezh : TsNTI, 2012. – Vyip. 1.
3. Kobets P. N. O preduprezhdenii administrativnykh pravonarusheniy protiv sobstvennosti / Aktualnyie problemyi pravoohranitelnoy deyatelnosti i yuridicheskoy nauki : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Dnepropetrovsk, 19–20 sentyabrya 2013 goda). – Dnepropetrovsk : Dnepropetrovskiy gosudarstvenniy universitet vnutrennih del, 2013.

© Кобец П. Н., 2014

УДК 347.454.33

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ, ДОПУЩЕННЫЕ В ПРОЦЕССЕ
СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЗДАНИЯ**

Д. В. Бышов
И. В. Радайкина

*Кандидат исторических наук, доцент;
Студентка 4 курса,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

**RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS COMMITTED DURING
THE CONSTRUCTION AND OPERATION OF THE BUILDING**

D. V. Byshov

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor;*

I. V. Radajkina

*4th year student,
Mordovia State University, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia*

Summary. In this article we consider the nuances of irregularities in the construction process and to identify some of the features in the identification of persons who will be responsible.

Keywords: liability of compensation; compensation; construction; developer; victim.

Строительство объектов недвижимости – это сложный технологический процесс, который связан с высокой вероятностью причинения вреда. Поэтому нередко возникают ситуации, когда застройщик или дальнейший собственник здания причиняют значительный вред третьим лицам. Такие споры всегда обусловлены специфическим составом участников отношений: с одной стороны – профессиональный участник строительства, а с другой – пострадавший, не обладающий специальными знаниями в сфере строительства, а также тем, что здание эксплуатируется в течение длительного периода времени, а значит, и нарушения застройщика или собственника здания могут быть обнаружены не сразу. Вопросы ответственности за причинение вреда градостроительной деятельностью регулируются ст. 60 Градостроительного кодекса РФ № 190-ФЗ (далее ГрК РФ)

[3]. Начиная с 1 июля 2013 года для обращения с требованиями о выплате компенсаций пострадавшему требуется определить только застройщика.

В статье просматриваются следующие проблемы:

– какие особенности устанавливаются при причинении вреда в процессе эксплуатации;

– на какой размер компенсации может рассчитывать потерпевший в случае причинения вреда здоровью;

– кто будет являться лицом, выполнившим работы, и кто будет нести имущественную ответственность за причиненный вред на основании Гражданского кодекса РФ № 51-ФЗ (далее ГК РФ) [4].

Как сказано выше, статья 60 ГрК РФ регулирует вопросы возмещения вреда, причиненного в результате недостатков инженерных изысканий, проектирования или строительства, возмещения вреда, причиненного в результате

нарушения требований безопасности при строительстве, ответственности за причинение вреда в результате ненадлежащей эксплуатации зданий и сооружений.

Опираясь на российское законодательство, понятие «вред» следует трактовать следующим образом: вред, возникший вследствие повреждения или разрушения здания или сооружения (их частей) как в процессе строительства, так и во время эксплуатации; вред, возникший вследствие нарушения требований безопасности при строительстве или эксплуатации здания (сооружения).

Застройщик в случае причинения вреда во время строительства и в случае причинения вреда в процессе эксплуатации обязан возместить причиненный вред, вне зависимости от того, чьи нарушения повлекли причинение вреда.

В отношении причинения вреда в процессе эксплуатации при этом устанавливаются некоторые особенности:

– в случае наличия концессионного соглашения обязанность по возмещению вреда возлагается на концессионера, если иное не предусмотрено концессионным соглашением;

– при наличии двух и более собственников здания они несут солидарную ответственность за причиненный вред. Соответственно, пострадавший вправе предъявить требование о возмещении вреда как ко всем собственникам, так и к любому из них;

– обязанность по возмещению вреда может быть возложена законом на лицо, не являющееся причинителем вреда. Примерами подобного возложения обязанности по возмещению вреда на третье лицо могут служить нормы гражданского законодательства об обязанности возместить вред владельцем источника повышенной опасности; о возмещении ущерба работодателем за вред, причиненный работником

или лицом, оказывающим услуги по гражданско-правовому договору.

Застройщик и собственник в случае причинения вреда здоровью потерпевшего, кроме возмещения вреда, обязаны выплатить также компенсацию сверх возмещения вреда. Необходимо также определить, кто будет являться «лицом, выполнившим работы», недостатки которых повлекли причинение вреда. Такое понятие Градостроительный кодекс РФ не раскрывает, но в то же время дает определение «лица, осуществляющего строительство» (застройщик или генеральный подрядчик), «лица, осуществляющего подготовку проектной документации» (застройщик или генеральный проектировщик), «лица, выполняющего инженерные изыскания» (застройщик или третье лицо) [4, с. 50].

При определении, кто будет нести имущественную ответственность за причиненный вред, можно выделить следующие тезисы.

Во-первых, необходимо правильно найти основание наступления ответственности [1, с. 26].

Во-вторых, правильное определение основания ответственности возможно только в том случае, если провести исследование самой обязанности обеспечить безопасность при проведении строительных работ. А именно необходимо выяснить, обусловлена ли эта обязанность условиями договора и, соответственно, является ли она договорной [1, с. 28].

В-третьих, следует учитывать, что на основании ст. 1079 ГК РФ строительство необходимо рассматривать как деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В ГрК РФ внесены значительные изменения, в которых большие предпочтения отданы лицам, понесшим вред.

2. При причинении вреда в процессе эксплуатации устанавливается ряд особенностей, которые заключают в себе множество нюансов.

3. При причинении вреда в процессе строительства и эксплуатации потерпевший может рассчитывать на дополнительную компенсацию в зависимости от тяжести причиненного вреда.

4. Определение лиц, выполнивших работы, и тех, кто будет нести имущественную ответственность за причиненный вред, очень трудоёмкий и трудный процесс.

Библиографический список

1. Архипова Е., Фирсова И. Кто несет ответственность за нарушения, допущенные в процессе строительства здания // Арбитражная практика. – 2013. – № 7. – С. 47–54.
2. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности // Юридический центр. – 2002. – № 3. – С. 23–31.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации : от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1. – Ст. 16.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arhipova E., Firsova I. Kto neset otvetstvennost za narusheniya, dopuschennyye v protsesse stroitelstva zdaniya // Arbitrazhnaya praktika. – 2013. – № 7. – S. 47–54.
2. Boldinov V. M. Otvetstvennost za prichinenie vreda istochnikom povyishennoy opasnosti // Yuridicheskiy tsentr. – 2002. – № 3. – S. 23–31.
3. Gradostroitelnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii : ot 29 dekabrya 2004 g. № 190-FZ // Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii. – 2005. – № 1. – St. 16.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya : ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii. – 1994. – № 32. – St. 3301.

© Бышов Д. В., Радайкина И. В., 2014

UDC 378.1

**DETERMINATION OF THE FOUNDATIONS
OF PEDAGOGICAL MANAGEMENT
OF RESOURCES AND CONDITIONS
OF CONTINUOUS EDUCATION**

L. V. Stroykina

*Teacher,
Kemerovo State University,
filial-institute,
Novokuznetsk, Russia*

Summary. The article describes the possibilities and quality of the determination of the category and discipline of «educational management».

Keywords: education; pedagogical management; self-development living activities culture.

Continuous professional-pedagogical education determines the conditions and resources of setting and verification of the quality of decisions subject-environmental contradictions in the structure determination and promotion of the foundations of modern scientific knowledge as a priority and encouragement to high-quality professional work. We will try to explore the possibility of determination of the foundations of pedagogical chemical management as a separate discipline in the structure and resources, conditions and practice of continuing education. The practice of decision of such contradictions, verifiable in occupational and educational activities that can be implemented both in the structure of the study compulsory subject disciplines (“Management in physical culture and sports – specialty”), and in the structure of subjects (“Management in physical culture and sports” – bachelor, “Entrepreneurship in physical culture and sports” – bachelor, specialist), in the structure of teacher training “Management of sports facilities. Normative-legal ensuring of physical training and sports activity”, “Manage-

ment and normative-legal bases of physical culture and sports”.

Pedagogical management – the category of modern industry pedagogical knowledge, verifiable their basis and modified its practice in accordance with changing conditions polysubject and socio-pedagogical relations, the structure of which is allocated 4 directions of general and vocational-pedagogical support of a teacher in the conditions of continuous professional education in the context of the following areas studied knowledge: the manager and organization, human resources management, information management and Finance, marketing and quality management, which have to comprehensive the search for optimal conditions and means of timely provision of pedagogical activity teach indicator required and modifiable resources of culture and practices.

The system of determination of the foundations of pedagogic interaction, facilitating the production of a variety of pedagogical tools, services in the field of physical culture and sports and implementing competitive opportunities of their

use are reduced to the following components: – scientific organization of labor future teachers, included in the conditions of continuous professional education, providing the formation of culture of independent work and professional and pedagogical culture; – realization of opportunities of the humanistic paradigm of modern education in the formulation and solution general educational and private subject-specific tasks related to the study of the concept and phenomenon of “educational management”; – verifiable and detailed, timely and efficient preparation of teachers-bachelors, masters, teachers of physical culture (specialty), students of the faculty of upgrade-work in the system generated competences of the Federal state educational standard and the specifics of the regional component of the continuous professional education is implemented through the subject blocks of disciplines, through the discipline of choice, through a system of courses and seminars additional professional education, through self-education and the production of pedagogical tools, facilitating the decision subject-environmental contradictions that are directly related to physical culture and sports; – activate pedagogical modeling the structure of studying subjects and optional courses for future teachers for physical culture; – organization and selection of solutions in terms of determination and implementation of productive ideas of pedagogy, continuing in his practice of multistage, multifunctional obtaining professional knowledge as forms and resource the competitiveness of the individual and the sustainable development of society and social relations; – personal position and its formation as a basis illustrations and determination of social and professional insurance personality in the structure of the formulation and solution of the key contradictions of modern professional and vocational pedagogy; – selecting databases and resources economic and material support of educational sys-

tem as a condition for its timely and optimal development; – select the basics of realization of pedagogic interaction in the model structure of the system of pedagogical principles management team and the quality of rendered educational services in the sphere of physical culture and sports or selection of pedagogical conditions of optimization of the management team; – studying and timely replenishment by means of electronic resources and documents the quality of learning and the use of normative-legal base of the organization of pedagogical management in modern pedagogical practice of the teacher of physical culture included in the conditions of continuous professional education; – building a case-models provide services in resource demand and supply, quality-reliability, the mass-individuality and other; – monitoring the quality and verifiable services, and develop and implement pedagogical tools; – flexible coordination and situational the choice of forms, methods, technologies in the quality assurance system implemented process; – state and non-state support of small and medium business in the provision of licensed educational services.

In the structure of study of discipline “Management in physical culture and sports” (specialty) in Federal stat pedagogics standard second generation defines the following didactic units of the educational process: – Characteristics of management in the sphere of physical culture and sport, its functions and legal framework. – Organization and technology of management in the sphere of physical culture and sports. – The organization of club sports work with the population. Extracurricular work as a kind of management. – Preparation and carrying out organized, independent and individual sports events and training, depending on their focus. – System of training and retraining of specialists in the field of physical culture and sports.

In the structure of the Federal stat pedagogics standard third generation

(undergraduate) should determine and verify the content of academic disciplines, focusing future teachers for physical culture on the formation of a set of competences of various types. Let us try to clarify the content of courses at the choice of the "educational management": a Theoretical view of nature, essence and management development. The management of the educational systems as a branch of scientific knowledge. Managerial work in the field of education. The management of the educational process. General principles of management teaching systems. The education system of the Russian Federation. The principles of management of educational institutions. Education in Russia as a system. State-public management-education system. The philosophy of pedagogical management. The concept of "educational management". Psychological and pedagogical aspects of management in education: relevance of the ideas management in pedagogical practice. Goal, objectives pedagogical management. Management, management, leadership, cooperation, interaction in solution of educational tasks. Management model. Advantage and disadvantages. The conflict is one of the factors that inhibit the formation of positive socio-psychological climate. Type a conflicts. Conflict resolution in the pedagogical collective. Types of stress of the individual and the ways of overcoming the stress. Self-education teachers. Goal setting and planning as a management function pedagogical system. Pedagogical analysis in school management. The psychology of decision making. The adoption of management decisions. Monitoring and evaluation of the quality of education. Control of the pedagogical management: purpose, functions, principles of control. Types of control. Educational institution as an object of management and leadership. The function of the organization in school management. The thesaurus of the concept of "culture". Managerial culture in educational work. Psychological-peda-

gogical bases of image as an integral part of General culture of a leader, a teacher, kindergarten teacher. The creation of the image as an integral part of professional culture of a leader, a teacher, kindergarten teacher. Components of organizational culture: the basic aim, General policy, the code of conduct. Psychological basis of organizational culture. The role of a leader, a teacher, tutor in shaping the culture of the organization. The impact of culture on human behavior. Professional culture, components of professional culture of a leader, a teacher, kindergarten teacher. Types of organizational structures of the school. Model the behavior of a teacher with students, with the teacher, head of subordinates. Fundamentals of business communication. Business communication as a social and psychological problem. Ethics of business communication. The psychological aspect of the negotiations. Motivation and control in educational management. The functions of the head of school. Certification of pedagogical staff. Problems of educational management (training, education, development, human resources). Regularities of the organization of the collective. Classification of methods of organization of the collective. Form of management of the school community on the basis of levels of communication, creativity, social experience. Prevent and overcome formalism in the educational process. The team and its structure. Teaching staff of the school: the peculiarities of his activity. Effective and ineffective groups. The role of the team members. Interaction and collective relationships. Guidance and leadership in the team. Interpersonal relationships as a basis of development of social-psychological climate in the collective, its functions. Constraints to the efficient work of the team. Diagnostics of organization of the collective. Meeting and management culture of the school leader. Leader and a teacher as a leader, the main components. Psychological requirements

to the Manager. Management styles. Gender aspects of management activity. The effectiveness of the guidelines. Managerial skills and creativity in management. Criteria of an estimation of activity of the head. Information-communications technology in education. The legislation regulating relations in the field of education. Characteristics of normative documents about the school. Information technology, technology in the field of education and training. The impact of technology on the nature of professional activity. The intra-operative information. Advertising. Licensing of educational activity. Intellectual product and its characteristics. International criteria of assessment of quality of education. Factors determining the efficiency of the pedagogical management. Western European educational integration: progress and challenges. The quality of the educational process as the main problem of pedagogical management. Quality as a moral category. Diagnostics of quality of training, education of students and the effectiveness of the teacher. Quality management of education in the educational institution. The use of standards for quality management certification of educational institutions.

In the future it is necessary to develop the educational-methodical manual "Educational management", containing materials of lectures-seminars, deterministic and visualized in the structure of one of the technologies of reproductive and productive learning [1–10] and the combination of didactic tasks reproductive and productive level, including didactic tests, which represent a total aggregate control and measuring materials of the course "Pedagogical management".

Bibliography

1. Высоцкий А. В., Горбунова И. А., Козырева О. А., Стройкина Л. В. Профессионально-педагогический кейс как модель самореализации будущего педагога по ФК // Педагогическое мастерство (II): матер. междунар. заоч. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 8–11.
2. Козырева О. А. Моделирование дефиниций категорий современной педагогики в структуре инновационной деятельности будущего педагога: монография. – Новокузнецк: КузГПА: МОУ ДПО ИПК, 2008. – 374 с. – ISBN 978-5-85117-411-7.
3. Козырева О. А. PR-технология педагогического взаимодействия в системе высшего и дополнительного профессионального образования: монография. – Новокузнецк: КузГПА: МОУ ДПО ИПК, 2007. – 385 с. – ISBN 5-85117-239-8.
4. Козырева О. А. Управление образовательными системами: учеб. пособ. для студ. пед. вузов. – Новокузнецк: КузГПА, 2010. – 97 с. – [+прил. на DVD]. – ISBN 978-5-85117-552-7
5. Козырева О. А. Профессионально-педагогическая культура как ценность и результат самосовершенствования и педагогического взаимодействия // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 9. – С. 79–83.
6. Стройкина Л. В., Соловьева Е. В., Козырева О. А. Возможности формирования культуры самостоятельной работы у педагогов по физической культуре в курсе «Управление образовательными системами» // Инновационные технологии в профессиональном образовании: матер. III Всерос. науч.-метод. конф.: в 2-х т. – Грозный, 2012. – Т. 2. – С. 335–343.
7. Стройкина Л. В., Козырева О. А. Категория «управление» в структуре идей полисистемного и мультисредового подходов // Инновации в науке, производстве и образовании: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Рязань: изд-во Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2013. – С. 419–423.
8. Стройкина Л. В. Менеджмент в физической культуре и спорте: учебное пособие для студентов факультетов физической культуры. – Новокузнецк: изд-во КузГПА, 2012. – 84 с. – ISBN 978-5-85117-683-8
9. Стройкина Л. В., Левина И. Л. О дисциплине «Педагогический менеджмент» для бакалавров педагогического образования // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 9. – С. 110–114.
10. Чеснова Е. Л., Стройкина Л. В. Развитие управленческой компетентности учителя у студентов факультета физической культуры педагогического вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 7. – С. 90–95.

Bibliography

1. Vyisotskiy A. V., Gorbunova I. A., Kozyireva O. A., Stroykina L. V. Professionalno-pedagogicheskiy keys kak model samorealizatsii buduschego pedagoga po FK // Pedagogicheskoe masterstvo (II) : mater. mezhdun. zaoch. nauch. konf. – M. : Buki-Vedi, 2012. – S. 8–11.
2. Kozyireva O. A. Modelirovanie definitsiy kategoriy sovremennoy pedagogiki v strukture innovatsionnoy deyatel'nosti buduschego pedagoga : monografiya. – Novokuznetsk : KuzGPA : MOU DPO IPK, 2008. – 374 s. – ISBN 978–5–85117–411–7.
3. Kozyireva O. A. PR-tehnologiya pedagogicheskogo vzaimodeystviya v sisteme vysshogo i dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya : monografiya. – Novokuznetsk : KuzGPA : MOU DPO IPK, 2007. – 385 s. – ISBN 5–85117–239–8.
4. Kozyireva O. A. Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami : ucheb. posob. dlya stud. ped. vuzov. – Novokuznetsk : KuzGPA, 2010. – 97 s. – [pril. na DVD]. – ISBN 978–5–85117–552–7
5. Kozyireva O. A. Professionalno-pedagogicheskaya kultura kak tsennost i rezultat samovershenstvovaniya i pedagogicheskogo vzaimodeystviya // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. – 2009. – № 9. – S. 79–83.
6. Stroykina L. V., Soloveva E. V., Kozyireva O. A. Vozmozhnosti formirovaniya kulturyi samostoyatel'noy raboty u pedagogov po fizicheskoy kulture v kurse «Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami» // Innovatsionnyie tehnologii v professionalnom obrazovanii : mater. III Vseros. nauch.-metod. konf. : v 2-h t. – Groznyiy, 2012. – T. 2. – S. 335–343.
7. Stroykina L. V., Kozyireva O. A. Kategoriya «upravlenie» v strukture idey polisistemnogo i multisredovogo podhodov // Innovatsii v nauke, proizvodstve i obrazovanii : sb. tr. Mezhdun. nauch.-prakt. konf. – Ryazan : izd-vo Ryaz. gos. un-t im. S. A. Esenina, 2013. – S. 419–423.
8. Stroykina L. V. Menedzhment v fizicheskoy kulture i sporte : uchebnoe posobie dlya studentov fakultetov fizicheskoy kulturyi. – Novokuznetsk : izd-vo KuzGPA, 2012. – 84 s. – ISBN 978–5–85117–683–8.
9. Stroykina L. V., Levina I. L. O distsipline «Pedagogicheskiy menedzhment» dlya bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya // Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem. – 2012. – № 9. – S. 110–114.
10. Chesnova E. L., Stroykina L. V. Razvitie upravlencheskoy kompetentnosti uchitelya u studentov fakulteta fizicheskoy kulturyi pedagogicheskogo vuza // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2010. – № 7. – S. 90–95.

© Стройкина Л. В., 2014

UDC 37.041

THE INTERACTIVE MULTIMEDIA AS A LANGUAGE LEARNING RESOURCE ON THE INITIAL LEVEL OF LANGUAGE ACQUISITION

D. C. Baeva

*Doctor of Pedagogical Sciences,
University of Ruse Angel Kanchev,
Ruse, Bulgaria*

Summary. This paper deals with modern language learning technologies. It reviews software platform designed for developing Bulgarian phonemic awareness.

Keywords: computers in language learning; technology enhanced language learning; CALL.

The adopted European educational framework implies to bringing-up-to-date of school subjects' contents, curricula and syllabuses, and raises the requirement for availability of electronic education resources' in the teaching room, so as to enhance the conventional work by giving students the opportunity for self-training, extra curricula engagements and supplementary education.

In the context of the above stated the addressee of the new programs must be regarded in a new aspect. The children born in the 80s grew surrounded by digital media; they got early accustomed to the high technologies and the unlimited access to information. This generation can find any information instantly through the internet. These young people do not accept the stereotype; they want to be independent and autonomous, and they firmly exercise their right of choice.

Discussions on the views, behavior and value system of that new generation have often been held, but teaching continues as it used to be: students are given the same homework tasks as their parents were; lesson units are taught slowly, linearly, didactically, and consequently teachers are teased by the confronted boredom and lack of interest. In most cases teachers of foreign languages are contented to enter class with a DVD or a tape recorder so that "students can listen to an authentic speech", and they do not realize that one of the effective ways to attract students' attention

is to integrate in the teaching process the instruments which students use every day in their private virtual space.

In fact, the potential of electronic education resources is underestimated as a means of dynamically presenting the subject material in the process of language acquisition and for self-studying in class or at home. For the new students the laptops and notebooks are part of their daily life and being such they must be present in the modern teaching room [1].

The foreign language learning requires purposeful work promoting students' phonemic awareness, as a necessary component of speech competence in the early stages of learning a foreign language. This facilitates the development of four types of speech activity – reading, writing, auditing, speaking.

The specific nature of different language phonological systems requires thorough knowledge when adapting phonetic exercises. So far, software products have been adapted basically to languages within one language group or sub-group. The last generation software products concern speech recognition and computer analysis but they clear up the problems connected mainly with the correctness of pronunciation [3].

The formation of sound culture for non-native phonemes as part of foreign language teaching in the Bulgarian schools and universities is not provided with suitable software products of adequate

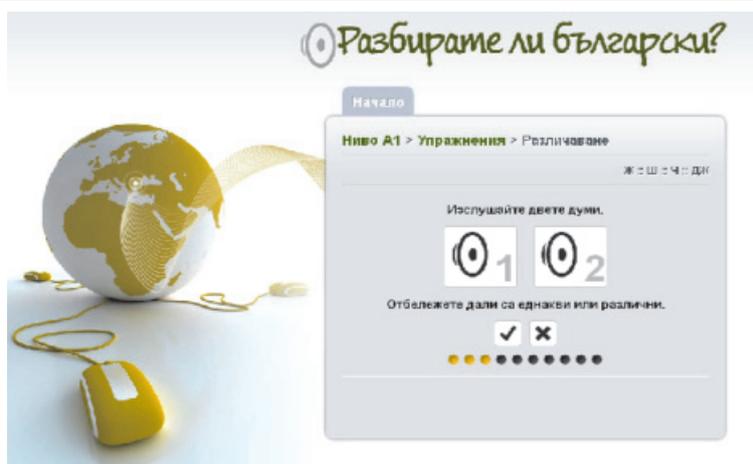

contents. The review of the digital educational products offered on our market ascertains that to the moment the national education system is not supplied with relevant software applications. The lack of appropriate electronic content indicates that the phonological matters in the foreign language teaching are insufficiently involved, underestimated and limited by nearly all syllabi.

The overall theoretical consideration of the problem of integrating the resources of the application software to intensify the formation of language phonemic awareness prepare empirical confirmation of hypothesis: In selecting the most suitable environment for developing application software and then focused analysis, it was

concluded that the most practical should be applicable multimedia web-based learning environment that provides all the possibilities for interactivity, easy and convenient access and comfort at work.

In fact, the development of software products for language teaching starts with the determination of the basic phonological segments. Linguistics regards the phoneme as the basic functional unit of a language on its phonological level. On the other hand, the phoneme is realized via **different position variations (allophones)**. The determination of the precise number of phonemes and their allophones is one of the most difficult tasks for computational linguistics [2].

Exercises' interface

We developed software system “Do you understand Bulgarian?” (www.bghearing.eu) as a software application designed for classroom and self-study. It provides a platform to systematically and consistently develop sound awareness of Bulgarian speech – without limit in time and place, so that trainees can practice and experiment at their own pace. The software package has the option to be further de-

veloped and enriched with other phonetic exercises that directly correspond to the already made. Used to work on during the learning process or self- textbook software product can contribute to a higher quality and easier learning Bulgarian as a foreign language.

During the formation of language phonemic awareness essential role performs visibility – auditory and visual. The sound

signal should be accompanied by appropriate visual support that makes auditory perception more stable. Verbal visual support necessary tools for reinforcing a phonological material in control of reproduction of speech sounds. Therefore, the proposed web-based software package phonological exercises. "Do you understand Bulgarian?" serious attention is paid to the interface. At each exercise has additional information to indicate the sequence of actions that the user must carry out in order to hear the phonetic material and undertake the necessary analysis and operation on the input data. The keys are also an element of visual support. Navigation is visual, intuitive sound signal. It is consistent with the various computer skills of the trainees.

In conclusion, it is proven that the formed spontaneously hearing foreign language does not reach the required level and often leads to defective speech by holding back the formation of correct articulation habits to distortion of the entire speech process. But new technologies make it possible to study in a modern learning environment with or without a teacher. The main advantage of a multimedia language learning environment that helps focus on learning content, without neglecting language form or learning strategies. This offers the potential to im-

prove the quality of educational content, the ability to perform the tasks.

Bibliography

1. Концепция за въвеждане на информационните и комуникационните технологии в системата на училищното образование през следващите 5 години / авт. колектив А. Смрикаров, А. Иванова. – Русенски университет, 2011.
2. Leather J. H., Phonological Acquisition in Multilingualism. In Mayo, M. G. and Lecumberri, M. G. (eds.) / Age and the Acquisition of English as a Foreign Language. – Multilingual Matters Ltd, 2003. – P. 23–58.
3. Mann C., Stewart F. Internet Communication and Qualitative Research: A Handbook for Researching Online. – London: Sage, 2000. – 258 p.

Bibliography

1. Konceptija za vvezhdane na informacionnite i komunikacionnite tehnologii v sistemata na uchilishhnoto obrazovanie prez sledvashhite 5 godina / avt. kolektiv A. Smrikarov, A. Ivanova. – Rusenski universitet, 2011.
2. Leather J. H., Phonological Acquisition in Multilingualism. In Mayo, M. G. and Lecumberri, M. G. (eds.) / Age and the Acquisition of English as a Foreign Language. – Multilingual Matters Ltd, 2003. – P. 23–58.
3. Mann C., Stewart F. Internet Communication and Qualitative Research: A Handbook for Researching Online. – London: Sage, 2000. – 258 p.

© Baeva D. C., 2014

УДК 372.881. 111.1

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО КОЛЛОКВИУМА
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ РЕЧЕВЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ
В СИСТЕМЕ БАКАЛАВРИАТА**

К. С. Ращупкина *Кандидат филологических наук, доцент,
Тверской государственной университет,
г. Тверь, Россия*

**THE ORGANIZATION OF A PRACTICAL COLLOQUIUM
AS A FORM OF CONTROL OF SPEECH COMPETENCIES OF STUDENTS
OF THE HUMANITIES IN UNDERGRADUATE SYSTEM**

Ch. S. Rashchupkina *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Tver State University, Tver, Russia*

Summary. The article deals with organization of a practical colloquium as a form of control of speech competencies of students of the humanities in undergraduate system. The author's view is presented within the frameworks of the requirements of Federal state educational standards of higher education in Russia. The advantages of a practical colloquium relating to the foreign language teaching at university are given.

Keywords: colloquium; speech competencies; federal state educational standards of higher education; foreign language teaching.

В настоящее время основным требованием к обучению в высшем учебном заведении является формирование высококвалифицированных специалистов в той или иной области. Федеральный государственный образовательный Стандарт высшего профессионального образования, как известно, определяет ряд общекультурных и профессиональных компетенций для каждой специальности. Согласно ФГОС ВПО направление подготовки 0811100 – Государственное и муниципальное управление (квалификация (степень) бакалавр, иностранный язык) относятся к предметам ГСЭ (Гуманитарный, социальный и экономический цикл). Выпускник-управленец должен владеть навыками «...выражения своих мыслей и мнения в межличностном и деловом общении на иностранном языке», должен владеть «...навыками извлечения необходимой информации из оригина-

льного текста на иностранном языке по проблемам государственного и муниципального управления» [11]. Это и есть определяемый набор компетенций для выпускника гуманитарного направления.

В рамках изучения тем «Государственное устройство в англоязычных странах» и «Государственное устройство в России» студентам 3 курса направления ГМУ предлагался материал для самостоятельной работы в виде оригинального текстового материала. К назначенному времени от студентов требовалось вдумчиво ознакомиться с данным материалом, извлечь из текстов необходимую информацию, понять содержание текстов и быть готовыми к содержательной беседе на иностранном языке. Другими словами, подготовиться к коллоквиуму.

Существуют различные определения данного слова. Так, Большая

советская энциклопедия определяет «коллоквиум» как (лат. *colloquium* — разговор, беседа) «...одну из форм учебных занятий в системе образования, имеющей целью выяснение и повышение знаний студентов» [3, с. 21]. Толковый словарь русского языка имеет следующую трактовку «коллоквиума»: «КОЛЛОКВИУМ, -а, м. 1. Беседа преподавателя со студентами с целью выяснения их знаний» [9].

Свободная энциклопедия – Википедия – под «коллоквиумом» понимает (лат. *colloquium*) форму проверки и оценивания знаний учащихся в системе образования, преимущественно в вузах. Как правило, представляет собой проводимый по инициативе преподавателя промежуточный мини-экзамен в середине семестра, имеющий целью уменьшить список тем, выносимых на основной экзамен, и оценить текущий уровень знаний студентов [4]. Все эти и другие определения сводятся к тому, что коллоквиум – это не что иное, как устная беседа, чаще всего предшествующая экзамену, призванная проверить текущий уровень знаний студентов.

В нашем случае имел место практико-ориентированный коллоквиум, за которым последовал устный итоговый экзамен.

Студентам на занятии задавались вопросы по прочитанному материалу по теме «Государственное устройство Англии, США и России», на которые им требовалось дать правильный ответ. Таким образом, вся беседа протекала в форме вопросно-ответного единства. Приветствовалась быстрота реактивных реплик и правильность подачи информации. Опрос проводился в порядке изъявления желаний студентов дать ответ на поставленный вопрос. Иногда приходилось отступить от данного правила и выступать в качестве иницилирующего начала путем намеренного обращения к тому или иному студенту. В опросе приняло участие подавляющее большинство учебной группы.

В целом, студенты-управленцы успешно справились с поставленной задачей. В итоге, занятие-коллоквиум имело практический характер. В ходе учебного занятия у студентов были сформированы следующие речевые и социокультурные компетенции:

1) владение навыками выражения своих мыслей и мнения на иностранном языке;

2) Владение навыками извлечения информации из аутентичного текста по теме государственного управления различных стран;

3) владение навыками поддержания беседы на иностранном языке;

4) владение материалом в рамках рассматриваемой дисциплины по вопросам государственного устройства трех стран;

5) умение рассуждать и логически мыслить.

Первые три компетенции можно условно объединить в «речевые компетенции» или «коммуникативные компетенции».

Тема «коммуникативной компетенции» затрагивается в трудах многих отечественных ученых [1, 2, 5, 6, 7, 8, 12]. Исследователи описывают компетенцию чаще всего с психологической точки зрения, уделяя внимание прежде всего потенциальной способности человека к осуществлению речевой деятельности на иностранном языке.

«Мы понимаем под коммуникативной компетенцией способность человека, в нашем случае обучаемого, организовывать свою речевую деятельность согласно ситуации общения, ее целевой направленности в общепринятых продуктивных и рецептивных видах посредством выбранных языковых средств» [10, с. 134].

В ходе занятия-коллоквиума студенты не только приобрели новые знания и успешно освоили навыки работы с учебным текстовым материалом, овладели необходимым набором

компетенций, они также значительно расширили свою когнитивную базу. Занятие-коллоквиум в нашем случае выявило положительные моменты со стороны структуры и содержания и носило четкий практико-ориентированный характер.

Таким образом, занятие-коллоквиум в процессе изучения иностранного языка можно считать одной из эффективных форм контроля сформированности речевых и социокультурных компетенций студентов гуманитарных и других факультетов в системе бакалавриата.

Библиографический список

1. Бим И. Л. Немецкий язык. Базовый курс. Концепция, программа. – М. : Новая школа, 1995. – 128 с.
2. Бим И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 11–15.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – М. : «Советская энциклопедия», 1969–1978.
4. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/коллоквиум> (дата обращения: 24 мая 2014).
5. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. – М. : Рус. яз., 1989. – 219 с.
6. Комина Н. А. Организационный дискурс в учебной ситуации : монография. – М. : Институт языкознания РАН, Тверской государственный университет, 2004. – 188 с.
7. Комина Н. А. Функции учебного дискурса в процессе формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции // Языковой дискурс в социальной практике : материалы международной научно-практической конференции. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 163–167.
8. Копылова Н. В. Психолого-акмеологические основы становления иноязычной коммуникативной компетентности : монография, т. 1. – М. : Изд-во НОУ ИСОМ, 2006. – 246 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 41089 словарных статей. – Издательство «Азъ», 1992.
10. Ращупкина К. С. Интерактивная характеристика учебного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Тверь : Тверской государственный университет, 2009. – 169 с.
11. ФГОС ВПО [Электронный ресурс]. – URL: fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/8 – 2011115140535.pdf (дата обращения: 24 мая 2014).
12. Филатов В. М. Антропологическая модель обучения иностранным языкам в начальной школе и педагогическом колледже : монография. – Ростов н/Д : АНИОН, 2002, – 400 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bim I. L. Nemetskiy yazyik. Bazovyy kurs. Kontseptsiya, programma. – M. : Novaya shkola, 1995. – 128 s.
2. Bim I. L. Lichnostno-orientirovannyiy podhod – osnovnaya strategiya obnoveniya shkolyi // Inostrannyye yazyiki v shkole. – 2002. – № 2. – S. 11–15.
3. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya : v 30 t. – M. : «Sovetskaya entsiklopediya», 1969–1978.
4. Vikipediya [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/kollokvium> (data obrascheniya: 24 maya 2014).
5. Zimnyaya I. A. Psihologiya obucheniya nerodnomu yazyiku. – M. : Rus. yaz., 1989. – 219 s.
6. Komina N. A. Organizatsionnyiy diskurs v uchebnoy situatsii : monografiya. – M. : Institut yazyikoznaniya RAN, Tverskoy gosudarstvennyiy universitet, 2004. – 188 s.
7. Komina N. A. Funktsii uchebnogo diskursa v protsesse formirovaniya professionalno-orientirovannoy kommunikativnoy kompetentsii // Yazyikovoy diskurs v sotsialnoy praktike : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Tver : Tver. gos. un-t, 2007. – S. 163–167.
8. Kopyilova N. V. Psihologo-akmeologicheskie osnovy stanovleniya inoyazyichnoy kommunikativnoy kompetentnosti : monografiya, t. 1. – M. : Izd-vo NOU ISOM, 2006. – 246 s.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyika : 41089 slovarnyih statey. – Izdatelstvo «Az'», 1992.
10. Raschupkina K. S. Interaktivnaya harakteristika uchebnogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. – Tver : Tverskoy gosudarstvennyiy universitet, 2009. – 169 s.
11. FGOS VPO [Elektronnyiy resurs]. – URL: fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/8 – 2011115140535.pdf (data obrascheniya: 24 maya 2014).
12. Filatov V. M. Antropologicheskaya model obucheniya inostrannym yazyikam v nachalnoy shkole i pedagogicheskom kolledzhe : monografiya. – Rostov n/D : ANION, 2002, – 400 s.

© Ращупкина К. С., 2014

Psychologické vědy

УДК 155.413 + 303.30 + 305

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Н. Е. Шахова

*Магистр педагогических наук,
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова,
г. Одесса, Украина*

A TYPOLOGY OF SUBJECTS IS IN CONTEXT
OF VALUED-SEMANTIC ORGANIZATION OF SPACE

N. E. Shahova

*Master of Pedagogical Sciences,
Odessa National University
of the name of I. I. Metchnikov,
Odessa, Ukraine*

Summary. The article is sanctified to empiric research of the dynamic systems of the values of subject, opened out in different directions. The next types of subjects are distinguished in the context of their value-semantic organization of space: oriented to all-sufficiency; oriented to the self-increase and oriented to comfort social surroundings.

Keywords: valued orientations; consciousness; strategic vital aims; motivation; subject activity; development of personality.

Смысловые образования максимального уровня обобщения превращаются в ценности, и субъект начинает осознавать собственные ценности только тогда, когда он начинает относиться к миру как к целостной системе. Поэтому при исследовании различных аспектов становления личности, поиска ею смысла жизни или формирования собственного жизненного пространства исследователи традиционно обращаются к понятию «ценность» [3; 5]. Данная категория рассматривается в различных родственных науках, в качестве предмета которых выступает человек: аксиологии, философии, социологии, биологии, психологии и др.

Ш. Шварц отмечал, что типология личности на основании разных ценностей в отечественной и зарубежной психологии конструировалась преимущественно с учётом направленности на

какую-либо доминирующую ценность или группу ценностей [5]. Однако типология субъектов на основе направленности их активности в психологической литературе не представлена.

Реализуя принципы типологического, субъектного, системного подходов, мы считаем, что личность осуществляет свою жизнедеятельность на основе определённой системы смыслов, находящих своё отражение в системе ценностей, на основе которых разворачивается активность личности и осуществляется выбор стратегий поведения.

Опираясь на категорию субъектного ядра концепции активности субъекта В. А. Татенко, мы рассматриваем три истока субъектной активности:

– интенционально-актуальный («я хочу, желаю, стремлюсь» – «я реализую, выполняю, достигаю»);

– потенциальный («я могу, умею, способен»);

– виртуальный («я выбираю, намереваюсь, решаю») [4].

Каждый из отмеченных истоков активности отображается различными уровнями мотивации. Интенционально-актуальный отражается в ценностно-смысловой и ценностно-мотивационной сфере. Потенциальный – в потребностно-мотивационной сфере. Виртуальный исток – в мотивационной составной личности, влияющей на принятие решений.

Н. Р. Салихова отмечает, что в психологии относительно исследования ценностных ориентаций сложились следующие подходы: *общепсихологический*, характерологический, онтогенетический, социальнокультурологический, экзистенциальный и личностный, каждый из которых делает свой взнос в разработку общей теории ценностных ориентаций [3]. Однако попытки типологизации субъектов активности в контексте ценностно-смысловой организации пространства в науке отсутствуют, что и обусловило актуальность нашего исследования.

Цель: эмпирически исследовать динамические системы ценностей субъекта, разворачивающиеся в различных направлениях.

Материалы и методы: в исследовании использовалась методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах». Выделение однородных групп по системе важности ценностей и их доступностей проводилось с помощью кластерного анализа, который выполнялся методом древоподобной кластеризации (иерархическая кластеризация, *tree clustering*), стратегией внутригрупповых связей (*Within – groups linkage*). Мера расстояния между объектами рассчитывалась квадратом Евклидова расстояния (*Squared Euclidian distances*). Кластеризация вы-

полнялась в статистической программе SPSS for Windows 17.0.

Результаты и их обсуждение. Экзистенциально-смысловая активность субъекта обусловлена системой его ценностей и выбором направления её развёртывания, то есть тем, как она из потенциальной системы становится актуальной и актуализируется в процессе жизни.

При анализе полученных нами данных мы предположили, исходя из предыдущих результатов, что субъектная активность испытуемых не является однородной; существует несколько динамических систем ценностей, которые разворачиваются в разных направлениях. Для проверки отмеченного предположения нами была проведена дифференциация выборки по системе ценностей и доступностей (данными методики Е. Б. Фанталовой).

Выборка составила 214 испытуемых обоего пола (130 испытуемых периода ранней юности: 68 девушек и 62 юноши; и 84 испытуемых периода поздней юности: 45 девушек и 39 юношей). Испытуемые являются студентами колледжа и Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

По данным кластерного анализа нами были выделены три группы. В каждой группе система ценностей как динамическое образование была подвержена множественному регрессионному анализу, в результате чего выделились предикторы ценности «Активная, деятельная жизнь». Обнаруженные предикторы, по нашему мнению, обуславливают направленность активности жизнедеятельности на основе смысловых характеристик ценностей. Множественный регрессивный анализ осуществлялся методом пошагового отбора (*stepwise selection*). Уровни статистической значимости были приняты в пределах $p < 0,05$ и $p < 0,01$. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Регрессионные связи ценностных приоритетов по выделенным типам ценностно-смысловой организации жизненного пространства

Тип			Ц2	Ц6	Ц7	Ц8	Ц9	Ц10	Ц11	Ц12
Ориентированный на самодостаточность (независимость)	Ц1	β	0,340				0,452	0,498		0,320
		ρ	0,004				0,000	0,000		0,009
Ориентированный на самоповышение	Ц1	β		0,319		0,510	0,335			
		ρ		0,015		0,000	0,008			
Ориентированный на комфортное социальное окружение	Ц1	β			0,267				0,314	
		ρ			0,041				0,017	

Примечания:

- Ц1 – Активная, деятельная жизнь;
- Ц2 – Здоровье (физическое и психическое здоровье);
- Ц6 – Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных трудностей);
- Ц7 – Наличие добрых и верных друзей;
- Ц8 – Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений);
- Ц9 – Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие);
- Ц10 – Свобода как независимость в поступках и действиях;
- Ц11 – Счастливая семейная жизнь;
- Ц12 – Творчество (возможность творческой деятельности).

Каждая группа, выделенная методом кластерного анализа, получила своё название на основе регрессионных связей между ценностью «Активная, деятельная жизнь» и другими ценностями, с помощью которых субъект актуализирует внутреннюю экзистенциальную активность. Так, в первой группе предикторами ценности «Свобода как независимость в поступках и действиях» ($\beta = 0,489$ $\rho < 0,0001$), «Познание» ($\beta = 0,452$ $\rho < 0,001$), «Здоровье» ($\beta = 0,340$ $\rho < 0,01$), «Творчество» ($\beta = 0,320$ $\rho \leq 0,01$). Исходя из того, что перечисленные категории являются ценностями, которые в разных классификациях относятся к самотрансцендентным или ценностям самоактуализации, тип субъектной активности, который про-

явился в группе, может быть определён как самодостаточный. В нашем случае в качестве основной смысловой составляющей самодостаточности выступает стремление независимости. Поскольку обратных связей между ценностями не обнаружено, то есть ценность «Активная, деятельная жизнь» не входит в состав предикторов тех ценностей, которые её обуславливают, выявленная динамическая система ценностей устойчивой не является, а данный тип получил название «ориентированный на самодостаточность».

Во второй группе предикторами ценности «Активная, деятельная жизнь» выступили ценности «Уверенность в себе» ($\beta = 0,51$ $\rho < 0,001$), «Познание» ($\beta = 0,335$ $\rho < 0,01$), «Материально обеспеченная жизнь» ($\beta = 0,319$ $\rho < 0,05$). Такая система ценностей имеет смысловую

составляющую, основанную на ощущении преимущества над другими. Выявленный тип был определён нами как «ориентированный на самоповышение».

Третья группа была определена нами как «ориентированная на комфортное социальное окружение». Предикторами экзистенциальной активности выступили ценности «Счастливая семейная жизнь» ($\beta = 0,314$ $\rho < 0,05$), «Наличие добрых и верных друзей»

($\beta = 0,267$ $\rho < 0,05$). Следовательно, жизнедеятельность, обусловленная отмеченными ценностями, разворачивается в направлении конструирования такого социального окружения, которое поддерживает, обеспечивает качество жизни.

Распределение выборки по составу гендерных и возрастных групп по типу обнаруженной субъектной активности представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение выборки по типам ценностно-смысловой организации жизненного пространства с учётом гендерных и возрастных особенностей

	Ранняя юность, девушки		Ранняя юность, юноши		Поздняя юность, девушки		Поздняя юность, юноши	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Ориентирован на самодостаточность	17	7,9	17	7,9	6	2,8	6	2,8
Ориентирован на самоповышение	28	13,1	28	13,1	29	13,6	27	12,6
Ориентирован на комфортное социальное окружение	23	10,7	17	7,9	10	4,7	6	2,8
Всего	68	31,8	62	29,0	45	21,0	39	18,2

Примечание. Общее количество выборки составило 214 испытуемых.

По численному составу тип субъектной активности с ориентацией на самодостаточность обнаружен в 21,5% (46 юношей и девушек). В частности, девушек и юношей периода ранней юности по 7,9% (по 17 лиц) соответственно, юношей и девушек периода поздней юности по 2,8% (по 6 лиц) соответственно.

Группу с субъектной активностью, ориентированной на самоповышение, составили 52,3% (112 юношей и девушек) от общего количества выборки. Из них: девушек и юношей периода ранней юности по 13,1% (по 28 лиц) соответственно, девушек периода поздней юности 13,6% (29 лиц), юношей периода поздней юности 12,6% (27 лиц).

Субъектная активность, ориентированная на комфортное социальное окружение, характерна для 26,2% (56 лиц): 10,7% (23 лица) составляют девушки периода ранней юности, 7,9% (17 лиц) составляют юноши периода ранней юности, 4,7% (10 лиц) – девушки периода поздней юности и 2,8% (6 лиц) – юноши периода поздней юности.

Следовательно, во-первых, наиболее распространённым оказался тип субъектной активности, ориентированный на самоповышение. Во-вторых, качественный анализ испытуемых по гендерным и возрастным особенностями показал отсутствие различий. Поэтому при дальнейшем анализе нами они учитываться не будут.

Для определения характеристики мотивационно-смысловой сферы по типам субъектной активности перейдем к анализу смысложизненных ориентаций личности и показателя дезинтегрированности ценностно-мотивационной сферы.

По шкалам «Цели» и «Процесс» по критерию Тьюки (ANOVA) наблюдаются статистически значимые отличия на уровне $p < 0,01$ $p < 0,05$ между группами субъектов, ориентированных на самодостаточность, и субъектами, ориенти-

рованными на самоповышение, а также субъектами, ориентированными на самоповышение, и субъектами, ориентированными на комфортное социальное окружение (табл. 3). Выделено два однородных подмножества: подмножество из субъектов, ориентированных на самоповышение, и подмножество из субъектов двух других групп. Первое подмножество отличается значительно меньшим среднестатистическим показателем по сравнению со вторым.

Таблица 3

Сравнение групп по проявлениям смысложизненных ориентаций и внутренней конфликтности по типами субъектной активности (критерий Тьюки)

	I–II		II–III		I–III	
	(I – J) -я разница средних	Знач.	(I – J) -я разница средних	Знач.	(I – J) -я разница средних	Знач.
Цели	11,07	0,00	-8,70	0,00	2,37	0,73
Процесс	11,02	0,00	-6,93	0,03	4,09	0,42
Результат	2,47	0,27	0,16	0,99	2,64	0,39
Локус контроля – Я	-2,40	0,27	4,26	0,02	1,86	0,60
Локус контроля – жизнь	-0,36	0,98	0,36	0,98	3,23	0,43
Общий показатель ОЖ	28,7	0,00	-20,89	0,01	7,81	0,67
Индекс дезинтегрированности	-13,95	0,00	3,81	0,37	-10,14	0,00

Примечания:

- I – ориентированы на самодостаточность (независимость),
- II – ориентированы на самоповышение,
- III – ориентированы на комфортное социальное окружение.

Следовательно, субъектов, ориентированных на самоповышение, можно охарактеризовать как живущих сегодняшним днём, сосредоточенных на самом процессе жизни, но чувствующих недовольство им. Субъекты, ориентированные на самодостаточность, и субъекты, ориентированные на комфортное социальное окружение, склонны конструировать часовую перспективу с ближайшими и отдалёнными целями,

жизнь воспринимают как интересную и эмоционально насыщенную.

По шкале «Локус контроля – Я» наблюдаются статистически значимые различия на уровне $p < 0,05$ между субъектами, ориентированными на самоповышение, и субъектами, ориентированными на комфортное социальное окружение.

Исследуемые группы образуют два множества. Первое множество

составляет группа, ориентированная на комфортное социальное окружение и самодостаточная группа со значениями меньше среднего. Вторую – ориентированная на самодостаточность со значениями выше среднего и ориентированная на самоповышение.

Для субъектов, составляющих первое множество, характерно умеренное проявление установки «Я – хозяин жизни», ощущение ограниченности в свободе выбора строить собственную жизнь по собственным целям. У субъектов второго множества выражено проявление установки «Я – хозяин жизни», представление о себе как о сильной личности, способной строить собственную жизнь соответственно поставленным целям.

По шкалам «Результат» и «Локус контроля – жизнь» различий не наблюдается.

Статистически значимые различия ($p < 0,01$) по общему показателю осознанности жизни отвечают тенденции расхождений по смысложизненным ориентациям относительно будущего («Цели») и нынешнего («Процесс»).

Средние значения индекса общей дезинтегрированности для групп с личными ориентациями субъектной активности составили:

- для ориентированных на самодостаточность – $27,26 \pm 14,38$ ($M \pm SD$);
- для ориентированных на самоповышение – $36,92 \pm 11,43$ ($M \pm SD$);
- для ориентированных на комфортное социальное окружение – $31,7 \pm 10,76$ ($M \pm SD$).

Приведённые данные показывают, что наиболее высокая внутренняя конфликтность присуща субъектам, ориентированным на самоповышение (среднее значение немногим больше, чем в целом в выборке). Значительно меньший показатель внутренней конфликтности у субъектов, ориентированных на самодостаточность, и промежуточное значение отмечается у субъектов, ори-

ентированных на комфортное социальное окружение. Сравнение показателей групп доказало, что они статистически значимо отличаются ($p < 0,01$). При этом ориентированные на самодостаточность и ориентированные на комфортное социальное окружение образуют одно однородное подмножество, а ориентированные на самоповышение – другое.

Выводы

Исходя из приведённых результатов, можно сделать следующие обобщения. Тип, ориентированный на самодостаточность, процесс жизни воспринимает как интересный, эмоционально насыщенный, наполненный смыслом, имеющий временную перспективу. Субъекты данного типа ориентированы на трезвость, практичность, рациональный подход к решению жизненных проблем при умеренной способности спонтанно и непосредственно выражать свои чувства. Состояния напряжения и опустошённости обусловлены неудовлетворённой потребностью в самореализации, неопределённостью значимой для себя социальной деятельности.

Для типа, ориентированного на самоповышение, характерны: удовлетворённость прожитой частью жизни, низкая осознанность жизни при ощущении её наполненности, дискретное восприятие собственной жизни в целом, потеря временной перспективы. Субъекты данного типа переживают недовольство текущей жизненной ситуацией, личностные смыслы носят ситуативный и защитный характер. Негативно эмоционально окрашенные состояния напряжения и опустошённости порождают настойчивость в реализации намерений, веру в собственную возможность контролировать события собственной жизни. При внешней открытости, активности отмечается внутренняя замкнутость, избегание глу-

боких и эмоционально насыщенных контактов с людьми.

Тип, ориентированный на комфортное социальное окружение, чувствует потерю контроля за событиями жизни, ограниченность в свободе выбора строить собственная жизнь по собственным целям. Им свойственна инертность в принятии решений. Жизнь воспринимается как интересная и эмоционально насыщенная. Характеризуется согласованной внутренней идентичностью, умеренно негативными состояниями напряжения и опустошённости, которые вынуждают желать лучшего, хотеть больше, ставить новые цели, чувствовать полноту жизни.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Петровский А. В. Трёхфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 34–36.
3. Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. – Казань : Казан. ун-т, 2010. – 452 с.
4. Татенко В. А. Психология в субъектном измерении : монография. – К. : Издавничий центр «Просвита», 1996. – 404 с.
5. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология / ВШЭ. – 2008. – Т. 5. – № 2. – С. 37–67.
6. Maslow A. H. Religions, values and peak-experiences. – N. Y., 1970. – 123 p.
7. Rokeach M. The nature of human values. – N. Y. : Free Press, 1973.

Bibliograficheskiy spisok

1. Abulhanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni. – M. : Myisl, 1991. – 299 s.
2. Petrovskiy A. V. Tryohfaktornaya model znachimogo drugogo // Voprosyi psihologii. – 1991. – № 1. – S. 34–36.
3. Salihova N. R. Tsennostno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti. – Kazan : Kazan. un-t, 2010. – 452 s.
4. Tatenko V. A. Psihologiya v sub'ektnom izmerenii : monografiya. – K. : Vidavnichiy tsentr «Prosvita», 1996. – 404 s.
5. Shvarts Sh. Kulturnyie tsennostnyie orientatsii: priroda i sledstviya natsionalnyih razlichiy // Psihologiya / VShE. – 2008. – T. 5. – № 2. – S. 37–67.
6. Maslow A. H. Religions, values and peak-experiences. – N. Y., 1970. – 123 p.
7. Rokeach M. The nature of human values. – N. Y. : Free Press, 1973.

© Шахова Н. Е., 2014

УДК 159.9

**СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ
СВОЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

О. Р. Тучина

*Кандидат психологических наук, доцент,
Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия*

**SEMANTIC FEATURES OF SELF-UNDERSTANDING
OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE PERSONALITY**

O. R. Tuchina

*Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia*

Summary. In article results of research of personal and semantic aspect of self-understanding of ethnocultural identity of the Russian and Armenian youth of Kuban are discussed. Results of the conducted research showed that feature of semantic aspect of self-understanding of ethnocultural identity of Russians is that ethnic and civil intertwine in feeling of accessory to the people, its history and culture, civic consciousness is perceived as personal value; Armenians – understanding of the ethnocultural identity through understanding of a sense of responsibility before a set of communities that is caused by plurality of identity, ethnic unity is comprehended as personal value.

Keywords: ethnocultural identity; self-understanding; subject-existential approach.

В связи¹ с динамикой общественного развития в последние десятилетия, когда преобразования в области политики и экономики изменили весь уклад и строй жизни граждан, что вызвало стремление личности к поиску устойчивых основ бытия, особую значимость приобретает проблема этнической идентификации. Социологические и социально-психологические исследования этнической идентичности ставят своей задачей в основном выявление этнодифференцирующих признаков, позволяющих выстроить дихотомию «свой – чужой» на уровне индивидуального сознания. Вместе с тем исследователи признают, что даже совокуп-

ность таких признаков не даёт ответа на вопрос, почему люди (особенно в неоднозначных условиях этнического бытия) относят себя именно к данной этнической группе. С нашей точки зрения этническая идентичность – это не просто приписывание себя к определённой этнической группе на основе ряда этнодифференцирующих признаков, подкрепляемое внешними факторами, а нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве этнокультуры, что регулирует не только внешние формы поведения, но и его представление о мире и своём месте в этом мире.

В результате многих этнопсихологических исследований сложилось представление, что у большинства индивидов формируется моноэтническая идентичность, совпадающая с приписываемой этничностью. Благоприятные социально-психологические условия

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-26-20001 а(м) – «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряжённой диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодёжи Армении и России)».

способствуют формированию позитивной этнической идентичности, что выражается в положительной оценке собственной этнической группы и членства в ней, сопровождается положительными эмоциями, а также сопровождается положительным отношением к другим этническим группам и проявлению толерантности.

Рассматривая феномен позитивной этнической идентичности в русле субъектно-бытийного подхода, можно утверждать, что это ситуация подтверждаемой социальным окружением этнической идентичности [3]. Он характеризуется освоением нормативно-ценностной системы этнокультурной общности и внутренним согласием с ней, добровольным поведением субъекта в соответствии с «границами нормальности» данной этнической группы, желанием удовлетворять потребность в самореализации в рамках этнокультурной группы и сопровождается чувством аутентичности бытия, выражающемся в субъективном ощущении «себя настоящего» именно в контексте данной этнической группы. Таким образом, этнокультурная идентичность, будучи одним из фундаментальных ответов на вопрос «Кто Я?», решает проблему определённости человека в мире. Именно поэтому она неотделима от процесса самопонимания, актуализация которого ведёт к проблематичности устоявшихся норм традиции, к поиску скрытых за ними ценностей [1].

Этнокультурная идентичность имеет сложную архитектуру и обладает многоплановой перспективой, соответственно, самопонимание этнокультурной идентичности может быть процессом разного уровня сложности и полноты. Верхний уровень этнокультурной идентичности представляет собой утрированно стереотипные представления о представителях своей национальности [2]. Более глубокий уровень самопонимания предполагает анализ следую-

щего слоя автостереотипа, основанный на глубинных и самоочевидных представлениях о нормальности. Эмпирически этот уровень самопонимания может быть исследован при помощи оценки качеств типичного и идеального представителя этноса методом Семантического дифференциала [4]. И, наконец, исследование экзистенциальной глубины самопонимания этнокультурной идентичности возможно в выявлении личностного смысла, структурирующего бытийное пространство личности. Это ответ на вопрос: «Что для меня значит быть представителем данной этнокультурной общности?», выявляющий личностно-смысловое содержание этнокультурной идентичности, объективирующее личностный смысл этнокультурной идентичности. Данный подход опирается на принципы феноменологического исследования, целью которого является «раскрытие структуры того или иного переживания, связанного с некоторым предметом, ситуацией, событием или каким-то аспектом жизнедеятельности человека» [5].

В рамках реализации проекта РГНФ было проведено исследование личностно-смысловых особенностей самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности. Были исследованы следующие группы респондентов: русские – 327 человек (161 женщина и 166 мужчин) в возрасте от 17 до 26 лет ($M = 20,8$, $S = 3,8$) и армяне – 307 человек (157 женщин и 150 мужчин) – в возрасте от 16 до 29 лет ($M = 24,3$, $S = 5,2$). В качестве метода изучения самопонимания этнической идентичности использовалась модифицированная методика «графсхем» Б. В. Кайгородова. Испытуемых просили ответить на вопрос: «Что для Вас значит быть представителем Вашей этнической группы?». Ответы респондентов обрабатывались методом контент-анализа.

Результаты контент-анализа ответов русских респондентов позволяют

рассматривать фактор гражданственности как доминирующий в самопонимании русскими студентами Кубани своей этнокультурной идентичности (41,8 % ответов мужчин и 35,6 % ответов женщин). Интегральной стороной позитивной значимости гражданственности является гордость за страну, которая в данном контексте выражает чувство причастности к чему-то великому, превосходному, значительному. Чувство гордости носит во многом интуитивно-эмоциональный характер. Однако большинство русских студентов, отметивших данное качество, пытаются найти положительное основание подобному чувству. Чувство гордости за страну оборачивается значимостью личностной принадлежности к державе. Это значит «быть гражданином сильной мировой державы, ... ощущать себя частью великой страны, ... жить на огромной непобедимой русской земле». С принадлежностью к большой и сильной стране обретается «вера в спокойствие, безопасность и уверенность; ощущение того, что ты гражданин России, повышает самооверенность».

Понимание этнической принадлежности через этнокультурную традицию была отмечена более чем у 20 % респондентов. Причём такие этнографические факторы, как уклад жизни (единицы контент-анализа «русская кухня», «особенности быта» и традиционное вероисповедание), представлены незначительным количеством ответов респондентов в сумме менее 2 %.

Принадлежность к народу рассматривается респондентами как причастность к определённому ментальному пространству: «... значит быть носителем тех традиций, культуры, массового сознания, самобытности моей страны, где бы я не находилась;... я причастна к той уникальной культуре, самобытности, традициям, характеру». Осмысление русскими студентами Кубани подобной причастности имеет деятель-

ностные черты. Это значит «быть достойным потомком великого народа и достойным предком для будущих поколений;... нести ответственность за судьбу отечества».

Контент-анализ ответов армянских респондентов показал, что для них наиболее значимым является фактор «этнокультурные традиции» (59,2 % ответов мужчин и 46,2 % ответов женщин). Главными являются родной язык (10 и 5 %), соблюдение обычаев и одобряемых правил поведения (10 и 4,4 %), особенности воспитания в семье (4,8 и 3,6 %), а также знание и активное использование фольклорных традиций (свадебных обрядов, музыки, танцев) (20,1 и 18,4 %). Вторым важным фактором является система ценностных ориентиров (22 % ответов мужчин и 14 % ответов женщин). Данное положение подчёркивает такой ценностный ориентир, как соответствие национальному идеалу, необходимость воспроизводства в практической плоскости форм этикетного поведения, выражающего базовые национальные ценности, что должно способствовать созданию положительного образа представителя армянского этноса в иноэтнической среде. Третьим значимым фактором самопонимания этнокультурной принадлежности является «этническая солидарность» (забота о других представителях этноса, ответственность за поведение и образ жизни других армян) – 10 % ответов мужчин и 19,9 % ответов женщин. Армянские респонденты большое значение придают этнической солидарности, поддержке соотечественников и формированию позитивного образа представителей этноса. У армянской молодёжи осознание своих культурных отличий вызывает желание быть достойными представителями своей этнической группы. Молодые люди осознают свою ответственность с формированием образа представителей этнокультурной

общности в глазах этнического большинства. Вместе с тем армянские респонденты осознают и свою принадлежность к России, к её народу. Таким образом, этнокультурная идентичность в условиях диаспоры не противопоставляется гражданской, а осознаётся как её составляющая, что ведёт к осознанию двойной ответственности за свои поступки – перед этнокультурной общностью и страной в целом.

На основании результатов проведённых исследований были выявлены следующие особенности личностно-смыслового аспекта самопонимания исследуемых групп респондентов:

- в условиях большого титульного этноса (русские на Кубани) особенностью смыслового аспекта самопонимания этнокультурной идентичности является то, что этническое и гражданское переплетаются в чувстве принадлежности к народу, его истории и культуре, гражданственность воспринимается как личностная ценность;

- в условиях диаспоры (армяне Кубани) особенностью смыслового аспекта самопонимания этнокультурной идентичности является понимание своей этнокультурной идентичности через понимание чувства ответственности перед множеством общностей, что обусловлено множественностью идентичностей, этническая сплочённость осмысливается как личностная ценность.

Таким образом, пространство этнокультуры является для человека тем бытийным пространством, в котором он стремится найти себя настоящего, достигнуть аутентичности бытия, а этническая группа – тем поддерживающим ресурсом, который помогает реализовать свою бытийность.

Библиографический список

1. Аполлонов И. А., Карнаушенко Л. В., Тучина О. Р. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов). – Краснодар : Изд-во КрУ МВД РФ, 2009.
2. Павленко В. Н., Таглин С. А. Введение в этническую психологию. – Харьков, 1992.
3. Рябикина З. И. Проблема аутентичного бытия личности в современном мире // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2005. – Т. 51. – № 7. – С. 188–189.
4. Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. – М. : Изд-во МГУ, 1993.
5. Улановский А. М. Феноменологическое описание в психологии // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии : материалы сообщений. URL: [http:// http://hpsy.ru/public/x825.htm](http://http://hpsy.ru/public/x825.htm) (дата обращения: 20.06.2013).

Bibliograficheskiy spisok

1. Apollonov I. A., Karnauschenko L. V., Tuchina O. R. Etnokulturnye normy i tsennosti v formirovani samoponimaniya molodozhi (na primere russkikh i adyigskikh studentov kubanskih vuzov). – Krasnodar : Izd-vo KrU MVD RF, 2009.
2. Pavlenko V. N., Taglin S. A. Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu. – Harkov, 1992.
3. Ryabikina Z. I. Problema autentichnogo byitiya lichnosti v sovremennom mire // Izvestiya yuzhnogo federalnogo universiteta. Tehnicheskie nauki. – 2005. – T. 51. – № 7. – S. 188–189.
4. Stefanenko T. G., Shlyagina E. I., Enikolopov S. N. Metodyi etnopsihologicheskogo issledovaniya. – M. : Izd-vo MGU, 1993.
5. Ulanovskiy A. M. Fenomenologicheskoe opisaniye v psihologii // Vtoraya Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsialnoy psihologii : materialy soobscheniy. URL: [http:// http://hpsy.ru/public/x825.htm](http://http://hpsy.ru/public/x825.htm) (data obrascheniya: 20.06.2013).

© Тучина О. Р., 2014

НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ

А. Г. Савельева

*Магистрант,
Астраханский государственный
университет,
г. Астрахань, Россия*

MORAL DEVELOPMENT OF YOUTH

A. G. Savelieva

*Undergraduate student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia*

Summary. The article examines the moral foundations of the young generation, the criteria for self-development and moral education of youth, reveals the concept of morality and moral culture. The author emphasizes the need for moral self-identity in generals, and modern society.

Keywords: morality; moral culture; moral choice; moral consciousness.

В настоящее время сообщество людей переживает нравственный кризис. Такое положение является в первую очередь отражением различных перемен, которые произошли в современном обществе. Нравственные ценности сведены к минимуму, как в учебных образовательных учреждениях, так и во всей системе образования. Поэтому ценностные установки общества (детей, молодого поколения и зрелых людей) приобрели во многом деструктивный характер, который направлен в первую очередь на саму личность, семью, общество и государство в целом. Говоря о молодом поколении, можно отметить, что это особая социально-возрастная группа, которая отличается возрастными рамками и своим собственным статусом в обществе. Здесь происходит переход от детства и юности к социальной ответственности [5, с. 140].

Нравственность – это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [3, с. 102]. Нравственность присваивает человеку моральные

ценности, требования к себе и другим, становится частью его «Я».

Нравственность в общем смысле является способностью к различению людьми добра и зла. Такую способность во многом формирует молодое поколение на основе нравственных устоев общества. На данный момент затруднительно сказать, что такие устои дают гарантированный и определенный ориентир для становления и развития нравственного самосознания общества, в том числе и молодого поколения. Нравственность уходит на дальний план в культуре народов, в их искусстве, но особенно она отрицается средствами массовой информации, посредством которых оказывается сильное психологическое влияние на общество [4, с. 263]. Поэтому чрезвычайно важно и значимо нравственное воспитание подрастающего поколения. Нравственность не может быть сформирована извне. Она неотделима от внутреннего состояния человека и может «произрасти» из его воспитания и окружения, но вместе с этим нравственное самосознание может быть сформировано стимулами,

производящими личностное стремление человека к самовоспитанию, саморазвитию, нравственному самосовершенствованию [2, с. 3].

Главным источником воспитания нравственного самосознания личности считается семья, которая становится корнем, стержнем, на базе которой, при помощи всех остальных структур, вырастает гуманная, свободная, духовная, творческая личность. К сожалению, в наше время на первое место ставится изучение основ наук. А на последующее – наука о том, как стать человеком, т. е. как быть добросердечным и благородным. Но все же жизненный опыт показывает, что воспитание дает высокие результаты там, где есть для этого хорошая основа. От нравственных убеждений, характера воспитанности иногда зависят судьбы целых народов, хотя при этом уровень знаний имеет далеко не первое значение [6, с. 21].

Основными критериями нравственного саморазвития и воспитания молодежи выступают, в первую очередь, знания принципов нравственной культуры, таких, как: любовь, добро, понимание, забота и др., выполнение выработанных моральных нормативов, соответствующих нравственному поведению в различных ситуациях, и уверенность в необходимости выполнения данных норм. Это можно определить как степень нравственной культуры личности в целом, которая должна присутствовать в жизни каждого человека [4, с. 261].

При этом надо помнить, что можно придумывать и организовывать грандиозные мероприятия для молодежи, полагая, что они все же обладают воспитательным характером, но так и не добиться ничего, потому что ранее человека не научили «видеть» и «слышать» то доброе, что ему предлагают другие.

В целом, уровень нравственной культуры можно определить по кри-

териям нравственного воспитания в системе образования – это уровень знаний и убежденности в необходимости выполнения норм нравственности, сформированность нравственных качеств личности, умения и навыки соответствующего поведения в жизненных ситуациях. Вместе с этим, воспитание и развитие у молодежи нравственности является одной из самых важных задач в процессе становления личности [2, с. 4]. При этом надо помнить, что нравственная культура личности выступает в качестве основы для формирования общей культуры личности [1, с. 39].

На протяжении многих столетий складывалась система ценностных традиций, которая вбирала в себя весь опыт человечества под влиянием истории, природы, географических особенностей территории. Поэтому нравственное воспитание в первую очередь должно базироваться на изучении социокультурного опыта предыдущих поколений.

Как отмечал Антоний Сурожский: «...если Вы не можете поступать как должно, если не хватает воли не совершать какой-то поступок, то для сохранения в себе Человека, очень значимо хотя бы оценить, насколько плохо то, что ты сейчас делаешь, насколько этим поступком Вы теряете или предаете что-то в себе. Способность осознать и оценить свое поведение – очень ценное качество» [4, с. 265].

В настоящее время усиленно пропагандируется свободное искусство, которое не загнано в рамки цензуры, авторской совести и здравого смысла. На сознание людей, а особенно молодежи, к сожалению, действует такое свободное искусство, которое при этом имеет знаки официального признания. Подростки и молодежь привыкают к безобразному. Нравственное уродство, неполноценность уже не воспринимаются ими как нечто опасное. Регулярно сталкиваясь с этим и на экранах

телевизоров, и компьютеров, и в значительной части современных произведений «искусства», они воспринимают это как норму и в этой «норме» живут. Опасно это потому, что формула «Красота спасет мир» имеет обратную сторону: уродство и грязь могут его погубить [4, с. 269]. На наш взгляд это утверждение можно сформулировать немного иначе: «Красота души спасет мир».

В современном обществе проблема нравственного выбора подменяется проблемой решения. Молодежи внушается, что не нужно задумываться, хорошо или плохо, например, жить по принципу увеличения наслаждений, а следует только думать о том как этого добиться. Серьезным этапом разрушения общества выступает размягчение морали и нравственности. Антрополог К. Лоренц сформулировал закон: «Радикальный отказ от отцовской культуры – даже если он полностью оправдан – может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бесовских шарлатанов. Юноши, освободившиеся от традиции, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы» [6, с. 22].

Таким образом, мы считаем, что нравственность личности молодого поколения подразумевает развитие их социальной ответственности и нравственного сознания, нравственного воспитания, саморазвития и самосовершенствования, нравственной культуры и нравственности выбора. Именно на эти аспекты личностного становления и развития молодежи необходимо обращать внимание в первую очередь.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Нравственная и психологическая культура личности // *Paradigmata poznání*. – 2014. – № 1. – С. 39–42.
2. Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание в современной России / *Педагогика*. – 2008. – № 9.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Потанина Л. Т. «Восхождение» к смыслам как сущность нравственного развития // *Мир образования – образование в мире*. – М., 2007.
5. Савельева А. Г. Психологические особенности духовно-нравственного развития молодежи // *Социосфера*. – 2013. – № 4. – С. 139–141.
6. Сидячева Н. В. К вопросу о развитии морали и нравственности современной молодежи // *Вестник Московского государственного областного университета*. – М., 2010.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bryuhova N. G. Nравstvennaya i psihologicheskaya kultura lichnosti // *Paradigmata poznání*. – 2014. – № 1. – С. 39–42.
2. Nikandrov N. D. Duhovnyie tsennosti i vospitanie v sovremennoy Rossii / *Pedagogika*. – 2008. – № 9.
3. Ozhegov S. I. Tolkovyyiy slovar russkogo yazyika / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. – 4-e izd., dopolnennoe. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
4. Potanina L. T. «Voshozhdenie» k smyslaml kak suschnost nравstvennogo razvitiya // *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. – M., 2007.
5. Saveleva A. G. Psihologicheskie osobennosti duhovno-nравstvennogo razvitiya molodezhi // *Sotsiosfera*. – 2013. – № 4. – S. 139–141.
6. Sidyacheva N. V. K voprosu o razvitii morali i nравstvennosti sovremennoy molodezhi / *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta*. – M., 2010.

© Савельева А. Г., 2014

УДК 159.9(075)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕСТА РИСОВАНИЯ ЧАСОВ
В СКРИННИНГ-ОБСЛЕДОВАНИИ
КОГНИТИВНОГО ДЕФИЦИТА**

А. И. Мелёхин

*Аспирант,
Институт психологии Российской
академии наук,
г. Москва, Россия*

**USING THE CLOCK DRAWING TEST
IN THE SCREENING DIAGNOSIS OF COGNITIVE DEFICITS**

A. I. Melehin

*Graduate student,
Institute of Psychology
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Summary. The article describes the topical application of screening tests to detect the degree of cognitive deficit. Presented diagnostic orientation, shape, and options interpretation clock drawing test. Based on the research described by qualitative and quantitative features of the test clock drawing people aged 25–45 years, elderly (55–74 years) and elderly (75–99 years).

Keywords: diagnosis; cognitive deficits; clock drawing test; time; screening diagnosis.

Своевременная диагностика и адекватная реабилитация когнитивного дефицита способствуют повышению качества жизни человека. При этом первоочередной задачей является выявление на ранней стадии степени когнитивного дефицита. О когнитивном дефиците можно говорить в тех случаях, когда какое-либо заболевание приводит к снижению когнитивных способностей (памяти, праксиса, гнозиса, речи или исполнительных функций). Нарушения когнитивных функций, т. е. способности воспринимать, перерабатывать, запоминать и хранить значимую для человека информацию, языковую деятельность, выражать и применять знания в подходящий для этого момент – одно из основных симптомов ухудшения работы нервной системы [7 с. 9–10]. Именно когнитивные расстройства наряду с психопатологическими расстройствами нередко

становятся одной из основных причин, приводящих к нарушению качества жизни человека.

С диагностики начинается распознавание нервных болезней: прежде чем лечить болезни, нужно уметь их распознать» [3, с. 7]. Важно проявлять настороженность в отношении первых симптомов когнитивного дефицита со стороны эмоционально-волевой, личностной и когнитивной сферы. Таких как:

- ослабление интереса к окружающему;
- рассеянность;
- быстрая утомляемость;
- снижение памяти на текущие события;
- невозможность запомнить новые имена;
- нарушения ориентировки в малознакомой местности;
- трудности подбора слова при разговоре;

- затруднения при счёте;
- пассивность;
- стремление переложить ответственность на другого;
- дневная сонливость;
- раздражительность;
- слезливость и др.

В основе современной классификации когнитивных расстройств лежит, прежде всего, степень тяжести симптомов от более лёгких, умеренных к более тяжёлым [11, с. 11–12].

Существует метафорический образ, что современный пациент подобен футбольному мячу, который врач отфутболивают к одному врачу, а тот к другому и так по кругу. Диагностическая тактика работы с когнитивными нарушениями, безусловно, зависит от их причины. Поэтому данные пациенты должны быть тщательно обследованы с помощью параклинической диагностики, включающей в себя инструментальное, клинично-лабораторное и экспериментально-психологическое направления.

Р. Вертенберг писал: что недостаток времени при поликлиническом обследовании требует жертв со стороны полноты данного исследования, особенно в амбулаторной практике. Целью является не только описание определённых симптомов когнитивного дефицита, но также минимальная затрата времени и усилий. Это является и компромиссом и горькой необходимостью. Эта специализация и локальность зависит от предположения, возникшего при сборе анамнеза и при «первом взгляде». В связи с этим «чувство главного» конкурирует с полнотой исследования [3, с. 8–9]. При выборе инструмента оценки когнитивных нарушений важно учитывать следующие аспекты:

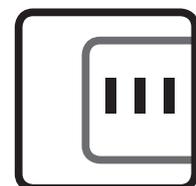
- 1) цель, предмет и объекты измерения;
- 2) удобство клинического использования теста, который планируется применять;
- 3) характеристики планируемого к использованию инструмента измерения.

Во всём мире в медицине придерживаются единого мнения о том, что скрининг-обследования являются одной из основополагающих форм выявления заболеваний на ранних этапах. В связи с этим актуальность разработки методик скрининг-обследования и технологии их проведения за последние несколько лет активно возрастает. Распространено мнение, что слово «скрининг» (от англ. «screen») означает «просеивать», «сортировать». Но это слово имеет и другой перевод: «Защита», «Ограждение кого-либо от чего-то неблагоприятного». Именно это значение лежит в основе термина «**скрининговое обследование**». Данная форма обследования позволяет выявить только наличие тех или иных симптомов без точной их квалификации, без указания на их характер и глубину [10, с. 30].

За последние несколько десятилетий тест рисования часов прочно вошёл в круг наиболее используемых скрининг методик в повседневной зарубежной и частично отечественной неврологической практике [15]. Отмечено, что когда вопрос стоит о быстром обследовании, то тест рисования часов¹ оказывается более чувствительным и информативным, а также функционально дополняет следующие неврологические шкалы: MMSE, MOCA, MDRS, FAB, BNT, CDR², что показано в исследованиях [13, 14, 16]. Многократные исследования применения теста рисования часов в клинике психоневрологических расстройств (лёгкие и умеренные когнитивные нарушения, атрофические расстройства, цереброваскулярные заболевания, черепно-мозговые травмы,

¹ Тест рисунок часов (Clock Drawing Test, сокр. CDT) был разработан в 1920 г. английским невропатологом Г. Хэдом с целью выявления слабоумия у пациентов.

² Названия основных неврологических шкал, направленных на обследование когнитивных функций, приводятся нами в сокращённой форме. Подробнее с данными шкалами можно ознакомиться в следующих работах [2, 4, 6].

нейроинфекции) свидетельствуют о его вкладе в оценку функционального состояния пациента до операции, после операции и во время реабилитационных мероприятий [12].

Диагностическая направленность теста рисования часов

Результаты теста рисования часов высоко коррелируют с интегральными показателями когнитивных функций. На данный момент тест рисования часов является быстрым и лёгким тестом для оценки следующих когнитивных функций:

1. *Зрительно-конструктивной деятельности (конструктивный праксис)*. Если при выполнении теста рисования часов пациент испытывает непреодолимые затруднения при самостоятельном рисовании циферблата, но на готовом циферблате располагает стрелки правильно, у него нет первичных пространственных нарушений. Конструктивная диспраксия в таком случае носит вторичный характер и обусловлена нарушением управляющих лобных функций. Если же пациент затрудняется расположить стрелки, в том числе на уже готовом циферблате, то с высокой степенью вероятности у него имеются нарушения пространственных представлений и конструктивная диспраксия носит первичный характер. Наличие первичной конструктивной диспраксии, в свою очередь, свидетельствует о заинтересованности левой теменно-затылочной области.

2. *Гностических нарушений*. Тест рисования часов используется с целью экспресс обследования неглекта. Неглект определяется как утрата способности отвечать на стимуляцию или воспринимать информацию стороной, противоположной поражённому полушарию. Ярким проявлением оптико-пространственной агнозии признан феномен игнорирования одной половины (односторонняя зритель-

но-пространственная агнозия, односторонний пространственный неглект, гемипространственное сенсорное невнимание). Неглект проявляется как затруднение восприятия информации, поступающей из одной полусферы пространства, при отсутствии первичного сенсорного или двигательного дефицита, в том числе гемианопсии. Клинический неглект проявляется в том, что у пациента отсутствует спонтанный поиск информации на противоположной очагу стороне пространства. В ряде клинических случаев наблюдается эффект «угасания», при котором пациент в состоянии воспринимать отдельные кратковременные события на стороне неглекта, но утрачивает эту способность в случае появления помех, поступающих с хорошо осознаваемой стороны. Неглект может выступать как полимодальный синдром, т. е. пациент игнорирует стимулы любой модальности, поступающие в анализаторные системы поражённого полушария. Иногда нарушается восприятие импульсов лишь одной модальности. Феномен неглекта связывают в основном с изменениями теменной доли, хотя он описан также при височной, лобной и подкорковой локализации патологического процесса [7, с. 142–143].

3. *Исполнительных функций*. Данные функции обеспечивают человеку возможность произвольной организации своей деятельности и осуществления независимого, целенаправленного поведения. Согласно более широкому определению, под исполнительными функциями понимается способность человека устанавливать цели деятельности, определять и выбирать оптимальные пути их достижения и следовать намеченным курсом, контролируя правильность действий и своевременно изменяя их в зависимости от ситуации. Регуляторные функции обеспечивают произвольную организацию и регуляцию всех других сфер психической

деятельности (восприятия, памяти, внимания) и поведения.

В отечественной клиничко-психологической практике в связи с преобладанием синдромного подхода в рамках нейропсихологического обследования недостаточно уделяется внимания формам скрининг-обследования. В связи с этим целью данного исследования, во-первых, является описание основных подходов к анализу выполнения теста рисования часов. Во-вторых, описание сравнительного количественного и качественного анализа выполнения теста рисования часов в различных возрастных группах.

Варианты инструкций и формы выполнения

Мета-анализ исследований показал, что тест рисования часов выполняется следующим образом: пациенту даётся чистый лист бумаги формата А4, оформленный следующим образом: в заголовке указывается дата обследования, ФИО и возраст пациента. Методика выполняется с помощью простого (твёрдо-мягкого) карандаша. Устно даётся следующая инструкция: «Нарисуйте, пожалуйста, круглые часы с цифрами на циферблате, чтобы стрелки часов показывали... (указывается определённое время)». Чтобы сделать выполнение теста более чувствительным к различным ошибкам, нужно попросить пациента нарисовать на часах такое время, чтобы оно не было слишком простым, как, например, «12 часов ровно» или «6 часов ровно». Это может быть «без пятнадцати два», «двадцать пять минут пятого» и любое другое время.

Говоря о формах проведения теста рисования часов, стоит упомянуть о существовании помимо классической электронной формы (Clock Test Plus и ClockFace Test), разработанной ассоциацией изучения атрофических заболеваний пожилого и старческого возраста Parker-O'Brien. Данные программы открывают большие перспек-

тивы в скрининг диагностике степени когнитивного дефицита в геронтологической клинике. Благодаря своевременно поставленному диагнозу врачи имеют большое преимущество в реабилитации пациентов с различными атрофическими заболеваниями. Использование новой формы тестирования может облегчить не только процесс тестирования для пациентов, но также предоставить врачу более сложный и точный инструмент для проведения диагностики когнитивных нарушений на ранних стадиях. Данные программы позволяют проводить обследование с помощью пальцев на планшете. Также, как и в классическом тесте, на листе бумаги пациенту предлагается изобразить циферблат часов с цифрами, а также часовую и минутную стрелки.

Для прохождения теста отводится определённый временной интервал. После окончания теста его результаты могут быть отправлены специалисту по электронной почте. Проведение диагностики с использованием данных программ позволяет получить намного больше данных, чем при стандартном тесте на бумаге. Данными программами ведётся запись времени, затраченного на шаги в ходе выполнения теста. Программой отмечаются любые временные задержки в ходе прохождения теста. Специалист также имеет возможность просмотреть прохождение теста в реальном масштабе времени – как создавался рисунок, тем самым проверяя наличие ошибок. Благодаря наличию этих функций электронная версия теста является более предпочтительной в сравнении с бумажной – ведь по ходу выполнения можно отследить, как человек пытается вспоминать цифры при рисовании циферблата, а также выявлять трудности при расстановке стрелок.

Варианты интерпретации

Согласно множеству исследований, отмечено, что взрослый, в том числе

и пожилой человек, может нарисовать циферблат и расположить стрелки правильно. Если же при выполнении теста наблюдаются ошибки расположения стрелок или неправильное рисование циферблата, то они свидетельствуют о наличии двигательных пространственных нарушений, т. е. конструк-

тивной диспраксии. Она может носить первичной или вторичный характер, для чего необходимо дальнейшее нейропсихологическое обследование [9, с. 35–36]. Кратко приведём на рис. 1 операциональные, регуляторные и динамические нарушения в ходе выполнения теста рисования часов.

Рис. 1. Основные ошибки при выполнении теста рисования часов

При интерпретации теста оцениваются следующие параметры:

- 1) правильность изображения циферблата;
- 2) точность воспроизведения положения стрелок.

Однако имеются различные варианты количественной оценки теста рисования часов. Наиболее высокая валидность выявлена у систем балльной оценки Y. I. Watson [2, с. 81] и T. Sunderland [6, с. 82–85] для теста рисования часов. Для начала приведём основные этапы оценки теста по Y. I. Watson:

• Шаг первый: от пациента требуется разделить нарисованный циферблат на четыре равных сектора путём рисования двух прямых линий: одна проводит-

ся через центр круга и через цифру 12 (либо через отметку, которая в наибольшей степени соответствует цифре 12), вторая линия проводится перпендикулярно первой, деля её пополам.

• Шаг второй: от пациента требуется подсчитать количество написанных пациентом цифр в каждом секторе циферблата, двигаясь по часовой стрелке, начиная с числа 12, как показано на рис. 2.

Каждое число подсчитывается лишь один раз. Если какое-либо число попадает на линию, разделяющую секторы, его относят к тому сектору, который расположен по часовой стрелке по отношению к этой линии. Любые три числа, написанные в секторе, считаются правильными.

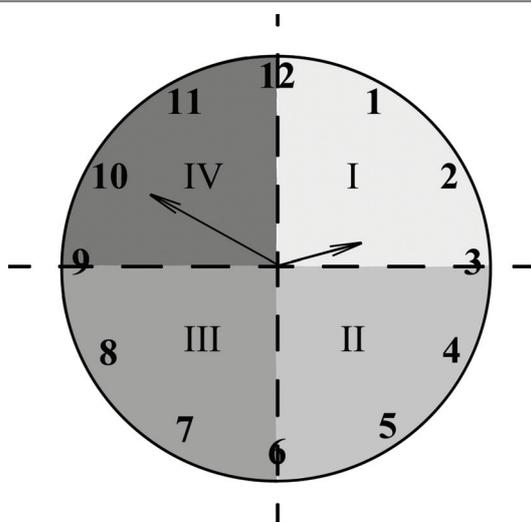

Рис. 2. Пример выполнения теста рисования часов методом Y. I. Watson

Оценка полученных результатов производится следующим образом: любая ошибка (обозначается Ош) в количестве чисел, написанных пациентом

в первом, втором и третьем секторе, оценивается в 1 балл, а четвертом секторе – 4 балла. Таким образом, общая оценка может варьировать от 0 (отсутствие зрительно-пространственных нарушений) до 7 (наиболее грубые зрительно-пространственные нарушения). На рис. 3 приведены примеры анализа рисования часов по Y. I. Watson [15].

Продолжая разговор о качественном анализе выполнения теста рисования часов, стоит описать методику анализа результатов теста рисования часов T. Sunderland. Данная методика заключается в том, что если испытуемый неправильно рисует циферблат, в помощь ему дается уже готовый круг (диаметр 8–10 см), т. е. экспериментатор рисует циферблат сам или предлагает готовый вариант. В таком случае задачей пациента является только расположить стрелки на уже готовом циферблате с цифрами. После проведения этого этапа испытуемого просят скопировать нарисованный циферблат и нарисовать его ниже без ограничения во времени [2, с. 81].

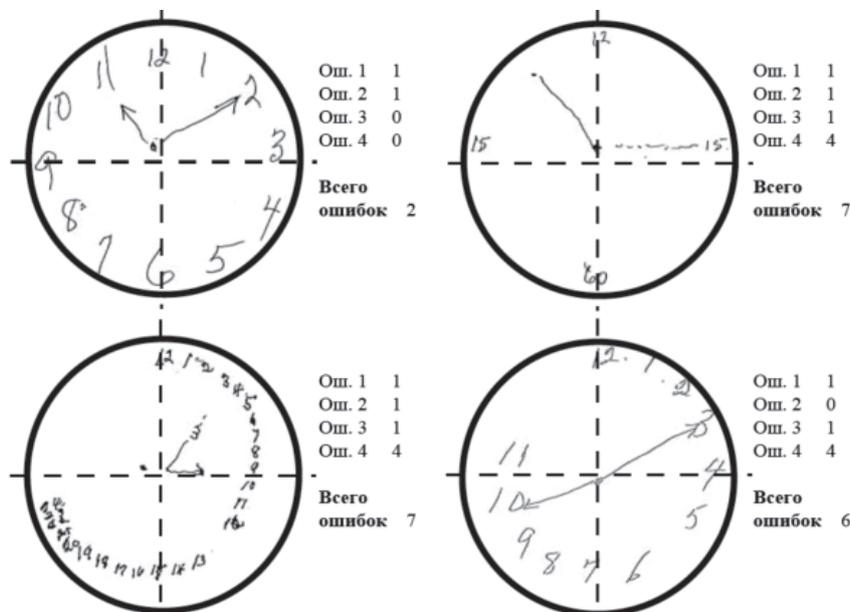

Рис. 3. Характер ошибок при выполнении теста рисования часов (по Y. I. Watson)

При интерпретации полученных результатов, следует учитывать, возраст, эмоциональное состояние и уровень образования. На качество выполнения теста также влияет нарушение опорно-двигательного аппарата (артроз, артрит) и двигательные

нарушения (тремор, гиперкинезы, дистония) [12].

Существует несколько вариантов количественной оценки выполнения данного теста. Наиболее распространённые оценочные шкалы приведены в табл. 1 и 2. [6, с. 85]; [9, с. 38–39].

Таблица 1
Количественная оценка теста рисования часов (по S. Lovenstone, S. Gauthier, 2001)

Показатели теста	Оценка в баллах
<i>Изображение циферблата (круга и чисел) сохранно</i>	
Норма, нарисован круг, цифры в правильных местах, стрелки показывают заданное время	10
Незначительные неточности расположения стрелок	9
Более заметные ошибки в расположении стрелок: одна из стрелок отклоняется от нужного времени более чем на один час	8
Обе стрелки показывают неправильное время	7
Стрелки не выполняют свою функцию (например, нужное время обведено кружком или написано пациентом в числовом виде)	6
<i>Изображение циферблата (круга и чисел) нарушено</i>	
Неправильное расположение чисел на циферблате: они следуют в обратном порядке (против часовой стрелки) или расстояние между числами неодинаковое	5
Утрачена целостность часов, часть чисел отсутствует или расположена вне круга	4
Числа и циферблат не связаны друг с другом	3
Деятельность пациента показывает, что он пытается выполнить инструкцию, но безуспешно	2
Пациент не делает попыток выполнить инструкцию	1

Также количественная оценка результатов теста может быть оценена по 5- и 10-балльной системе, что показано в табл. 2.

Методы и методики исследования

В ходе исследования использовался тест рисования часов. Время выполнения не фиксировалось. Обследование проводилось индивидуально. Участникам исследования предлагался простой карандаш и лист бумаги формата А4,

вверху которого в специальной графе требовалось написать свои инициалы и указать возраст. Ниже приводилась инструкция: «Нарисуйте, пожалуйста, круглый циферблат часов, расставьте все цифры, расположите стрелки таким образом, чтобы они показывали...» и давалось свободное пространство на листе для выполнения рисунка. Требовалось поочерёдно нарисовать два циферблата и расставить стрелки на циферблате так, чтобы они показыва-

ли «десять минут двенадцатого» и «без пятнадцати три». Интерпретация производилась согласно 10-бальной количественной оценке. После выполнения испытуемым задавался ряд следующих

вопросов: Как Вы считает, правильно ли выполнил (а) задание? Какие трудности возникли Вас в ходе выполнения задания? С помощью чего Вы в повседневной жизни определяете время?

Таблица 2

Количественная оценка результатов теста рисование часов

Тип оценки	Параметр оценки	Балл
5-бальная оценка	Правильное изображение круга	1
	Правильное расположение цифр (должны быть указаны все цифры от 1 до 12 в соответствующем квадрате, в правильном порядке с равными интервалами)	2
	Правильное расположение стрелок (стрелки должны выходить из середины круга, показывать правильное время, часовая стрелка должны быть короче минутной)	2
10-бальная оценка	<i>5 баллов за рисование циферблата:</i>	
	Замкнутый круг правильной формы	1
	Указаны все цифры от 1 до 12	1
	Цифры нарисованы внутри круга	1
	Цифры нарисованы с равными интервалами	1
	Правильное местоположение 4 основных цифр (12, 3, 6, 9)	1
	5 баллов за расположение стрелок:	
	Правильное расположение начала (центр круга) и конца стрелок	по 1 баллу (всего 4)
	Разная длина часовой и минутной стрелок	1

Выборка исследования

Выборку исследования составили пациенты, посещающие консультативно-

диагностический центр (ГБУЗ КДЦ № 2 ДЗМ) г. Москвы. Данные о возрасте, поле, образовательном уровне участников исследования приведены в табл. 3.

Таблица 3

Данные о возрасте, поле и образовательном уровне участников исследования

Испытуемые	Средний возраст (лет)	Пол (%)		Образование (%)		
		Ж	М	Начальное	Среднее	Высшее
55-74 (n = 20)	62	89 %	11 %	3 %	10 %	87 %
75-90 (n = 20)	78	92 %	8 %	9 %	23 %	68 %
25-45 (n = 20)	36	73 %	27 %	1 %	18 %	81 %

Результаты исследования

Большинству участников исследования (90%) доступно понимание инструкции с первого раза. Согласно

показателю среднего общего балла за выполнение теста во всех возрастных группах можно говорить о доступности его выполнения, что показано на рис. 4.

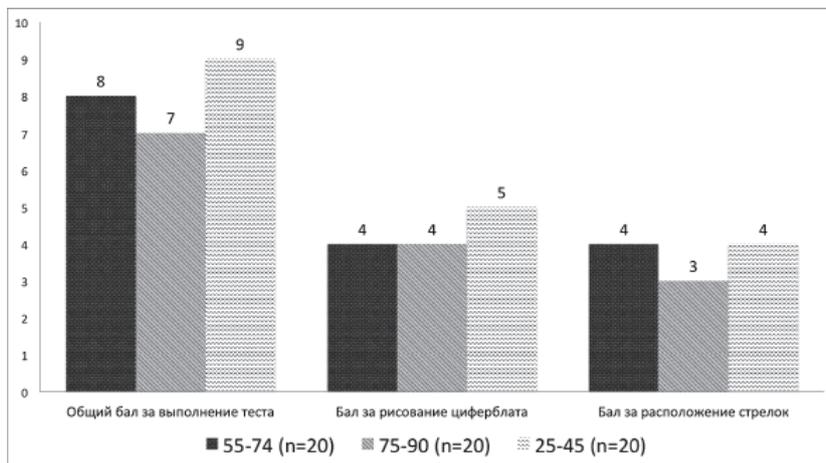

Рис. 4. Баллы за выполнение теста рисования часов участниками исследования

Как видно из рис. 3, в среднем балл за рисование циферблата был равен 4, что указывает на доступность рисования циферблата в форме замкнутого круга, внутри которого правильно расставлены с равным интервалом друг от друга одинакового размера цифры от 1 до 12. Большинству участников исследования (90%) было до-

ступно расположение стрелок на циферблате, на что указывает средний балл, равный 4. Доступно верное расположение четырёх основных цифр (3, 6, 9, 12). Выделение центра круга (отметка центра круга точкой). Рисование стрелок часов, отмечая их начало и конец. Примеры выполнения показаны на рис. 5.

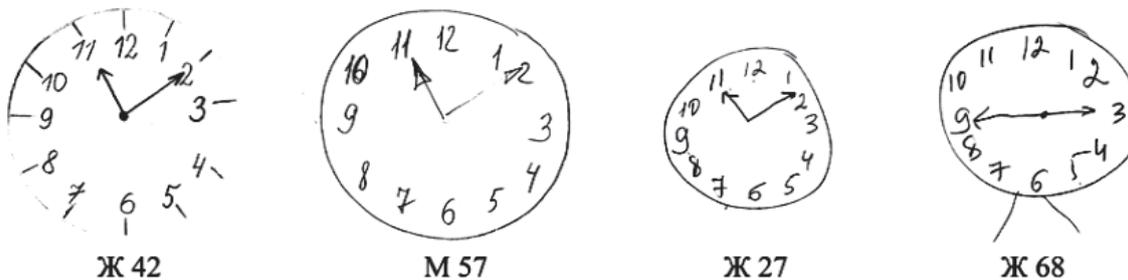

Рис. 5. Примеры верного выполнения теста рисования часов различными испытуемыми

В табл. 5 и 6 приведены подробные количественные данные о рисовании циферблата и расстанов-

ке стрелок на циферблате в тесте рисования часов участниками исследования.

Таблица 5

Кол-во ошибок (в %) при выполнении рисования циферблата в тесте рисования часов испытуемыми различных возрастных групп

Параметры оценки и баллы	Замкнут. круг		Все цифры от 1 до 12		Цифры внутри круга		Равные интерв. между цифрами		Местоположение 4 основн. цифр	
	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0
Испытуемые										
25–45 (n = 20)	100 %	0 %	100 %	0 %	100 %	0 %	100 %	5 %	100 %	5 %
55–74 (n = 20)	90 %	10 %	90 %	10 %	99 %	1 %	90 %	10 %	99 %	1 %
75–90 (n = 20)	75 %	25 %	90 %	10 %	95 %	5 %	90 %	10 %	95 %	5 %

Таблица 6

Кол-во ошибок (в %) при выполнении расположения стрелок на циферблате в тесте рисования часов испытуемыми различных возрастных групп

Параметры оценки и баллы	Правильное расположение центра круга, начала и конца стрелок					Разная длина часовой и минутной стрелок	
	0	1	2	3	4	0	1
Испытуемые							
25–45 (n = 20)	0 %	5 %	5 %	10 %	80 %	20 %	80 %
55–74 (n = 20)	0 %	5 %	35 %	50 %	10 %	45 %	55 %
75–90 (n = 20)	1 %	10 %	14 %	65 %	10 %	55 %	45 %

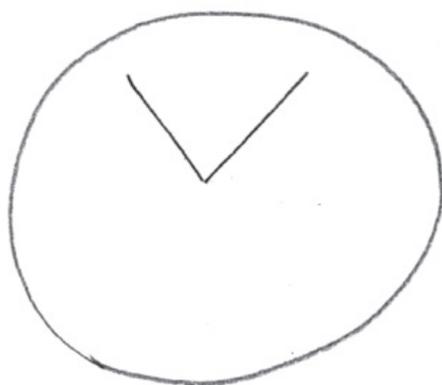

Рис. 6. Пример ошибки при рисовании циферблата испытуемой 27 лет

Из табл. 5 видно, что среди участников в возрасте 25–45 лет не наблюдалось существенных трудностей при рисовании циферблата. Наблюдались единичные ошибки в 5 % случаев, когда, не написав цифры от 1 до 12, испытуемый сразу начинал расставлять стрелки, при этом не допустив ошибок.

Ошибок в расположении стрелок не было обнаружено. Испытуемые выделяли центр круга, начало и конец стрелок. Однако наблюдалась следующая распространённая ошибка, когда испытуемые рисовали одинакового размера и большую, и маленькую стрелку. Единично, в 5 % случаев, наблюдались ошибки, когда испытуемый методом проб и ошибок с помощью проговаривания вслух пере-

бирал расположение стрелок на циферблате, что показано на рис. 7.

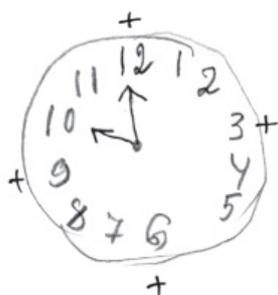

Рис. 7. Пример ошибки при рисовании циферблата испытуемой 31 года

Расположение стрелок так, чтобы они показывали «десять минут двенадцатого» и «без пятнадцати три» не вызывало трудностей у этой группы испытуемых.

В пожилом возрасте (55–74) наблюдалась небрежность при рисовании круга. Небрежность выражалась в том, что часто круг до конца не замыкался или обводится несколько раз (рис. 8).

При рисовании циферблата наблюдались ошибки, когда участники не точно располагали четыре основные цифры и вместо цифр 1 до 12 писали цифры 5, 10, 15 и т. д. до 55, и далее писали 12 (рис. 9).

Ж, 64

Ж, 71

Рис. 8. Примеры выполнения теста рисования часов в пожилом возрасте испытуемыми 64 и 71 г.³

³ Прим: крестиками на циферблате обозначены нами верное расположение испытуемым 4 основных цифр.

Рис. 9. Пример ошибки при рисовании циферблата часов испытуемой 72 лет

Часто наблюдалось, что испытуемый сразу начинал расставлять стрелки на циферблате часов, не написав цифры, отмечая лишь заметками на циферблате опорные цифры (3, 6, 9, 12), что показано на рис. 10.

88 % участников в возрасте 55–74 лет справились с расстановкой стрелок на циферблате, лишь 12 % допускали ошибки. Например, когда требовалось расставить стрелки так, чтобы они показывали «десять минут двенадцатого», участники расставляли так, что на циферблате стрелки показывали без пяти двенадцать (рис. 11).

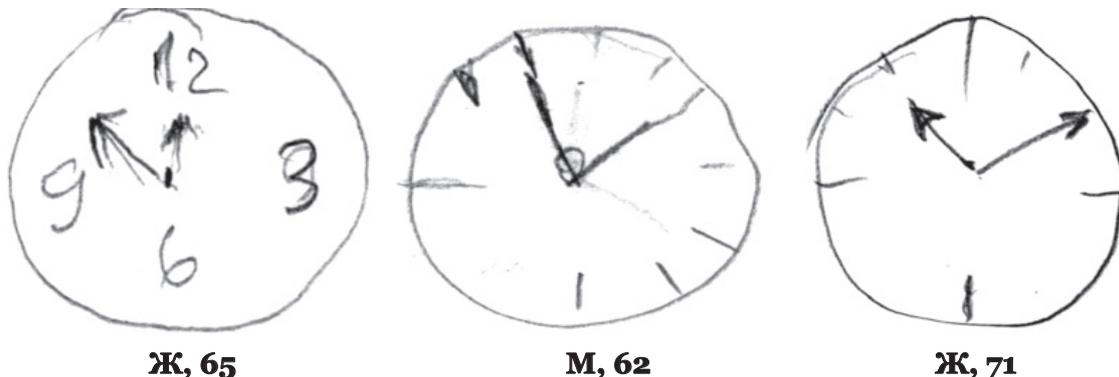

Рис. 10. Примеры ошибок, допущенных испытуемыми в возрасте 65, 62 и 71 г.

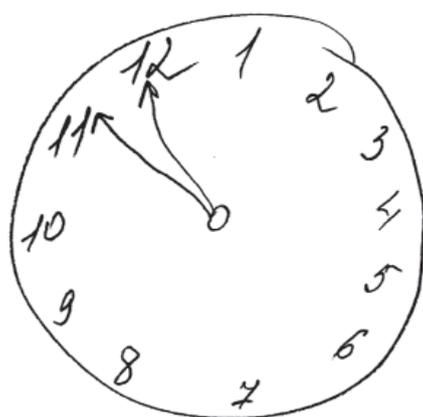

Рис. 11. Пример ошибки, допущенной испытуемой 62 лет

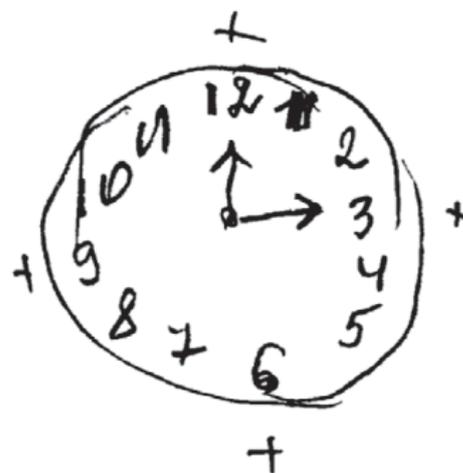
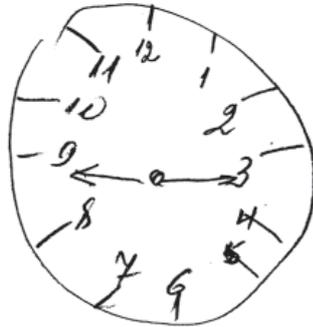

Рис. 12. Пример выполнения теста рисования часов испытуемой 81 года

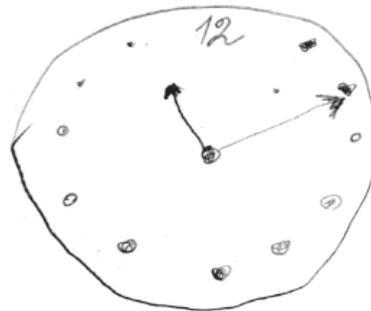
Из 12% участников 8%, сразу исправляли ошибку, отмечая, что не внимательно слушали инструкцию.

В старческом возрасте (75–90) со стороны рисования циферблата единично наблюдались негрубые искажения формы круга, то ближе к форме эллипса, то овала (рис. 12).

При расположении цифр от 1 до 12 на циферблате в 80% случаев испытуемые использовали отметки или точки на циферблате.

Ж, 77

Ж., 79

Рис. 13. Примеры выполнения теста рисования часов испытуемыми 77 и 79 г.

В 40 % случаев наблюдалось, что испытуемые вместо цифр от 1 до 12 писали цифры от 5, 10, 15 и т. д. до 55, и далее писали 12. В 10 % случаев наблюдалось, когда испытуемые писали цифры вне круга (рис. 14).

Со стороны расположения цифр на циферблате наблюдалось в 35 % случаев смещение центра круга вверх, что показано на рис. В 15 % случаев испытуемые фрагментарно не дорисовывали стрелки часов, не различая ни большую, ни маленькую стрелку (рис. 15).

При трудностях расстановки стрелок в большинстве случаев участники много обводили стрелки и, затирая, перерисовывали их несколько раз. Пример подобного выполнения приведён в рис. 15.

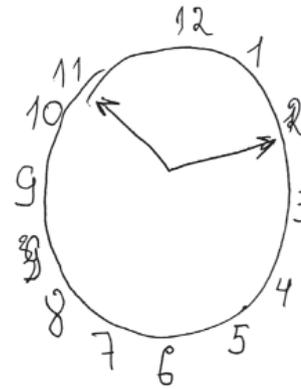
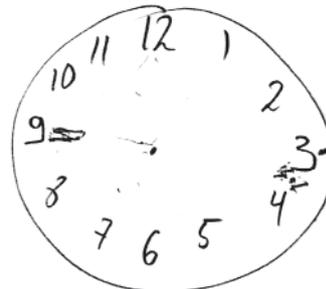

Рис. 14. Пример выполнения рисования часов испытуемой 82 лет

М, 84

Ж, 79

Рис. 15. Примеры ошибок при выполнении теста рисования часов испытуемыми 84 и 79 лет

Рис. 16. Пример трудности при расположении стрелок на циферблате испытуемой 78 лет

Почти все испытуемые этой группы изображали минутную и часовую стрелки одинакового размера. 36% участников данной возрастной группы справились с расстановкой стрелок, 64% допускали ошибку. Например, когда требовалось расставить стрелки так, чтобы они показывали «десять минут двенадцатого», участники расставляли их так, что на циферблате стрелки по-

казывали без десяти двенадцать. В ходе выполнения они делали дополнительные отметки на циферблате на интервале цифр 11 и 12, что показано на рис. 17.

Рис. 17. Пример выполнения теста рисования часов испытуемой 87 лет

Из 64% участников 30% сразу исправляли ошибку, отмечая, что «не внимательно слушали инструкцию, и им нужно было дольше времени подумать». Примеры исправлений показаны на рис. 18.

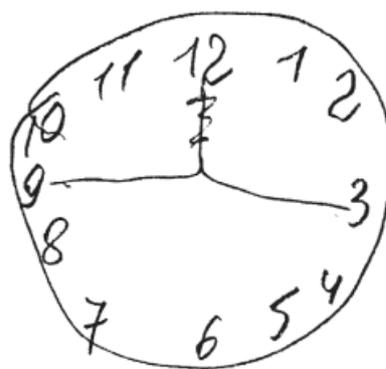
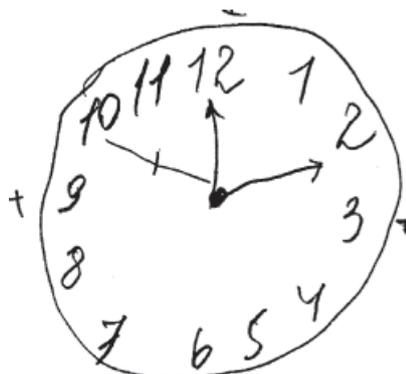

Рис. 18. Пример выполнения теста рисования часов испытуемой 79 лет

15% при вторичном приёме указывали, что, подумав после обследования, они поняли, что растерялись и допусти-

ли «детскую ошибку». Иногда встречалось, что испытуемые рисовали только одну стрелку на циферблате (рис. 19).

Рис. 19. Пример выполнения теста рисования часов испытуемым 78 лет

Примеры безошибочного выполнения теста в старческом возрасте, приведены на рис. 20.

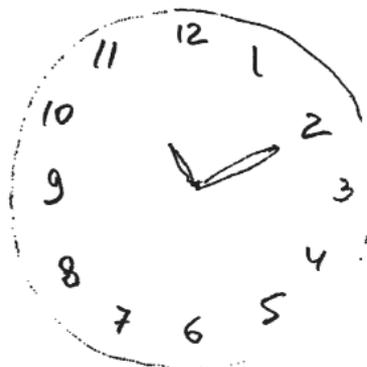
Общей тенденцией являлись две ошибки: во-первых, когда участники исследования рисовали большую и маленькую стрелку одинаковыми по размеру. Данная ошибка оценивается как 0 баллов при оценке расположения

стрелок на циферблате. Во-вторых, когда участники не отмечали центр круга, что также указывает на ошибку при расположении стрелок на циферблате.

Большинство, 70% участников исследования считали, что выполнили задание правильно, остальные 30% указывали, что трудно понять, как расположить стрелки на циферблате. Хотя в повседневной жизни пациенты используют наручные (аналоговые часы). При возникновении трудности расстановки цифр на циферблате мы просили участников, у которых на руке были часы, при помощи наручных часов расставить стрелки. Данная помощь улучшала выполнение теста. Одной из распространённых трудностей большинство участников называли расстановку стрелок часов так, чтобы они показывали определённое время. Редко (15%), и в основном в пожилом и старческом возрасте наблюдались трудности расстановки цифр в циферблате, когда участники спрашивали, какие цифры писать.

Ж, 78

Ж, 75

Рис. 20. Примеры безошибочного выполнения теста рисования часов испытуемыми 78 и 75 лет

Результаты ответов на вопрос: «С помощью чего в повседневной жизни Вы определяет время?» представлены в табл. 7.

Таблица 7

Участники исследования	Наручные часы		Мобильный телефон	Не используют хронометры для измерения времени
	Аналоговые	Цифровые		
25–45 (n = 20)	15 %	10 %	51 %	24 %
55–74 (n = 20)	35 %	5 %	27 %	32 %
75–90 (n = 20)	48 %	0 %	5 %	47 %

Из табл. 7 видно, что большинство испытуемых используют наручные часы для определения времени, из них большая часть используют аналоговые часы. Практически все испытуемые старческого возраста (75–90) используют наручные аналоговые часы чаще, нежели другие хронометры для измерения времени. В возрасте 25–45 лет предпочтение отдаётся определению времени по мобильному телефону.

В возрасте 55–74 участники исследования отмечают, что используют наручные часы и мобильный телефон для определения времени. При ответе на данный вопрос также встречались ответы, когда испытуемые указывали, что не используют ничего для измерения времени. Особенно стоит отметить, участников в возрасте 75–90 лет, которые утверждали, что например: «время течёт очень быстро, и они и так не успевают ничего делать, а если будешь вечно смотреть на время, тем более не успеешь» (Ж, 81); «несмотря на мои болезни для меня время течёт очень быстро сейчас, и я всё время никуда не успеваю, даже если смотрю на часы, теперь я даже их не ношу» (Ж, 78); «раньше, когда было много ярких событий в жизни и нужно было куда-то идти, что-то делать, я всегда носила часы и смотрела на них...сейчас же мне некуда бежать, время течёт медленно, в связи с этим на часы я стараюсь не смотреть» (Ж, 75); «сам циферблат часов говорит мне о том, что нужно стремиться куда-то, бежать, что-

то делать, но сейчас, когда у меня столько болячек, мне хочется одного, чтобы боли не было» (Ж, 87); «после того как я всё потерял – здоровье, дети и внуки живут своей жизнью и отвернулись от меня, я живу вне времени, и зачем мне теперь нужны часы...для меня время – это что-то чуждое...» (М, 87) и т. д. Подобные высказывания встречаются и в группе участников 55–74 лет.

Среди участников 25–45 лет встречались следующие ответы: «сейчас время бежит очень быстро, и зачем мне смотреть на время... ну, если только куда-то нужно пойти, то тогда смотрю на телефоне» (Ж, 25); «стараюсь не смотреть на время, так как время идёт очень быстро, просыпаюсь, выбегаю из квартиры, бегу на работу, работаю, прихожу домой и понимаю, что ничего не успею и не успеваю... работаю от отчёта до отчёта» (Ж, 39); «зачем мне нужно смотреть на время, если некуда спешить» (М, 25) и др.

Результаты особенностей выполнения теста рисования часов мужчинами и женщинами в данном исследовании не проводились в связи с недостаточностью испытуемых мужского пола. Однако было показано, что наблюдается корреляционная связь между уровнем образования (средне-специального ($r = 0,24$, при $p < 0,05$) и высшего ($r = 0,27$, при $p < 0,05$)) со средними (5–7 баллов) и высокими показателями (8–10 баллов) выполнения теста. В связи с тем, что недостаточно испы-

туемых с неоконченным образованием, данный факт требует дополнительного исследования.

Выводы

В заключение данного исследования стоит отметить, что некоторые исследования показывают, что при выполнении таких проб, как определение времени по «немым» часам и, возможно, при выполнении других нейропсихологических оптико-пространственных проб, психически здоровые испытуемые не всегда верно справляются с ними. Отмечается, что качество выполнения данных проб здоровыми испытуемыми несколько ухудшается по некоторым показателям на протяжении последнего десятилетия. Данные факты подтверждает распространённое мнение о том, что реальная психическая норма не обязательно должна пониматься как некий эталон [1; 8].

Согласно первому аспекту проведенное нами исследование ставит вопрос, действительно ли выполнение оптико-пространственных проб, таких как, например, тест «рисование часов», вызывает трудности выполнения у здоровых испытуемых различных возрастных групп. Стоит согласиться, что действительно современным людям всё реже приходится сталкиваться с аналоговыми часами. Гораздо чаще в обиходе присутствуют электронные цифровые часы на мобильном телефоне, нежели аналоговые наручные часы. Большинство испытуемых нашего исследования использовали наручные часы для определения времени, из них большая часть использовали аналоговые часы. Практически все испытуемые старческого возраста (75–90) чаще использовали наручные аналоговые часы, нежели другие хронометры для измерения времени. В возрасте 25–45 лет предпочтение отдавалось определению времени по мобильному телефону. Говоря о многофакторной обусловленности складывания и функ-

ционирования отдельных компонентов оптико-пространственной сферы, стоит учитывать роль образования. В нашем исследовании показана взаимосвязь между уровнем образования и высокими показателями выполнения теста рисования часов. Однако стоит учитывать, что различный вклад этих факторов представляется неравнозначным.

Тест рисования часов может быть использован как эффективное средство для экспресс оценки когнитивных функций в клиничко-психологической практике. Однако стоит учитывать, что он хорошо зарекомендовал себя и в диагностике атрофических процессов, но является менее надёжным инструментом для диагностики лёгких и умеренных когнитивных нарушений. В связи с этим сегодня остро стоит необходимость разработки простой, но чувствительной батареи нейропсихологического обследования для скрининга когнитивного дефицита.

Библиографический список

1. Балашова Е. Ю., Шевелькова О. А. Определение времени по часам в нейропсихологической диагностике: новая жизнь классической методики // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 2012. – № 2.
2. Белова А. Н. Шкалы, тесты, и опросники в неврологии и нейрохирургии. Руководство для врачей и научных работников. – М.: Изд-во ИП Т. А. Алексеева, 2004. – С. 432.
3. Вартеберг Р. Диагностические тесты в неврологии. – М.: Изд-во медицинской литературы. – 1961. – С. 192.
4. Густов А. В., Антипенко Е. А. Когнитивные расстройства в неврологии: методы диагностики, пути коррекции. – Нижний Новгород: Изд-во «НижГМА», 2011. – 164 с.
5. Григорьева В. Н. Краткая оценка когнитивных функций у больных в отделении ранней реабилитации: учеб. пособ. – Нижний Новгород, 2006. – С. 44.
6. Захаров В. В., Вознесенская Т. Г. Нервно-психические нарушения: диагностические тесты. – М.: Медпресс-информ, 2013. – С. 320.
7. Когнитивная реабилитация больных с инсультом и черепно-мозговой травмой: монография / В. Н. Григорьева, М. С. Ковязина,

- А. Ш. Тхостов. – 2-е изд. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии, 2013. – 324 с.
8. Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю., Рощина И. Ф. Экспресс-методика оценки когнитивных функций при нормальном старении // Журнал неврологии и психиатрии. – 2009. – № 2.
 9. Левин О. С. Диагностика и лечение деменции в клинической практике. – 3-е изд. – М. : Медпресс-информ, 2012. – 256 с.
 10. Левченко И. Ю., Киселёва Н. А. Психологическое изучение детей с нарушениями развития. – М. : Изд-во «Книголюб». – 2007. – 152 с.
 11. Питулина М. В. Когнитивные расстройства при цереброваскулярной патологии: руководство для врачей. – М. : МАИ-ПРИНТ, 2011. – С. 139.
 12. Agrell B. The clock-drawing test // Age and Ageing. – 1998. – № 27. – P. 399–403.
 13. Borson S. The Clock Drawing Test: Utility for Dementia Detection in Multiethnic Elders // Journal of Gerontology. – 1999. – Vol. 54. – № 1. – P. 534–540.
 14. Juby A. The value of clock drawing in identifying executive cognitive dysfunction in people with a normal Mini-Mental State Examination score // CMAJ. – 2002. – Vol. 167. – № 8. – P. 859–864.
 15. Munang L. A. Diagnostic performance of the Clock Drawing Test using a predrawn circle in persons with early dementia // Asian Journal of Gerontology and Geriatrics. – 2010. – № 5. – P. 54–61.
 16. Samton J. B. The Clock Drawing Test: Diagnostic, Functional, and Neuroimaging Correlates in Older Medically Ill Adults // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 2005. – Vol. 17. – № 4. – P. 533–540.
 4. Gustov A. V., Antipenko E. A. Kognitivnyie rasstroystva v nevrologii: metodyi diagnostiki, puti korrektsii. – Nizhniy Novgorod : Izd-vo «NizhGMA», 2011. – 164 s.
 5. Grigoreva V. N. Kratkaya otsenka kognitivnyih funktsiy u bolnyih v otdelenii ranney reabilitatsii : ucheb. posob. – Nizhniy Novgorod, 2006. – S. 44.
 6. Zaharov V. V., Voznesenskaya T. G. Nervno-psihicheskie narusheniya : diagnosticheskie testyi. – M. : Medpress-inform, 2013. – S. 320.
 7. Kognitivnaya reabilitatsiya bolnyih s insultom i cherepno-mozgovoy travмой : monografiya / V. N. Grigoreva, M. S. Kovyazina, A. Sh. Thostov. – 2-е изд. – N. Novgorod : Izd-vo Nizhegorodskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii, 2013. – 324 s.
 8. Korsakova N. K., Balashova E. Yu., Roschina I. F. Ekspress-metodika otsenki kognitivnyih funktsiy pri normalnom starenii // Zhurnal nevrologii i psihiatrii. – 2009. – № 2.
 9. Levin O. S. Diagnostika i lechenie dementsii v klinicheskoy praktike. – 3-е изд. – М. : Medpress-inform, 2012. – 256 с.
 10. Levchenko I. Yu., Kiselyova N. A. Psihologicheskoe izuchenie detey s narusheniyami razvitiya. – М. : Изд-во «Knigolyub». – 2007. – 152 с.
 11. Pitulina M. V. Kognitivnyie rasstroystva pri tserebrovaskulyarnoy patologii. Rukovodstvo dlya vrachey. – М. : МАИ-ПРИНТ, 2011. – С. 139.
 12. Agrell B. The clock-drawing test // Age and Ageing. – 1998. – № 27. – P. 399–403.
 13. Borson S. The Clock Drawing Test: Utility for Dementia Detection in Multiethnic Elders // Journal of Gerontology. – 1999. – Vol. 54. – № 1. – P. 534–540.
 14. Juby A. The value of clock drawing in identifying executive cognitive dysfunction in people with a normal Mini-Mental State Examination score // CMAJ. – 2002. – Vol. 167. – № 8. – P. 859–864.
 15. Munang L. A. Diagnostic performance of the Clock Drawing Test using a predrawn circle in persons with early dementia // Asian Journal of Gerontology and Geriatrics. – 2010. – № 5. – P. 54–61.
 16. Samton J. B. The Clock Drawing Test: Diagnostic, Functional, and Neuroimaging Correlates in Older Medically Ill Adults // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 2005. – Vol. 17. – № 4. – P. 533–540.

Bibliograficheskiy spisok

1. Balashova E. Yu., Shevelkova O. A. Opredelenie vremeni po chasam v neyropsihologicheskoy diagnostike: novaya zhizn klassicheskoy metodiki // Vestn. Mosk. un-ta. – Ser. 14. Psihologiya. – 2012. – № 2.
2. Belova A. N. Shkalyi, testyi, i oprosniki v nevrologii i neyrohirurgii. Rukovodstvo dlya vrachey i nauchnyih rabotnikov. – М. : Изд-во ИП Т. А. Alekseeva, 2004. – С. 432.
3. Vartenberg R. Diagnosticheskie testyi v nevrologii. – М. : Изд-во meditsinskoy literaturyi. – 1961. – С. 192.
4. Gustov A. V., Antipenko E. A. Kognitivnyie rasstroystva v nevrologii: metodyi diagnostiki, puti korrektsii. – Nizhniy Novgorod : Izd-vo «NizhGMA», 2011. – 164 s.
5. Grigoreva V. N. Kratkaya otsenka kognitivnyih funktsiy u bolnyih v otdelenii ranney reabilitatsii : ucheb. posob. – Nizhniy Novgorod, 2006. – S. 44.
6. Zaharov V. V., Voznesenskaya T. G. Nervno-psihicheskie narusheniya : diagnosticheskie testyi. – M. : Medpress-inform, 2013. – S. 320.
7. Kognitivnaya reabilitatsiya bolnyih s insultom i cherepno-mozgovoy travмой : monografiya / V. N. Grigoreva, M. S. Kovyazina, A. Sh. Thostov. – 2-е изд. – N. Novgorod : Izd-vo Nizhegorodskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii, 2013. – 324 s.
8. Korsakova N. K., Balashova E. Yu., Roschina I. F. Ekspress-metodika otsenki kognitivnyih funktsiy pri normalnom starenii // Zhurnal nevrologii i psihiatrii. – 2009. – № 2.
9. Levin O. S. Diagnostika i lechenie dementsii v klinicheskoy praktike. – 3-е изд. – М. : Medpress-inform, 2012. – 256 с.
10. Levchenko I. Yu., Kiselyova N. A. Psihologicheskoe izuchenie detey s narusheniyami razvitiya. – М. : Изд-во «Knigolyub». – 2007. – 152 с.
11. Pitulina M. V. Kognitivnyie rasstroystva pri tserebrovaskulyarnoy patologii. Rukovodstvo dlya vrachey. – М. : МАИ-ПРИНТ, 2011. – С. 139.
12. Agrell B. The clock-drawing test // Age and Ageing. – 1998. – № 27. – P. 399–403.
13. Borson S. The Clock Drawing Test: Utility for Dementia Detection in Multiethnic Elders // Journal of Gerontology. – 1999. – Vol. 54. – № 1. – P. 534–540.
14. Juby A. The value of clock drawing in identifying executive cognitive dysfunction in people with a normal Mini-Mental State Examination score // CMAJ. – 2002. – Vol. 167. – № 8. – P. 859–864.
15. Munang L. A. Diagnostic performance of the Clock Drawing Test using a predrawn circle in persons with early dementia // Asian Journal of Gerontology and Geriatrics. – 2010. – № 5. – P. 54–61.
16. Samton J. B. The Clock Drawing Test: Diagnostic, Functional, and Neuroimaging Correlates in Older Medically Ill Adults // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 2005. – Vol. 17. – № 4. – P. 533–540.

© Мелёхин А. И., 2014

УДК 376-056 36.015.3:159.952

**ВЛИЯНИЕ БАЛАНСИРОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ
ВНИМАНИЯ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ
С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА**

В. В. Шорохова

*Аспирант,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

**THE IMPACT OF BALANCING ON THE STATE OF ATTENTION
OF JUNIOR PUPILS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES**

V. V. Shorokhova

*Graduate student,
National Pedagogical
Dragomanov University,
Kyiv, Ukraine*

Summary. In this article highlights the impact of balancing on the attention state of junior pupils with intellectual disabilities, illustrated the mechanism of action of the vestibular apparatus in the system of sensory integration. Provided the results of experimental investigations of the state of attention and balance after working students with Dr. F. Belgau balancing board, and analyzes the results of the monitoring study of the academic performance of students in this category.

Keywords: attention; focus correction; students with intellectual disabilities; the vestibular apparatus; balance; sensory integration; academic success; balancing board Dr F. Belgau.

В современных научных исследованиях отмечается, что активное включение личности в разнообразную по содержанию познавательную деятельность способствует формированию внимания (Л. Выготский [4], П. Гальперин [5], А. Леонтьев [7] и др.). В исследованиях доказана необходимость специальной организации деятельности для повышения уровня развития внимания, что в дальнейшем будет способствовать коррекции умственного развития.

В аспекте нашего исследования развитие и коррекция внимания умственно отсталых учащихся младших классов выступают как необходимый компонент педагогической деятельности, требующий существенного изучения.

Отклонения в психическом или интеллектуальном развитии приводят к снижению течения любого психического процесса – эмоционально-воле-

вого или познавательного и особенно их составляющей – внимания. Известно, что внимание – одна из высших психических функций. Проблема внимания остаётся одной из актуальных в коррекционной психопедагогике. Она является предметом специального изучения физиологов, психологов, педагогов как важный показатель характеристики умственно отсталых детей.

В понятийно-терминологическом словаре «Специальная педагогика» под редакцией академиков В. И. Бондаря и В. Н. Синева внимание рассматривается как «процесс выделения объектов психической деятельности из многих, сосредоточение на определённых объектах с одновременным абстрагированием от других. Внимание характеризует избирательное отношение к окружающему миру, когда из большого количества раздражителей

сознание выделяет один или несколько... Умственно отсталые, особенно возбуждённые олигофрены, и дети с преимущественными повреждениями лобных отделов коры головного мозга характеризуются резким недоразвитием произвольного внимания, что вызвано особенностями высшей нервной системы. Поэтому в работе с этими детьми следует уделять особое внимание развитию компенсаторных механизмов формирования всех основных параметров внимания, без которых невозможна учебная и воспитательная деятельность, их дальнейшее развитие» [3, с. 478–479].

Цель статьи – показать пути, с помощью которых может происходить улучшение состояния внимания учеников младших классов с нарушением интеллекта на примере использования балансировочной доски Ф. Белгау в учебном процессе.

Ещё в 1998 году доктор университета Хьюстона Фрэнк Белгау разработал программу обучения «Прорыв», которая направлена на преодоление расстройств сенсорной интеграции. Балансировочные упражнения на равновесие улучшают работу мозга и координационных процессов, выступая как средство повышения интеллектуальных процессов, и влияют на состояние работы вестибулярного аппарата [11].

Впервые понятие сенсорной интеграции сформулировано лечебным педагогом Джин Айрес. Сенсорная интеграция – это процесс, в ходе которого человек принимает, различает и обрабатывает ощущения, поступающие через различные сенсорные системы: зрительную, слуховую, обонятельную, тактильную, проприоцептивную, вестибулярную. Целью этого процесса является планирование и выполнение соответствующих действий на сенсорный раздражитель, внешний или внутренний [1, с. 21]. Джин Айрес изучила недоразвитие сенсорной интеграции у млад-

ших школьников с интеллектуальной недостаточностью, что является одной из основных причин замедленного овладения деятельностью, жизненно необходимыми двигательными, социально-бытовыми умениями и навыками и негативно проявляется на психофизическом состоянии их развития. В связи с этим трудности в овладении учебным материалом в течение учебного процесса рекомендовала преодолевать, создавая такие сенсорно-стимулирующие условия, при которых могут быть оптимально задействованы психомоторные возможности учащихся [10].

Основой образовательной программы «Прорыв» является улучшение действия вестибулярного аппарата, благодаря чему происходит развитие и совершенствование основных функций мозга. Достижением Ф. Белгау является создание философии баламетрики, которая включает в себя систему точного баланса равновесия, меткость в пространстве и ориентир во времени, тщательную оценку сенсорной информации посредством использования откалиброванной балансировочной доски.

Значение вестибулярного аппарата велико. Это не только высокоспециализированный орган чувств, не просто анализатор в классическом понимании этого определения, это такая «подсистема», которая проявляет своё влияние в экстремальной ситуации; по этим условиям она работает в других измерениях, составляя основу всего пространственного бытия живых организмов [2].

По мне нию Ф. Белгау, вестибулярный аппарат обеспечивает регуляцию положения тела в пространстве, координирует двигательные действия человека и имеет важное практическое значение для оптимальной организации игровой, учебной, трудовой деятельности, особенно для детей с нарушениями интеллекта. Механизм деятельности вестибулярного аппарата – ежеминутно решать сложные пространственные задачи на-

хождения тела человека в трёхмерном пространстве. Объём информации, которую получает вестибулярный аппарат, требует согласованных действий с другими системами организма. Именно это создаёт почву для понимания деятельности механизма вестибулярного аппарата как ведущей в системообразующих взаимодействиях всех систем деятельности мозга человека [11].

Таким образом, вестибулярный аппарат устанавливает основные отношения человека к гравитации и физическому миру, он объединяет действия сенсорных систем. Организация, интеграция и передача зрительных, тактильных и слуховых сообщений зависят от надлежащего функционирования этой системы. Если вестибулярный аппарат функционирует нечётко, интерпретация других сенсорных сообщений непоследовательная и неточная, это ослабит высшие когнитивные процессы, которые зависят от правильной передачи информации.

Для успешного решения важных задач обеспечения качественной жизни человека необходимо развивать те сенсорные системы, которые быстро могут прислать импульсы для активизации деятельности мозга. А первой сенсорной системой, которая развивает и обеспечивает мозг важной информацией, является вестибулярная система ощущений. Вскоре после зачатия человеческий мозг начинает разрабатывать интеллектуальный ответ на воздействия окружающей среды путём организации инерционной трёхмерной структуры в пространстве и времени, что называется гравитацией.

Координация и временная основа всех временных процессов мозга, вероятно, зависит от инерционного и гравитационного калибрования. Точная интеграция различных частей мозга и различных сенсорных ощущений зависит от стабильной высокоразрешающей временной височной части

головного мозга. Существует высокая вероятность того, что калибровка височной части головного мозга и его организация должны развиваться и совершенствоваться на основе и по отношению к ускорению силы тяжести.

Решение важнейшей проблемы калибровки определяет разрешение и эффективность всех других процессов головного мозга. Оно пропорционально возможности балансирования каждого человека. Мозг не статическая система, которая разрабатывает основные «бюро стандартов измерения», а затем переходит к чему-то другому. Каждое действие человеческого мозга имеет калибровки определённого компонента. Упражнения, которые включают в себя точный баланс, точное определение времени в пространстве, а также компонент обратной связи, вероятно, самые мощные и эффективные упражнения для повышения эффективности работы мозга [6, с. 70].

Успешное обучение учащихся с нарушением интеллекта возможно при надлежащем усвоении ими знаний и умений. В свою очередь, на процесс усвоения существенно влияет состояние психофизиологических систем школьников. Корректировать соответствующее состояние внимания младших школьников с интеллектуальной недостаточностью можно при условии влияния на психофизиологический механизм вестибулярного аппарата.

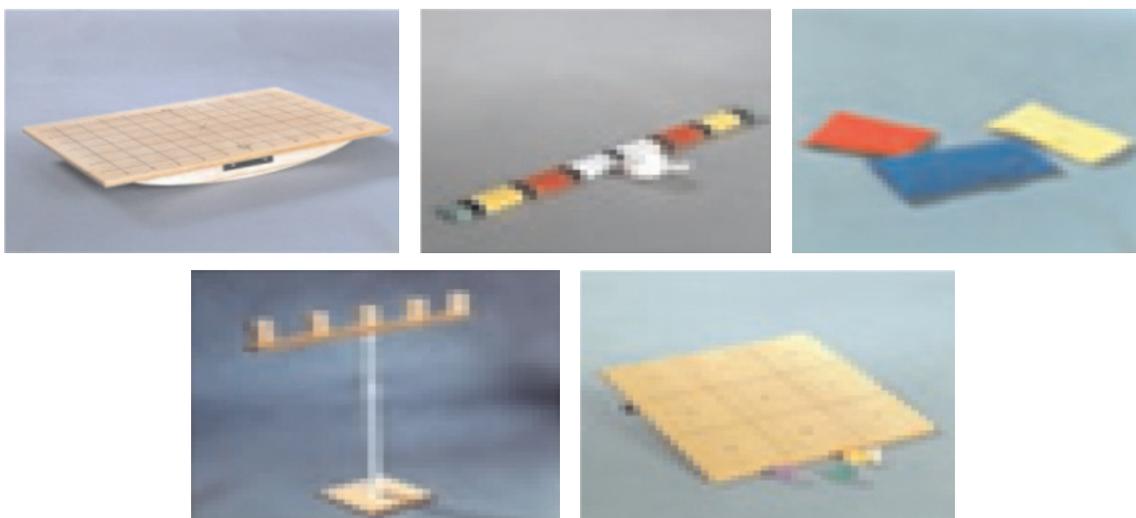
С целью изучения данного явления нами проведено экспериментальное исследование на тему: «Влияние балламетрики на психофизическое развитие детей с особыми образовательными потребностями в коррекционном образовательном процессе» на базе специальной школы I–II ступеней № 26 г. Киева. Из всех участников исследования было 46 учеников младших классов с лёгкой и умеренной интеллектуальной недостаточностью и имеющимися у них комплексными нарушениями в развитии [9, с. 332–335].

Для проведения исследования нами были использованы 10 диагностических методик. В них вошли тесты на исследование всех свойств внимания, на определение правильности написания букв от руки, на измерение скорости и работы полушарий мозга, на ощущение пространства, на проверку ориентации в пространстве и динамику зрительной чувствительности. Также были созданы и экспериментально проверены два экспресс-комплекса упражнений с использованием балансировочной доски. В ходе исследова-

ния мы обращали внимание на определение минимальных временных границ количества занятий в неделю для каждого ученика с использованием балансировочной доски. Кроме того, создан алгоритм работы школьников на балансировочной доске, учитывая принцип от простого к сложному в работе с учащимися с интеллектуальной недостаточностью.

В проведении эксперимента активно использовали откалиброванную балансировочную доску доктора Ф. Белгау и оборудование к ней.

Балансировочная доска доктора Ф. Белгау [12]

Она имеет чётко разлинованную поверхность и оборотные рокеры, радиус которых можно изменять от 5 до 50 см, усложняя задачу. Эти два фактора – сетка на верхней части доски и возможность изменять уровень сложности с помощью рокеров – имеют важное значение для успеха коррекции равновесия и балансировки. Главным предостережением к выполнению упражнений было: «Неряшливо выполненные упражнения, неряшливо работает наш

мозг», поэтому испытуемым давали установку чётко и правильно выполнять предложенные задания, в результате чего будут сбалансированы механизмы тела и мозга. Разметка поверхности доски помогала правильно выбрать учениками исходное положение для выполнения упражнения.

Предложенные доктором Ф. Белгау упражнения мы модифицировали с целью использования их для коррекции внимания учащихся младших

классов, объединяли их в небольшие комплексы, которые время от времени изменяли с целью заинтересованности учащихся на коррекционных занятиях. Мы использовали такие упражнения: «Силиконовые мешочки Бини», «Цель и мешочки Бини», «Скакалка», «Упражнения с отскакивающим мячиком», «Маятниковый мячик», «Палка ВМК», «Упражнения на вращающейся доске», «Упражнение с цветными кружочками», «Упражнение со стрелками». Также использовали игры (индивидуальные, групповые, фронтальные): «Игра с деревянными фишками»; «Игра с метрономом и фишками»; «Игра на слежение по указанному направлению», «Мишени», «Супер Бол, доска с отскакивающим мячиком», «Ленивая восьмёрка», «Саккадические движения глаз» и др.

При выполнении упражнений на балансировочной доске ученики чётко выполняли инструкции учителя. Одним из главных условий проведения эксперимента было соблюдение охранно-педагогического режима во время выполнения упражнений на балансировочной доске: соблюдение техники безопасности в классе и во время проведения занятий; учёта возрастных и психофизических возможностей детей при дозировке нагрузок; требования к техническому оборудованию; требования к одежде и обуви; требования к воздушному режиму комнаты; регулирование времени при выполнении упражнений; поддержание высокого эмоционального уровня во время занятий на балансировочной доске; использование фоновой релаксационной музыки во время выполнения упражнений; мотивированность к последующим занятиям на балансировочной доске.

По итогам проведённого экспериментального исследования нами получены данные, которые свидетельствуют о том, что использование балансировочной доски Ф. Белгау в учебном процессе

специальной школы способствует коррекции внимания учащихся 1–4 классов с интеллектуальной недостаточностью [8, с. 32–38].

В ходе экспериментального исследования нами была поставлена задача исследования влияния коррекционных занятий на балансировочной доске на состояние балансирования (равновесия). В эксперименте приняло участие 58 учеников 1–3 классов с нарушением интеллекта. Исследования проводились на протяжении учебного года (сентябрь 2013 года – май 2014 года) на базе специальной школы I–II ступеней № 26 г. Киева. Нами была использована методика «Вестибулярная проба», где учащимся предлагали правильно, согласно разметке встать на балансировочную доску и удерживать равновесие как можно дольше. Выполняли тест сначала с открытыми, а затем с закрытыми глазами. Фиксирование результатов проводилось секундомером при первом покачивании ученика на балансировочной доске или при открытии глаз (если выполняли тест с закрытыми глазами). Данные результатов вестибулярной пробы (сентябрь 2013 года – май 2014 года) респондентов представлены в табл. 1.

Нами были проанализированы полученные результаты изучения балансирования (сентябрь 2013 года – май 2014 года) учеников 1–3 классов с нарушением интеллекта после занятий на балансировочной доске. Следует отметить, что успехи в улучшении свойств внимания школьников младших классов с нарушением интеллекта на занятиях по баламетрике происходят благодаря слаженному механизму работы систем сенсорной интеграции, тренировке вестибулярного аппарата. Учащиеся выполняют уже более сложные упражнения, выполняют их в более быстром темпе, с более высокой амплитудой движений. Их движения становятся более динамичными, координированными. Учащимся очень нравится

выполнять упражнения, направленные на выработку чувства ритма и синхрон-

ности, при этом они испытывают наслаждение.

Таблица 1

**Результаты «Вестибулярная проба»
учащихся 1–3 классов с нарушением интеллекта**

Классы для учеников с нарушением интеллекта (7 классов, 58 учеников)	Открытые глаза		Средний показатель по каждому классу (%)	Закрытые глаза		Средний показатель по каждому классу (%)
	начало года	конец года		начало года	конец года	
1-А (7 чел.)	0,9	2,1	1,5	0,7	2,5	1,6
1-Б (10 чел.)	1	3,5	2,2	0,6	1,8	1,2
1-В (8 чел.)	1,6	4,9	3,2	0,7	1,7	1,2
2-А (7 чел.)	1	2,6	1,8	1,1	2	1,5
2-Б (13 чел.)	1,4	7,4	4,4	1,7	3,9	2,8
3-А (6 чел.)	1,5	4,6	3	1,2	2,8	2
3-Б (8 чел.)	1,7	4,2	3	0,7	2,6	1,6
Средний показатель, (%)	1,3	4,2		0,9	2,4	

В ходе проведения экспериментального исследования мы выяснили, что результаты выполнения упражнений на балансировочной доске в течение учебного года не только улучшили состояние внимания, а и существенно повлияли на результаты их учебной деятельности. Мы провели мониторинговые исследования академических успехов 1–3 классов с интеллектуальной недостаточностью. Проанализированы результаты академической успеваемости 58 учащихся данных классов за два года обучения в школе. Срезы знаний нами проведены на уроках математики, чтения, письма и труда. Общим критерием оценки учебных результатов в уроке стала система баллов: В – высокий уровень знаний (10–12 баллов), Д – достаточный уровень знаний (7–9 баллов), С – средний уровень знаний (4–6 баллов), Н – низкий уровень знаний (0–3 балла)

Данные мониторингового исследования академической успеваемости представлены в табл. 2.

Назначим каждому уровню оценивания баллы: Н = 1, С = 2, Д = 3, В = 4 и просуммируем итоговые результаты. В результате нами получены следующие суммарные баллы для каждой предметной области и учебного года соответственно:

- Украинский язык: 115 (2012–2013) / 136 (2013–2014), динамика 118 %;
- Чтение: 101 (2012–2013) / 140 (2013–2014), динамика 138 %;
- Математика: 108 (2012–2013) / 136 (2013–2014), динамика 126 %;
- Труд: 120 (2012–2013) / 135 (2013–2014), динамика 112,5 %.

В среднем динамика роста результатов успеваемости по предметам составляет 123 %, что является очень близким к результатам исследований Ф. Белгау в своей программе «Прорыв» и свидетельствует о чрезмерных успехах учеников младших классов с нарушением интеллекта.

Таблица 2

Мониторинговое исследование академической успеваемости (срезы знаний учащихся 1–3 классов с нарушением интеллекта)

Классы для учеников с нарушением интеллекта	Украинский язык (уровни)				Чтение (уровни)				Математика (уровни)				Труд (уровни)			
	Н	С	Д	В	Н	С	Д	В	Н	С	Д	В	Н	С	Д	В
<i>2013–2014 уч. год</i>																
1-А (7 чел.)	2	2	1	2	1	1	2	3	2	1	2	2	3	1	3	
1-Б (10 чел.)	5	1	4		3	3	4		5	1	4		2	4	3	1
1-В (8 чел.)	3	3	2			6	1	1	3	3	1	1	3	2	3	
2-А (7 чел.)		1	6			2	3	2		1	6		2	5		
2-Б (13 чел.)		7	5	1	6	7			2	5	3	3		4	8	1
3-А (6 чел.)		2	3	1		3	2	1		2	4			1	3	2
3-Б (7 чел.)	1	4	2		2	3	1	1	3	2	1	1	1	4	2	
7 классов (58 чел.)	11	20	23	4	12	25	13	8	15	15	21	7	11	21	22	4
<i>2012–2013 уч. год</i>																
0 (25 чел. зкл.)	9	11	5		6	14	5		9	13	3		7	10	8	
1-А (7 чел.)		5	2			5	2	1		4	2	1		4	3	
1-Б (13 чел.)	4	5	4		3	7	4		7	5	1		4	6	3	
2-А (6 чел.)		4	2		1	4	2		2	3	1			3	3	
2-Б (7 чел.)	2	4	1		1	4	1		1	4	2		2	5		
7 классов (58 чел.)	15	29	14		11	34	12	1	19	29	9	1	13	28	17	

Полученные нами данные исследований позволяют сделать выводы:

1. Балансировочные упражнения оказывают значительное влияние на состояние внимания детей младших классов с нарушением интеллекта. Работа вестибулярного аппарата учащихся данной категории имеет особое коррекционное влияние на деятельность мозговых структур.

2. Системная работа по внедрению в учебный процесс коррекционных комплексов упражнений на балансировочной доске Ф. Белгау стабилизирует психофизиологические механизмы, задействованные в учебном процессе учащихся 1–3 классов специальной школы I–II ступеней.

3. Состояние работы вестибулярного аппарата школьников влияет на действие их психических систем и пси-

хофизиологических механизмов адаптации к учебной деятельности.

4. Все координационные упражнения на балансирование и равновесие улучшают академические успехи учащихся младших классов специальной школы I–II ступеней.

Таким образом, оказывая влияние на вестибулярный аппарат, можно скорректировать состояние внимания учеников младших классов с нарушением интеллекта и добиться повышения ими академической успеваемости.

Библиографический список

1. Айрес Э. Дж. Ребёнок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития / пер. с англ. Юлии Даре. – М.: Теревинф, 2009. – 272 с.
2. Бабияк В. И., Гофман В. Р., Накатис Я. А. Нейрооториноларингология: руководство

- для врачей. – СПб. : Гиппократ. – 2002. – 728 с.
3. Бондарь В. И., Синьов В. М. Дефектологический словарь : навчальный посібник. – К. : МП Леся, 2011. – 528 с. – С. 478–479.
 4. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – 368 с.
 5. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие. – М. : МГУ, 1985. – 45 с.
 6. Кочерга О. В. Динаміка зміни діяльності психофізіологічних механізмів чутливості людини // Педагогічна освіта: теорія і практика. Психологія : зб. наук. праць / П24 ун-т ім Б. Грінченка; редкол.: Огневюк В. О., Хоружа Л. Л., Безпалько О. В. та ін. – К., 2013. – № 2 о. – 112 с.
 7. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2-х т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.
 8. Шорохова В. В. Психосоматическое состояние школьников интеллектуальной недостаточностью и их внимание // Theoretical and practical questions of special pedagogics and psychology : materials of the II international scientific conference on June 3–4, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 214 p.
 9. Шорохова В. В. До питання використання балансувальної дошки доктора Ф. Белгау для розвитку уваги розумово відсталих молодших школярів у процесі навчальної діяльності // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. – Сер. 19. Корекційна педагогіка та спеціальна психологія : зб. наукових праць. – К. : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2012. – № 21. – 457 с.
 10. Ayres A. J. The art of therapy. Sensory Integration Special Interest Section Quarterly Newsletter 21 (4):1–3, 6. 1998.
 11. Frank A. Belgau Learning breakthrough program. – Port Angeles : Balametrics, ing, 2002. – 74 p.
 - vitiya / per. s angl. Yulii Dare. – М. : Terevinf, 2009. – 272 s.
 2. Babiyak V. I., Gofman V. R., Nakatis Ya. A. Neyrootorinolaringologiya : rukovodstvo dlya vrachey. – SPb. : Gippokrat. – 2002. – 728 s.
 3. Bondar V. I., Sinov V. M. Defektologichniy slovník : navchalniy posibnik. – К. : MP Lesya, 2011. – 528 s. – S. 478–479.
 4. Vyigotskiy L. S. Sobr. soch. : v 6-ti t. T. 3. Problemy razvitiya psihiki / pod red. A. M. Matyushkina. – М. : Pedagogika, 1983. – 368 s.
 5. Galperin P. Ya. Metodyi obucheniya i umstvennoe razvitie. – М. : MGU, 1985. – 45 s.
 6. Kocherga O. V. Dinamika zmini diyalnosti psihofiziologichnih mehanizmv chutlivosti lyudini // Pedagogichna osvita: teoriya I praktika. Psihologiya : zb. nauk. prats / P24 un-t Im B. Grinchenka; redkol.: Ognevuyuk V. O., Horuzha L. L., Bezpalko O. V. ta in. – К., 2013. – № 20. – 112 s.
 7. Leontev A. N. Izbrannyye psihologicheskyye proizvedeniya : v 2-h t. – М. : Pedagogika, 1983. – Т. 2. – 320 s.
 8. Shorohova V. V. Psihosomaticheskoye sostoyaniye shkolknikov intellektualnoy nedostatocnostyu i ih vnimanie // Theoretical and practical questions of special pedagogics and psychology : materials of the II international scientific conference on June 3–4, 2014. – Prague : Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ». – 214 g.
 9. Shorohova V. V. Do pitannya vikoristannya balansuvalnoyi doshki doktora F. Belgau dlya rozvitku uvagi rozumovo vidstalih molodshih shkolyariv u protsesi navchalnoyi diyalnosti // Naukoviy chasopis NPU imeni M. P. Dragomanova. – Ser. 19. Korektsiyna pedagogika ta spetsialna psihologiya : zb. naukovih prats. – К. : NPU imeni M. P. Dragomanova, 2012. – № 21. – 457 s.
 10. Ayres A. J. The art of therapy. Sensory integration Special Interest Section Quarterly Newsletter 21 (4):1–3, 6. 1998.
 11. Frank A. Belgau Learning breakthrough program. – Port Angeles : Balametrics, ing, 2002. – 74 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ayres E. Dzh. Rebyonok i sensornaya integratsiya. Ponimanie skryityih problem raz-

© Шорохова В. В., 2014

УДК 159.9 (17.024)

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕСТИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА**

Е. Н. Павлова

*Магистрант,
Бахтемирская средняя
общеобразовательная школа,
с. Бахтемир, Астраханская область, Россия*

**THE FORMATION OF CONSCIENCE AS PROFESSIONALLY IMPORTANT
FEATURES OF THE MORAL DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY
OF A FUTURE PSYCHOLOGIST**

E. N. Pavlova

*Undergraduate student,
Bakhtemirsk secondary school, Bahtemir,
Astrakhan region, Russia*

Summary. The article examines the problem of moral development of future psychologist. In the article special attention is paid to the problems of forming the conscience as professionally important features of the moral development of the personality of a future psychologist.

Keywords: the formation of conscience; professionally important characteristic of the moral development of a person; a future psychologist.

В наше время чрезвычайно важным является понимание того, что нравственная культура личности выступает в качестве основы для формирования ее общей культуры [4, с. 39]. Нравственность – это личная форма этического сознания, область свободных и ответственных поступков личности, ее внутренних мотивов и побуждения творить добро [6, с. 335]. Нравственным центром индивидуальности является совесть. Человек самостоятельно формулирует для себя нравственные обязанности и требует от себя их выполнения. Формирование нравственности не может осуществляться без веры, без сложно описываемого феномена совести – «зова» (М. Хайдеггер), который «во мне и, одновременно, вне меня» [7, с. 275]. Совесть есть выражение нравственного самосознания человека. Она есть внутренняя личная нравственность или автономная этика [6, с. 359].

Совесть определяется как эмоционально-оценочное отношение личности к собственным поступкам и поступкам других людей, за поведение которых личность несет ответственность как член коллектива [1, с. 23].

Способность чувствовать, понимать, творить добро, распознавать зло – это особые нравственные качества личности, которые она должна вырабатывать самостоятельно. Именно совесть указывает будущему психологу придерживаться нравственных ценностей, морали; совесть помогает осознать, что есть зло, а что – добро; она осуждает и запрещает воровство, обман. Совесть помогает быть честным, верным дружбе и любви, проявлять уважение к старшим, воспитывать в себе скромность, тактичность, порядочность.

Совесть выступает в качестве феномена, позволяющего реализовать долг личности перед обществом. Совесть – мера

значимости нравственной ценности в ситуации морального выбора [1, с. 23–24].

Главная задача совести, как основного нравственного ориентира будущих психологов – создать образец поведения человека по отношению к другим людям [3, с. 139]. Психолог как лидер должен быть примером, взяв на себя роль не только мотивационного, когнитивного и эмоционального, но и нравственного вдохновителя процесса развития личности клиента, развития его совести [2, с. 23].

Каждый психолог, помогающий людям с возникшими проблемами, должен полагаться на свою совесть как на нравственный ориентир, прислушиваясь к своим нравственным правилам и ценностям. Нравственность – это внутренние (духовные) ценности, определяющие действия и устремления человека, образ мышления [5, с. 136].

Нравственность – это практическое поведение, основанное на уважении других людей. Уважение к человеку – это отношение к нему как к высшей ценности, поэтому вежливость – такой стиль взаимоотношений, которого совершенно естественно придерживается нравственно воспитанный человек. Нравственность должна присутствовать в любом виде человеческой деятельности – это оценка того, насколько результаты этой деятельности будут способствовать благу окружающих и всего человечества.

Мы должны уважать других людей, даже если мы не согласны с их точкой зрения. Человек, способный уважать других, имеет определенное достоинство, потому что у него есть то, что он может предложить другим.

Уважение к людям – одна из важнейших нравственных черт человека. По существу, она определяет все остальные моральные свойства личности и является стержнем ее нравственного мира.

Следовательно, совесть – это сложное структурное качество, включающее

ряд компонентов, гармоничное взаимодействие которых имеет большое значение для развития личности будущих психологов. Следовательно, совесть – это не исполнение должного, а самовыражение индивидуальности и сущности человека.

Таким образом, исследование проблемы нравственного развития личности будущего психолога указывает на необходимость уделять особое внимание проблеме формирования совести как профессионально значимой характеристики нравственного развития личности будущего психолога.

Библиографический список

1. Барсукова С. А. Совесть как предмет психологического исследования / Психология человека в современном мире // Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе; Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов / Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Редакторы: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т. 6. – С. 21–26. – 412 с.
2. Брюхова Н. Г. Лидерство в групповом психологическом консультировании по проблемам жизненного пути как условие развития коллективного акме // Современная социальная психология: Теоретические подходы и прикладные исследования. – НПО «МОДЕК», 2011. – № 2 (11). – С. 21–32.
3. Брюхова Н. Г. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек»: Гл. 4. // Н. Г. Брюхова и др. Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности: монография. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
4. Брюхова Н. Г. Нравственная и психологическая культура личности // *Paradigmata poznání*. – 2014. – № 1. – С. 39–42.
5. Павлова Е. Н. Совесть в духовно-нравственном развитии личности будущего психолога // *Социосфера*. – 2013. – № 4. – С. 136–138.

6. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
7. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 415 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Barsukova S. A. Sovest' kak predmet psihologicheskogo issledovanija / Psihologija cheloveka v sovremennom mire // Duhovno-nravstvennoe stanovlenie cheloveka v sovremennom rossijskom obshhestve; Problema individual'nosti v trudah otechestvennyh psihologov / Materialy Vserossijskoj jubilejnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 120-letiju so dnja rozhdenija S. L. Rubinshtejna, 15–16 oktjabrja 2009 g. / Redaktory: A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikova, T. A. Rebeko. – М. : Izdvo «Institut psihologii RAN», 2009. – Т. 6. – S. 21–26. – 412 s.
2. Brjuhova N. G. Liderstvo v gruppovom psihologicheskom konsul'tirovanii po problemam zhiznennogo puti kak uslovie razvitija kollektivnogo akme // Sovremennaja social'naja psihologija : Teoreticheskie podhody i prikladnye issledovanija. – NPO «MODEK», 2011. – № 2 (11). – S. 21–32.
3. Brjuhova N. G. Psihologicheskoe konsul'tirovanie po problemam zhiznennogo puti dlja lichnostno-professional'nogo razvitija i sovershenstvovanija specialista sistemy professij «chelovek-chelovek» : Gl. 4. // N. G. Brjuhova i dr. Vozrastnaja i pedagogicheskaja psihologija: mehanizmy i uslovija psihicheskogo razvitija i formirovanija lichnosti: monografija. – Novosibirsk: Izdatel'stvo CRNS, 2013. – S. 95–150.
4. Brjuhova N. G. Nravstvennaja i psihologicheskaja kul'tura lichnosti // Paradigmata poznani. – 2014. – № 1. – P. 39–42.
5. Pavlova E. N. Sovest' v duhovno-nravstvennom razvitii lichnosti budushhego psihologa // Sotsiosfera. – 2013. – № 4. – S. 136–138.
6. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Osnovy psihologicheskoi antropologii. Psihologija cheloveka: Vvedenie v psihologiju subyektivnosti. – М. : Shkola-Press, 1995. – 384 s.
7. Fromm Je. Psihoanaliz i jetika. – М. : Respublika, 1993. – 415 s.

© Павлова Е. Н., 2014

УДК 159.9.075

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПСИХОЛОГОВ**

Н. Р. Байбекова

*Аспирант,
Харьковский национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды,
г. Харьков, Украина*

**ANALYSIS OF THE RESULTS DESCRIBING PROFESSIONAL
PSYCHOLOGISTS' PREFERENCES**

N. R. Baybekova

*Graduate student,
Kharkov National Pedagogical University
named after G. S. Skovoroda,
Kharkov, Ukraine*

Summary. The article deals with the professional preferences of psychologists. It is defined the sphere of activities where future psychologists prefer to work. It is examined the necessary conditions of self-realization in the specialty.

Keywords: psychological readiness; professional preferences; future psychologists; advisory activities.

Поскольку готовность к профессиональной деятельности является многокомпонентным явлением и может подвергаться различным воздействиям при взаимодействии с социальной средой, мы решили проследить факторы, которые влияют на готовность к профессиональной деятельности. С целью получения дополнительных данных, которые могут быть использованы в характеристике будущих специалистов с разным типом готовности к консультативной деятельности психолога, то есть характеризовать особенности становления готовности к этой деятельности на этапе обучения в вузе, мы использовали анкету «Анкета определения профессиональных предпочтений студентов».

Анализируя полученные данные, можно отметить, что будущие психологи стремятся работать по выбранной специальности в ближайшие 10–15 лет (83,6%). Это свидетельствует о сознательном выборе профессии и стрем-

ление реализовать свой личностный и профессиональный потенциал в данной сфере деятельности. А студенты, которые не хотят работать по специальности (16,4 %) могут исходить из мысли о финансовом обеспечении собственной жизни, и они направлены только на получение диплома как такового.

Выбирая сферу деятельности, будущие психологи отдают предпочтение проведению индивидуальных консультаций (80 %), что может быть обусловлено особенностями клиентов, обращающихся за помощью в решении своих вопросов, а кроме того недостаточностью опыта в сфере группового консультирования. Также предпочтения отдаются психологической экспертизе (9 %), что может говорить о направленности на глубокое исследование личности с конкретной целью. Меньшинство (5,5 %) студентов выбирают своей сферой деятельности групповые тренинги и прикладные исследования, что может быть свидетельством сложности

организации этих видов деятельности и невостребованность современным обществом.

Среди сегодняшних направлений психологической помощи 41,8 % будущих психологов выбирают психоаналитический подход, 23,6 % – поведенческую терапию, 18,2 % – гуманистический подход. Это может быть обусловлено тем, что данные направления наиболее развиты в нашей стране и существует большое количество возможностей получить дополнительное образование и освоить основные методы помощи, на которые ориентируются данные подходы. Наименьшие показатели наблюдаются при выборе когнитивной терапии (9,1 %), что может быть свидетельством сложности ее освоения и проведения, и парапсихологии и биоэнергетики (7,3 %), поскольку они не опираются при формулировании выводов на экспериментальный метод и считаются научными только в современной научной парадигме, а большинство клиентов пока не доверяют данным направлениям.

Основной целью деятельности при взаимодействии с клиентами молодые психологи считают необходимость анализа поставленной перед ними проблемы клиента и представление по этому поводу рекомендаций (76,4 %), а остальные 23,6 % опрошенных считают необходимым, в первую очередь, выслушать, успокоить и поддержать человека, который нуждается в помощи. То есть, в первом случае реализуется профессионализм в решении проблем, а во втором – направленность студентов на оптимизацию состояния испытуемого.

Большинство психологов считает, что психологические проблемы – это нехватка доверия к себе, спонтанности; неумение прислушиваться к внутреннему «Я», к его потребностям и желаниям (34,5 %), вытеснение из сознания события, желания, чувства (29,1 %). Данные

воззрения связаны с рассмотрением человека как личности, принятые в гуманистической и психоаналитической теориях и подтверждаются выбором концептуального подхода, на который специалисты будут опираться в дальнейшей деятельности. Наименее распространенной мыслью является то, что психологические проблемы – это нежелание брать на себя ответственность за собственную жизнь, недостаток стремление к самоактуализации (3,6 %), то есть общество в данном случае формирует пассивное отношение к собственной жизни.

По мнению студентов как будущих специалистов, в их деятельности не хватает знаний и навыков практической работы (81,8 %), так как обучение в вузах не дает возможности в полной мере почувствовать себя психологом, так как практика, которую проходят студенты, достаточно ограничена во временных рамках и проходит на старших курсах в университете.

Будущие психологи стремятся работать в консультационном или психотерапевтическом центре (49,1%), что является направленностью на зарубежный образец и упоминалось в предыдущих выводах; в политике, рекламном бизнесе и на предприятиях, а также в криминологической лаборатории или исправительных учреждениях (по 14,5%) и учебных заведениях (12,7%), что может быть отражением наиболее доступных и популярных сфер деятельности в обществе. Наименее популярными сферами реализации профессионализма признаны медицинские учреждения и спасательные отряды (по 1,8%), поскольку для работы в данных сферах необходимы дополнительное образование и развитие определенных качеств (например, высокого уровня стрессоустойчивости).

Если рассматривать девиз студентов, который может быть отражением определенных стремлений личности

в реализации, то наиболее распространенной мыслью является: «в жизни надо успеть сделать что-то полезное» (30,9%), то есть будущие психологи стремятся внести вклад в общество; «Жизнь – это борьба за место под солнцем» (25,5%), которое может быть отражением существования конкуренции, как в обучении, так и профессиональной деятельности, и «как аукнется, так и откликнется» (16,4%), что отражает стереотипное мышление, навязываемое обществом.

Итак, анализируя полученные при помощи анкеты данные, следует отметить, что для будущих психологов наиболее важными профессиональными преимуществами являются материальные и бытовые ценности; также они отдают предпочтение проведению индивидуальных консультаций. Среди направлений психологической помощи студенты выбирают психоаналитический подход. Исходя из реальной субъективной оценки своих знаний, студенты, как будущие специалисты, признают, что в их обучении недостает навыков практической работы и готовности проведения консультационных работ.

Перспективной значимостью нашего исследования является определение коррекционной работы по улучшению подготовки будущих психологов к консультационной деятельности в процессе профессиональной подготовки.

Библиографический список

1. Деркач А. А., Орбан Л. Э. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности. – М.: РАУ, 1995. – 208 с.
2. Дурай-Новакова К. М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: дис. ...д-ра пед. наук. – М., 1983. – 356 с.
3. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. – СПб.: Питер, 2000. – 532 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Derkach A. A., Orban L. E. Akmeologicheskie osnovy stanovleniya psihologicheskoy i professionalnoy zrelosti lichnosti.– M.: RAU, 1995. – 208 s.
2. Duray-Novakova K. M. Formirovanie professionalnoy gotovnosti studentov k pedagogicheskoy deyatelnosti: diss. ...d-ra ped. nauk. – M., 1983. – 356 s.
3. Nelson-Dzhouns R. Teoriya i praktika konsultirovaniya. – SPb.: Piter, 2000. – 532 s.

© Байбекова Н. Р., 2014

**ПОВЫШЕНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ
ТРУДОМ ПЕДАГОГА**

Л. П. Мельник

*Учитель,
Камышовская основная общеобразовательная
школа, с. Камышово,
Астраханская область, Россия*

INCREASE THE JOB SATISFACTION OF THE TEACHER

L. P. Melnik

*Teacher,
Kamyshovka the basic comprehensive school,
Kamyshovo, Astrakhan region, Russia*

Summary. In the article the basics of studying the satisfaction of the teacher job satisfaction. The article reveals the factors and parameters of professional activity of a teacher, causing the development of a teacher with the purpose of increasing their job satisfaction.

Keywords: job satisfaction; factors of job satisfaction; teacher.

В наше время в качестве наиболее актуальной проблемы обозначается проблема повышения результативности труда. Особенно ярко она обозначается и проявляется, когда речь идет об обучении и воспитании подрастающего поколения. В качестве одного из параметров, оказывающих влияние на повышение результативности труда, выступает удовлетворенность трудом. Удовлетворенность трудом – это «эмоционально окрашенное оценочное представление субъекта деятельности о результате своей трудовой активности, о самом процессе работы и внешних условиях, в которых она осуществляется» [8], «эмоционально–оценочное отношение личности или группы к выполняемой работе и условиям ее протекания» [9, с. 473–474].

В рамках изучения проблем социальной психологии коллектива удовлетворенность рассматривается в качестве важного показателя социально-психологического климата и эффективности деятельности [1], обосновывается значение субъектного подхода к исследованию проблемы.

В психологии управления, основывающейся на принципе единства психики и деятельности [7, с. 7], выделяются такие принципы управления как лояльность к работникам, ответственность как обязательное условие успешной работы, коммуникации, рабочая атмосфера в организации, обязательное установление долевого участия каждого работника в общих результатах, своевременная реакция на изменения в окружающей среде. А также обеспечивающие удовлетворенность работой методы работы с людьми, непосредственное участие групп в работе на всех этапах как условие согласованной работы, умение слушать и слышать, перспективное и целостное видение организации, качество личной работы и ее постоянное совершенствование [7, с. 37].

Удовлетворенность личности трудом обусловлена ее мотивами, потребностями. В качестве средства удовлетворения потребностей может фигурировать конечный результат труда. Результативный труд – достаточно сильный мотив. Удовлетворенность личности трудом может возникать

вследствие удовлетворения социальных потребностей в коммуникациях [7, с. 144–146].

В рамках исследований акмеологии подчеркивается, что смысл труда является определяющим для удовлетворенности трудом [6, с. 249–256] личности, развивающейся в направлении становления зрелой и акме-ориентированной [2, с. 82–63]. Акцентируется внимание на необходимости изучения психологического смысла труда, его роль для переживания собственного позитивного изменения в профессиональной деятельности.

Обозначенные в психологии управления принципы управления, могут быть рассмотрены в качестве факторов, обуславливающих удовлетворенность трудом психологически зрелой [5, с. 174] и акме-ориентированной личности [2, с. 82–63] педагога как управленца. Среди таких принципов-факторов нам особо хотелось бы выделить этику как проявление нравственности [3, с. 39–41] педагога, честность и доверие к людям [4, с. 150–155].

Согласно двухфазной теории Ф. Герцберга все основные мотивы трудовой деятельности составляют две группы: «факторы гигиены» и «факторы-мотиваторы» [7, с. 150]. «Факторы гигиены» соотносятся с условиями работы и со средой, в которой они реализуются, а «факторы-мотиваторы» – с самим характером, содержанием и сущностью работы. «Факторы гигиены» – факторы, наличие которых снимает чувство неудовлетворенности работой, но само по себе не повышает удовлетворенности ею. «Факторы-мотиваторы» – факторы, которые непосредственно связаны с содержанием самой работы, а их наличие прямо ведет к повышению удовлетворенности ее выполнением.

Учитывая специфику деятельности педагога, в целях повышения его удовлетворенности трудом необходимо

создать условия, развивающие умение завоевывать авторитет с опорой на совершенствование его профессиональной компетенции, навыков педагогического общения, развития творческого потенциала. При этом надо помнить, что процесс повышения удовлетворенности трудом должен выступать в качестве профилактики «профессионального выгорания», а не его провокации.

Таким образом, можно утверждать, что под удовлетворенностью личности педагога трудом понимается ее эмоционально-оценочное отношение к выполняемой работе и условиям ее протекания. В то время как наличие факторов гигиены только снимает чувство неудовлетворенности педагога работой, наличие факторов-мотиваторов, непосредственно связанных с содержанием самой работы, прямо ведет к повышению удовлетворенности ее выполнением. Педагогам необходимо быть осведомленными о путях повышения удовлетворенности педагогической деятельностью, творчески совершенствоваться.

Библиографический список

1. Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 312 с.
2. Брюхова Н. Г. Психологические особенности акме-ориентированного саморазвития людей зрелого возраста // Психология XXI века: теория, практика, перспектива: материалы международной научно-практической конференции 15–16 февраля 2011 года. – Пенза – Витебск – Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – № 7. – С. 82–86.
3. Брюхова Н. Г. Нравственная и психологическая культура личности // Paradigmata poznání. – 2014. – № 1. – С. 39–41.
4. Брюхова Н. Г. Нравственная культура личности // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 9. – С. 150–155.
5. Брюхова Н. Г., Талдыкин Е. В. Психологические особенности развития управленческих

- способностей у администрации школ // Социосфера. – 2014. – № 1. – С. 174–175.
6. Ермолаева М. В., Охотенко Р. В. Удовлетворенность трудом как обобщенное переживание качества самореализации субъекта в пространстве его саморазвития // Мир психологии. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – С. 249–256.
 7. Карпов А. В. Психология менеджмента : учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 584 с.
 8. Кондратьева М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
 9. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – С. 473–474.
- Bibliograficheskiy spisok**
1. Allahverdyan A. G., Moshkova G. Yu., Yurevich A. V., Yaroshevskiy M. G. Psihologiya nauki : uchebnoe posobie. – М.: Moskovskiy psihologo-sotsialnyiy institut : Flinta, 1998. – 312 s.
 2. Bryuhova N. G. Psihologicheskie osobennosti akme-orientirovannogo samorazvitiya lyudey zrelogo vozrasta // Psihologiya XXI veka: teoriya, praktika, perspektiva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–16 fevralya 2011 goda. – Penza – Vitebsk – Erevan: Nauchno-izdatelskiy tsentr «Sotsiosfera», 2011. – № 7. – С. 82–86.
 3. Bryuhova N. G. Nравstvennaya i psihologicheskaya kultura lichnosti // Paradigmata poznani, 2014. – № 1. – С. 39–41.
 4. Bryuhova N. G. Nравstvennaya kultura lichnosti // Kultura. Duhovnost. Obschestvo. – 2014. – № 9. – С. 150–155.
 5. Bryuhova N. G., Taldyikin E. V. Psihologicheskie osobennosti razvitiya upravlencheskih sposobnostey u administratsii shkol // Sotsiosfera. – 2014. – № 1. – С. 174–175.
 6. Ermolaeva M. V., Ohotenko R. V. Udovletvorennost trdom kak obobschennoe perezhivanie kachestva samorealizatsii sub'ekta v prostranstve ego samorazvitiya // Mir psihologii. – М.: Moskovskiy psihologo-sotsialnyiy institut, 2009. – С. 249–256.
 7. Karpov A. V. Psihologiya menedzhmenta : ucheb. posobie. – М.: Gardariki, 2005. – 584 s.
 8. Kondrateva M. Yu., Ilin V. A. Azbuka sotsialnogo psihologa-praktika. – М.: PER SE, 2007. – 464 s.
 9. Slovar prakticheskogo psihologa / Sost. S.Yu. Golovin. – Minsk : Harvest, 1997. – С. 473–474.

© Мельник Л. П., 2014

Lékařské vědy

УДК 616.432:616.857:618.17 – 055.2

КЛИНИКО-ПАТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНДРОМА ГОЛОВНОЙ БОЛИ ПРИ МИКРОПРОЛАКТИНОМЕ ГИПОФИЗА У ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА

Л. Л. Корсунская
А. А. Трушкевич
Л. А. Чуприна
А. А. Степур

*Доктор медицинских наук, профессор;
Доктор медицинских наук, профессор;
Соискатели,
Крымский государственный медицинский
университет имени С. И. Георгиевского,
г. Симферополь, Республика Крым, Россия*

CLINICAL AND PATHOGENETIC CHARACTERISTICS SYNDROME HEADACHES IN WOMEN OF REPRODUCTIVE AGE WITH PITUITARY MICROPROLACTINOMAS

L. L. Korsunskaya
A. A. Trushkevich
L. A. Chuprina
A. A. Stepur

*MD Professor;
MD Professor;
Applicant of the Department,
State Institution Crimea State Medical
University named after S. I. Georgievsky,
Simferopol, Republic of Crimea, Russia*

Summary. 52 cases of hyperprolactinemia syndrome in patients of reproductive age with pituitary microprolactinoma were analyzed. Clinical forms of headache were established. The dependence between the clinical form, incidence of headache and severity of the defect in hormonal status was determined. The analysis of indicators of intracranial circulation, as well as their dynamics on background medical correction of hyperprolactinemia was made.

Keywords: microprolactinoma; pituitary; prolactin; neurotransmitters; hormonal status; migraine; cerebral hemodynamics.

Согласно данным эпидемиологических исследований, проведённых в разных странах, частота первичных опухолей центральной нервной системы (ЦНС) составляет до 13,9 на 100 тыс. населения. Аденомы гипофиза занимают третье место по частоте встречаемости среди всех первичных интракраниальных опухолей (после глиом и менингиом), что составляет от 7,3 до 18% (по данным аутопсии до 25%). Наиболее распространёнными аденомами гипофиза являются пролактиномы, среди

которых лидируют гормонопродуцирующие микропролактиномы (от 100 до 755 случаев на 1 млн населения). Несмотря на то, что в структуре общей онкологической заболеваемости гормонопродуцирующие микропролактиномы занимают сравнительно небольшое место (1–2%), экономический, моральный и социальный ущерб, который они наносят обществу, огромен. Контингент пациентов, страдающих описанной патологией – лица молодого и трудоспособного возраста: в 75% случаев –

от 20 до 50 лет, в подавляющем большинстве случаев – женщины [4, с. 14; 7, с. 240; 9, с. 3–6; 10, с. 225–246].

Ключевой фактор патогенеза гормонпродуцирующих микропролактином гипофиза – гиперпролактинемия, которая является маркером сбоя гипоталамо-гипофизарных взаимоотношений и *запускает каскад нейроэндокринных изменений*, что у женщин клинически проявляется нарушением менструальной, а в последующем и репродуктивной функций, а также разнообразной патологией молочных желез с развитием синдрома галактореи. В литературе описаны сопутствующие эндокринные нарушения (в виде андрогении надпочечникового генеза, дисфункции щитовидной железы, гиперинсулинемии, остеопороза) и офтальмологические изменения [4, с. 14; 3, с. 29–69]. Незаслуженно мало уделено внимания неврологическим, психоаффективным расстройствам, возникающим, по нашим наблюдениям, при описанном синдроме более чем в половине случаев.

Среди неврологических проявлений гормонпродуцирующих микропролактином гипофиза у женщин репродуктивного возраста ведущее место занимает синдром головных болей. По нашим наблюдениям, распространённость головных болей среди данной группы больных составляет более 80 %.

Патогенетические аспекты головной боли у данной группы больных не выяснены. Предполагается участие тригеминальной системы – раздражение (механическое сдавление) рецепторов диафрагмы турецкого седла микропролактиномой [6, с. 86–88, 8, с. 84]. Однако детальный анализ структуры головной боли не находит зависимости между размером, локализацией микропролактином и характером головной боли.

Более вероятной представляется теория развития цефалгического синдрома в результате сложных гормональных,

нейромедиаторных и биохимических процессов, развивающихся в результате нарушения регуляторной функции гипофиза, запускающего каскад патологических сдвигов. В свете последних открытий в области нейроэндокринологии, уровень гипофизарных гормонов, прежде всего, пролактина, считается индикатором моноамино-пептидных отношений в высших регуляторных структурах головного мозга, в том числе надсегментарном вегетативном аппарате, лимбико-ретикулярном комплексе [1, с. 46–48; 2, с. 62–69; 5, с. 48–59]. С нашей точки зрения развитие головных болей следует в значительной степени объяснять с позиции нарушения нейромедиаторного обмена, прежде всего, соотношения серотонина и дофамина. Также вероятно участие и других нейромедиаторов – гистамина, гамма-аминомасляной кислоты, ацетилхолина, эндогенного опиоидного пептида, β -эндорфина, тахикинина А и В, субстанции Р, вазопрессина, участвующих в регуляции синтеза пролактина (табл. 1) [1, с. 46–48], нарушения гормонального статуса и нейроэндокринного изменения регуляции тонуса церебральных сосудов.

Целью нашей работы является определение клинических форм головной боли у пациенток с синдромом гиперпролактинемии, обусловленным микропролактиномой гипофиза, анализ зависимости развития синдрома головных болей от показателей нарушения гормонального статуса, характеристика церебральной гемодинамики испытуемой группы пациенток и анализ динамики показателей кровообращения головного мозга на фоне проводимой патогенетической терапии гиперпролактинемии препаратами каберголина.

Материалы и методы. В проведённом исследовании участвовали 72 пациентки в возрасте 18–32 лет, которые были распределены на две группы:

основная группа, А ($n = 52$) – женщины репродуктивного возраста с диагностированными гормонопродуцирующими микропролактиномами; контрольная группа, В ($n = 20$) – женщины без пато-

логии гипофиза. В зависимости от степени нарушения овариально-менструального цикла все пациентки группы А были распределены на три клинические подгруппы.

Таблица 1

Регуляторы синтеза пролактина

Ингибирующие факторы	Рилизинг-факторы	Синхронизирующие факторы
Дофамин	Эстрогены	Серотонин
Соматостатин	Ангиотензин II	Прогестерон
Вазопрессин	Эндогенный опиоидный пептид	
	β -эндорфин	
	Тахикинин А и В	
	Субстанция Р	
	Вазоактивный интестинальный полипептид	
	Прогестерон	

Подгруппа А-1 ($n = 20$) – женщины с эпизодами олиго- и опсоменореи (1–3 раза в год) на фоне нормально-го менструального цикла. Критерии гормонального фона: гиперпролактинемия $34,2 \pm 6,4$ нг/мл, относительная гиперэстрогемия $172,33 \pm 36,8$ нг/мл на фоне гипопрогестеронемии $18,6 \pm 0,94$ нг/мл. Подгруппа А-2 ($n = 26$) – пациентки с эпизодами аменореи (1–2 раза в год), чередующимися с восстановленными менструальными циклами. Критерии гормонального фона: гиперпролактинемия $34,2 \pm 6,4$ нг/мл, гипоестрогемия $109,2 \pm 14,33$ нг/мл, гипопрогестеронемия $12,4 \pm 2,44$ нг/мл. Подгруппа А-3 ($n = 6$) – стойкая вторичная аменорея свыше 6 месяцев. Критерии гормонального фона: гиперпролактинемия $46,5 \pm 3,4$ нг/мл, выраженные гипоестрогемия $46,68 \pm 23,6$ нг/мл, гипо-

прогестеронемия $3,2 \pm 0,54$ нг/мл, гиперкортизолемиа $820 \pm 28,8$ нмоль/л.

Все пациентки основной группы получали патогенетическую терапию агонистами дофамина, являющимися прямыми стимуляторами дофаминовых D2-рецепторов лактотропных клеток гипофиза – препаратами каберголинового ряда.

В ходе работы использовались следующие методы исследования: нейровизуализация (МРТ или КТ головного мозга с внутривенным усилением); лабораторные исследования уровней гормонов (пролактина, эстрадиола, прогестерона, тестостерона, дегидроэпиандростерона-сульфата (ДГЕА-с), кортизола и др.) иммуноферментными методами; дуплексное сканирование экстра-, интракраниальных сосудов.

Для классификации головных болей использовалась международная

классификация головных болей второго пересмотра (2004 г.). Проведён детальный анализ жалоб больных, изучен анамнез, стандартные клинические показатели.

Обработку результатов проводили, используя стандартные параметрические методы в специализированном программном пакете «Medstat».

Собственные наблюдения. При сборе анамнеза своевременное наступление менархе, регулярный менструальный цикл как критерии исходно нормального гормонального фона в основной группе наблюдались соответственно в 90 и 80 % случаев, в 93 и 86,6 % случаев в контрольной группе. У всех пациенток испытуемой группы ($n = 52$) с выявленным синдромом головных болей (42 случая, 80,7%) цефалгии дебютировали параллельно с нарушением оварияльно-менструального цик-

ла. В 71,2 % случаев диагностированы мигрень и возможная мигрень, 15,5 % пациенток описывали головные боли, удовлетворяющие критериям частой эпизодической головной боли напряжения без вовлечения перикраниальной мускулатуры, в 13,3 % выявлены головные боли, полностью не попадающие под диагностические критерии (неклассифицируемые). Последний клинический вариант имел общие черты с мигренью и головной болью напряжения.

Была выявлена обратная зависимость между степенью дефекта гормонального статуса и частотой выявления головных болей (табл. 2). Мигрень, возможная мигрень как максимально представленный вариант выявлен у пациенток с минимальными нарушениями оварияльно-менструального цикла, умеренными нарушениями показателей гормонального фона.

Таблица 2
Распределение клинических форм головной боли по подгруппам больных в зависимости от степени нарушения менструально-оварияльного цикла

Параметры	Подгруппа А-1 ($n = 20$)		Подгруппа А-2 ($n = 26$)		Подгруппа А-3 ($n = 6$)	
	n	%	n	%	n	%
Мигрень, возможная мигрень	16	80 %	11	42 %	2	33 %
Головная боль напряжения без вовлечения перикраниальной мускулатуры	1	5 %	5	19 %	1	16 %
Неклассифицируемая головная боль	1	5 %	2	8 %	3	50 %

При анализе церебральной гемодинамики обнаружены признаки дисрегуляции тонуса сосудистой стенки в виде снижения индексов резистентности и пульсативности в интракраниальных сосудах каротидного и вертебробазиллярного бассейнов, затруднения венозного оттока по вене Розенталя, максимально представленные в подгруппе

А-1. Отмечена достоверная положительная динамика указанных показателей на фоне проводимой патогенетической терапии гиперпролактинемии препаратами каберголина (табл. 3), что подтверждает, по нашему мнению, предложенный генез развития синдрома головных болей у испытуемой группы пациенток.

Таблица 3

Динамика показателей церебральной гемодинамики на фоне проводимой патогенетической терапии у больных в подгруппе А-1

Параметры	Исходные данные				На фоне проводимой терапии				p – статистическая значимость		
	диапазон	M ± m	диапазон	M ± m	диапазон	M ± m	диапазон	M ± m	ИП	ИР	
	ИП		ИР		ИП		ИР				
	Интрацеребральные артерии, группа А-1									Значимость изменений показателей на фоне терапии	
СМА	0,42–0,58	0,518 ± 0,010	0,46–0,55	0,522 ± 0,005	0,51–0,79	0,654 ± 0,020	0,52–0,79	0,697 ± 0,020	< 0,001	< 0,001	
ПМА	0,42–0,53	0,491 ± 0,007	0,43–0,6	0,548 ± 0,010	0,47–0,74	0,680 ± 0,014	0,55–0,73	0,641 ± 0,013	< 0,001	< 0,001	
ЗМА	0,46–0,57	0,519 ± 0,008	0,47–0,59	0,545 ± 0,008	0,47–0,79	0,732 ± 0,015	0,48–0,76	0,656 ± 0,021	< 0,001	< 0,001	
ПА	0,44–0,58	0,532 ± 0,009	0,44–0,56	0,530 ± 0,006	0,50–0,81	0,686 ± 0,021	0,70–0,79	0,743 ± 0,006	< 0,001	< 0,001	
ОА	0,45–0,53	0,502 ± 0,005	0,41–0,55	0,509 ± 0,008	0,51–0,76	0,681 ± 0,017	0,66–0,79	0,741 ± 0,007	< 0,001	< 0,001	
Вены Розенталя, группа А-1									p – статистическая значимость		
диапазон		M ± m		диапазон		M ± m		Значимость изменений показателей на фоне терапии			
СК		18–23		20,300 ± 0,398		13–16		14,300 ± 0,219		< 0,001	
Контрольная группа							p – статистическая значимость		p – статистическая значимость		
диапазон		M ± m		диапазон		M ± m		ИП	ИР	ИП	ИР
ИП		ИР		ИП		ИР					
Интрацеребральные артерии, контрольная группа							Сравнение с контролем показателей до терапии		Сравнение с контролем показателей на фоне терапии		
0,7–0,91	0,806 ± 0,014		0,64–0,82		0,751 ± 0,013		< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	
0,64–0,87	0,765 ± 0,016		0,62–0,83		0,723 ± 0,016		< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	
0,65–0,85	0,738 ± 0,015		0,66–0,77		0,724 ± 0,009		< 0,001	< 0,001	0,736	< 0,001	
0,64–0,84	0,764 ± 0,012		0,63–0,79		0,735 ± 0,010		< 0,001	< 0,001	< 0,001	0,399	
0,64–0,81	0,759 ± 0,010		0,67–0,79		0,751 ± 0,007		< 0,001	< 0,001	< 0,001	0,151	
Вены Розенталя, контрольная группа							p – статистическая значимость		p – статистическая значимость		
диапазон			M ± m				Сравнение с контролем показателей до терапии		Сравнение с контролем показателей на фоне терапии		
12–15			13,600 ± 0,245				< 0,001		< 0,001		

Примечания: M ± m – соответственно среднее арифметическое и величина стандартной ошибки; p – уровень статистической значимости.

Выводы

В ходе исследования установлено, что синдром головной боли относится к ранним проявлениям синдрома гиперпролактинемии у пациенток с микропролактиномами гипофиза. Развивается, в большей степени, на фоне качественных изменений нейромедиаторного обмена, гормонального статуса женщин, нарушения регуляции церебральной гемодинамики в дебюте заболевания. Самой частой формой головных болей является мигрень, возможная мигрень.

Библиографический список

1. Ахкубекова Н. К. Взаимодействие эстрогенов, прогестерона и дофамина в регуляции секреции пролактина // Проблемы эндокринологии. – 2009. – Т. 55. – № 6. – С. 46–48.
2. Бабичев В. Н. Организация и функционирование нейроэндокринной системы // Проблемы эндокринологии. – 2013. – Т. 59. – № 1. – С. 62–69.
3. Дедов И. И., Мельниченко Г. А., Фадеев В. Ф. Эндокринология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – С. 29–69.
4. Дзеранова Л. К. Синдром гиперпролактинемии у женщин и мужчин: клиника, диагностика, лечение: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 2007. – 14 с.
5. Карева Е. Н., Олейникова О. М., Панов В. О. и др. Эстрогены и головной мозг // Вестник РАМН. – 2012. – № 2. – С. 48–59.
6. Лмелин Л. В., Богданова Ю. Л., Корешкина М. И. и др. Диагностика первичных и симптоматических форм хронической ежедневной головной боли // Журнал неврологии и психиатрии. – 2011. – № 1. – С. 86–88.
7. Симоненко В. Б., Дулин П. А., Маканич М. А. Нейроэндокринные опухоли: руководство. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 240 с.
8. Подчуфарова Е. В., Яхно Н. Н. Хроническая боль. Патогенез, клиника, лечение: учеб. пособие для врачей. – М.: Артинфо Паблшинг, 2009. – 84 с.
9. Antonio Ciccarelli, Adrian F. Daly, Albert Beckers. The Epidemiology of Prolactinomas // Pituitary. – 2010. – Vol. 8. – № 1. – P. 3–6.
10. Thapar K., Kovacs K., Scheithauer B. W., Lloyd R. V. Diagnosis and Management of Pituitary Tumors // Humana press, Totowa. – New Jersey, 2001. – P. 225–246.

Библиографический список

1. Ahkubekova N. K. Vzaimodeystvie estrogenov, progesterona i dofamina v regulatsii sekretsii prolaktina // Problemy endokrinologii. – 2009. – Т. 55. – № 6. – С. 46–48.
2. Babichev V. N. Organizatsiya i funktsionirovanie neyroendokrinnoy sistemy // Problemy endokrinologii. – 2013. – Т. 59. – № 1. – С. 62–69.
3. Dedov I. I., Melnichenko G. A., Fadeev V. F. Endokrinologiya. – 2-e izd., pererab. i dop. – М.: GEOTAR-Media, 2007. – С. 29–69.
4. Dzeranova L. K. Sindrom giperprolaktinemii u zhenshin i muzhchin: klinika, diagnostika, lechenie: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – М., 2007. – 14 s.
5. Kareva E. N., Oleynikova O. M., Panov V. O. i dr. Estrogenyi i glavnoy mozg // Vestnik RAMN. – 2012. – № 2. – С. 48–59.
6. Lmelin L. V., Bogdanova Yu. L., Koreshkina M. I. i dr. Diagnostika pervichnykh i simptomaticheskikh form xronicheskoy ezhdnevnoy glavnoy boli // Zhurnal nevrologii i psixiatrii. – 2011. – № 1. – С. 86–88.
7. Simonenko V. B., Dulin P. A., Makanich M. A. Neyroendokrinnyie opuholi: rukovodstvo. – М.: GEOTAR – Media, 2010. – 240 s.
8. Podchufarova E. V., Yahno N. N. Hronicheskaya bol. Patogenez, klinika, lechenie: ucheb. posobie dlya vrachev. – М.: Artinfo Publishing, 2009. – 84 s.
9. Antonio Ciccarelli, Adrian F. Daly, Albert Beckers. The Epidemiology of Prolactinomas // Pituitary. – 2010. – Vol. 8. – № 1. – P. 3–6.
10. Thapar K., Kovacs K., Scheithauer B. W., Lloyd R. V. Diagnosis and Management of Pituitary Tumors // Humana press, Totowa. – New Jersey, 2001. – P. 225–246.

© Корсунская Л. Л., Трушкевич А. А.,
Чуприна Л. А., Степур А. А., 2014

УДК 616.89-008.441.44(470.61-25)

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВЕРШЕННЫХ СУИЦИДОВ
В ГОРОДЕ РОСТОВЕ-НА-ДОНУ ЗА ПЕРИОД 2012–2013 ГГ.**

С. Н. Белик

Кандидат медицинских наук

О. Э. Кушнарева

Студентки 3 курса;

К. Ю. Федорова

Д. В. Давыдов

*Студент 3 курса,
Ростовский государственный
медицинский университет;*

А. В. Васильев

*Врач, судебно-медицинский эксперт,
Бюро судебной медицинской экспертизы
Ростовской области,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**THE STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE COMPLETED SUICIDES
IN THE CITY OF ROSTOV-ON-DON FOR THE PERIOD 2012–2013**

S. N. Belik

Candidate of medical sciences;

O. E. Kushnareva

3d year student;

K. Y. Fedorova

D. V. Davidov

*3d year student,
Rostov State Medical University,
Rostov-on-Don, Russia;*

A. V. Vasilyev

*Doctor, forensic expert,
Buro forensic medical examination
of the Rostov region,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. In order to study the structural peculiarities of the completed suicides in the city of Rostov-on-Don for the period 2012-2013, there were studied 157 acts of the forensic examination of the body. It is established that men of working age commit suicide more often than women; the most common method of suicide is hanging; half of the cases of the suicides combined with alcohol intoxication; districts of the city with high population density can be considered critical frequency suicidality; the largest share of suicides accounted for summer and spring.

Keywords: suicides; structure of suicide; factors of suicidality; gender; age; season; area.

По оценкам ВОЗ ежегодно 900 000 случаев смерти происходит в результате самоубийств, что составляет одну смерть каждые 40 секунд. Во всем мире суицид входит в число трех основных причин смерти людей 15–44 лет [12]. Именно поэтому комплексный план действий по охране психического здоровья на 2013–2020 годы, принятый на 66-й сессии Всемирной Ассамблеи здравоохранения, определяет

конкретные меры по предупреждению суицидов, включающие такие социальные детерминанты, как возможность получения образования, повышение уровня дохода, улучшение жилищно-бытовых условий, наличие социальных услуг и др. Результатом реализации данных мер должно стать уменьшение числа самоубийств в 135 странах, являющихся членами ВОЗ, к 2020 году на 10 % [11].

При анализе суицидальной активности в России за последние 20 лет явно просматривается тенденция к снижению числа самоубийств. Так, если в 1995 году самоубийство совершили 61 тысяча человек, то в 2005 г. уже на 15 тысяч меньше, а в 2012 году этот показатель достиг абсолютного минимума за последние 20 лет – 29,7 тысячи [4, 5], но при этом уровень самоубийств в стране неизменно превышает критическое значение ВОЗ (20 случаев на 100000 населения) [7]. Среди европейских государств в рейтинге ВОЗ по уровню самоубийств Россия замыкает десятку неблагополучных стран. Отсутствие государственной программы по превенции суицидов усложняет ситуацию суицидальности, и как результат – самоубийство в нашей стране занимает 5-е место среди всех причин смертности [2].

Структура и частота суицидального процесса обусловлена рядом социальных факторов и факторами окружающей среды. Возрастной фактор в США, Европе и России характеризуется двумя «пиковыми» периодами: для парасуицидов – подростковый и юношеский возраст, для завершённых суицидов – пожилой и старческий [1]. Достаточно значимы такие факторы, как доступность средств самоубийства, место жительства человека, трудовая занятость, иммиграционные процессы, принадлежность к определённой религии, экономические и экологические условия [2].

Наиболее важными представляются социально-психологические факторы, для понимания которых большое значение имеют две концепции – психосоциальная модель Дануты Вассерман и концепция биологической предрасположенности к суициду Джона Манна. Модель Д. Вассерман в большей степени психосоциальная, однако, она также учитывает нейробиологические и генетические факторы. Согласно этой модели, на суицидальный процесс воздействуют факторы риска и протек-

тивные факторы. От соотношения этих факторов, а также от стрессоустойчивости зависит вероятность суицидальных действий. Согласно модели Д. Манна, существует конституциональная предрасположенность к самоубийству, в которую вносят свой вклад наследственность, хронические заболевания (особенно центральной нервной системы), злоупотребление алкоголем и наркотиками [8].

Высокие показатели суицидальности в России, фактическое отсутствие глубоких исследований в данной области актуализируют проблему изучения структурных особенностей самоубийств на территориальном уровне. В связи с этим целью наших исследований явился комплексный анализ структурных особенностей завершённых суицидов в городе Ростове-на-Дону за период 2012–2013 гг. с учетом возрастных, медико-социальных, территориальных и хронологических факторов.

Работа выполнена на базе архива Государственного бюджетного учреждения Ростовской области «Бюро судебной медицинской экспертизы». Был изучен практический судебно-медицинский материал в виде «Актов судебно-медицинского исследования трупа» (учетная форма № 171/у–80) по поводу смерти в результате суицида жителей города Ростова-на-Дону за период 08.07.2012–05.08.2013 гг. Анализировались следующие признаки: пол, возраст, способ самоубийства, дата смерти, место смерти, факт алкогольного опьянения. Все взятые из актов признаки, представляющие собой единицу наблюдения (завершённый суицид), вносились в базу данных. База данных была сформирована на основе программы Microsoft Excel 2002, в которой были созданы таблицы, соответствующие цели проводимого исследования. Анализ полученных результатов осуществлялся с помощью общепринятых медико-статистических методов.

При анализе судебно-медицинского материала за исследуемый период выявлено 157 случаев завершённого суицида (112 мужчин и 45 женщин). При анализе гендерных факторов самоубийств установлено, что мужской суицид превалирует над женским в соотношении 3,4/1. Это объясняется тем, что мужчины более социально контактны, поэтому они испытывают больше психологических проблем, связанных с социумом. Кроме того, в силу особенностей мышления и мировосприятия мужчины действуют более радикально и выбирают способы самоубийства, гарантирующие верную смерть (самопо-

вешение, самострел, падение с высоты) [3]. В то время как женщины выбирают способы ухода из жизни, оставляющие шанс на спасение (вскрытие вен, отравление лекарственными препаратами). Этим объясняется значительно более высокий уровень самоубийств среди лиц мужского пола и превалирование суицидальных попыток среди женщин.

Анализ данных по возрастным категориям свидетельствует о том, что проблема самоубийств широко распространена среди трудоспособного населения (рис. 1). Это имеет большое значение в плане анализа смертности трудящихся от неестественных причин.

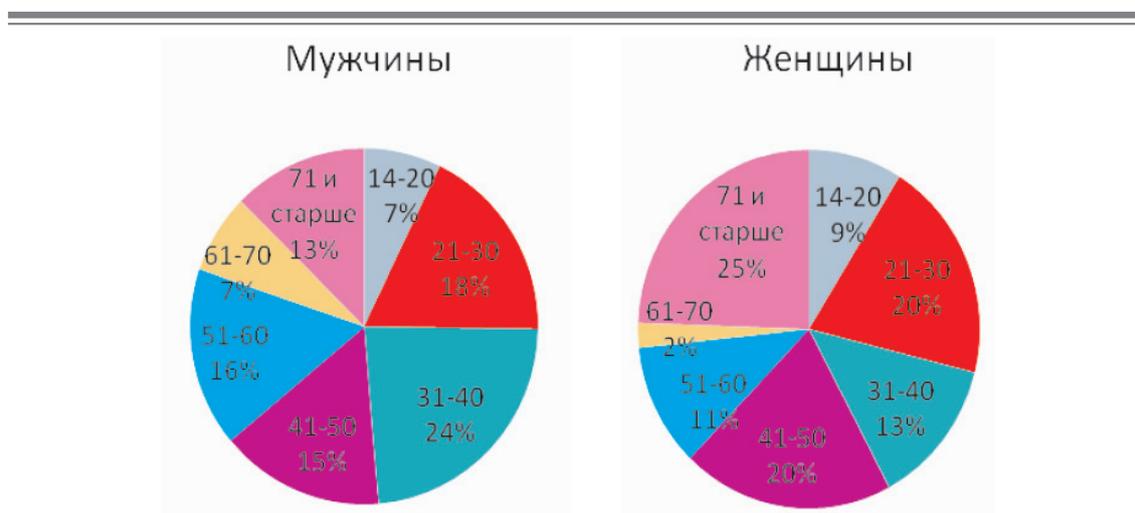

Рис. 1. Структура суицидальности по возрастным категориям

Так наибольшая суицидальная активность характерна для мужчин в возрастной период 21–30 лет – 18% суицидов, в 31–40 лет – 24%.

У женщин максимальное число самоубийств приходится на периоды 21–30 лет и 41–50 лет – по 20%, в возрасте старше 71 года абсолютное максимальное число суицидов – 25%. Минимальным числом суицидальных случаев, как для женщин, так и для мужчин, характеризовался возрастной период

61–70 лет. В тоже время установлено, что для всех возрастных групп доля мужчин, совершивших самоубийство, существенно превышает соответствующую долю женщин.

Высокий процент смертности среди женщин старше 71 года, выявленный нами, подтверждает мнение ряда учёных о том, что с суицидологической точки зрения самым опасным является пожилой возраст. Наиболее частыми причинами суицида является потеря

близких, соматическая патология, сопровождающаяся болевым симптомом, бедность, социальная изоляция, бесперспективность будущего, психические отклонения [9, 11].

Предпочтительные способы самоубийств могут сильно отличаться, в зависимости от региона. Но преимущественно, по данным ВОЗ, самоповешение – ведущий способ суицида во всем мире, что подтверждается результатами нашего исследования (рис. 2).

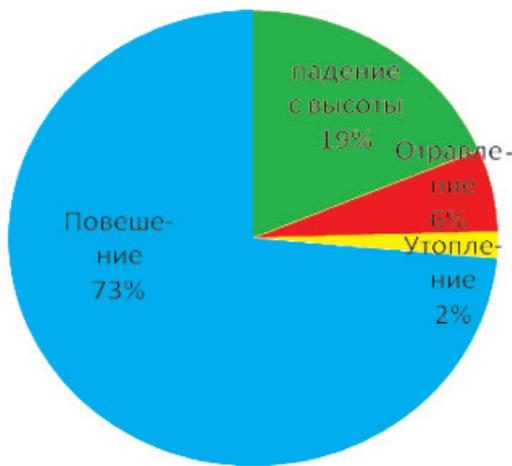

Рис. 2. Структура общей суицидальной смертности

Нами установлено, что в общей структуре суицидальной смертности по способам самоубийств первое место занимает самоповешение – свыше 73 % от общего числа, далее с большим отрывом следуют: падение с высоты – 19 %, отравление – 6 %, утопление – 2 %.

В тоже время, результаты наших исследований не подтвердили мнение о том, что женщины выбирают наиболее щадящие способы самоубийства. Так нами установлено, что самый распространённый способ суицида среди женщин – это самоповешение (71,4 %), и второй способ – это падение с высоты (23,8 %); такие

способы, как отравление и утопление составили всего по одному случаю.

Установлено, что самоубийства неравномерно распределены по территории г. Ростова-на-Дону. Повышенное число самоубийств наблюдались в Первомайском и Ворошиловском районах, соответственно 19 и 17 %. Вероятно, это обусловлено высокой плотностью населения этих селитебных территорий. Самый низкий уровень суицидов наблюдался в Ленинском районе и Кировском районах – 6 % (рис. 3).

Анализ сезонного распределение самоубийств показал, что количество завершенных суицидов заметно варьировалось в зависимости от времени года. Пик общей суицидальности приходится на летний период (свыше 33 %). Весенний и осенний периоды по количеству суицидов не имели существенных различий (24 и 25 %), минимальная суицидальная активность наблюдалась зимой (18 %). Наибольшее количество смертей среди мужчин приходилось на летний период – 32,5 % от общего количества мужских самоубийств.

В целом следует говорить о весенне-летнем пике суицидальной активности. Полученные нами результаты хорошо согласуются с материалами исследований ряда авторов, сделавших вывод о существовании верхнего и нижнего пиков самоубийств, приходящихся соответственно на весенне-летний и осенне-зимний периоды [3; 6].

1. Вместе с тем, наши результаты существенно расходятся с литературными данными в отношении сезонных закономерностей самоубийств у женщин [3, с. 69–75]. Нами выделен летне-осенний верхний пик самоубийств, составивший 64,2 % от всех женских самоубийств и нижний пик – зимний (14,2 %).

Из общего количества лиц, совершивших суицид, 35,6 % мужчин и 14,0 % женщин находились в состоянии алкогольного опьянения. В структуре мужской суицидальной смертности

алкогольная интоксикация наблюдалась у 47,8% мужчин, в структуре женской – 51,2%.

Рис. 3. Территориальное распределение суицидов в г. Ростове-на-Дону

Таким образом, на основании результатов нашего исследования можно сделать выводы, что структура завершенных суицидов в городе Ростове-на-Дону за исследуемый период имела следующие особенности: мужчины трудоспособного возраста заканчивают жизнь самоубийством чаще, чем женщины; наиболее частый выбор способа самоубийства, как среди мужчин, так и среди женщин – повешение; нередко суицид сочетается с алкогольным опьянением; критическими районами города по частоте суицидальности можно считать районы с самой высокой селитебной плотностью; наибольшая доля самоубийств у мужчин приходится на летний и весенний период, у женщин – на летне-осенний.

Библиографический список

1. Антонова А. А., Бачило Е. В., Барыльнич Ю. Б. Факторы риска развития суицидального поведения // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2012. – № 2. – Т. 8. – С. 403–409.
2. Войцех В. Ф. Динамика суицидов в регионах России // Социальная и клиническая психиатрия – 2008. – № 1. – Т. 18. – С. 81–88.
3. Гулин К. А., Морев М. В. Анализ факторов и причин суицидальных попыток // Проблемы развития территории. – 2008. – № 42. – Т. 2.
4. Демографический ежегодник России 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 530 с.
5. Зотов П. Б., Родяшин Е. В. «Суицидологический паспорт территории» как этап развития системы суицидальной превенции / Суицидология. – 2013. – № 4 (13). – С. 55–60.
6. Миронец Е. Н. Некоторые хронобиологические аспекты самоубийств // Проблемы экспертизы в медицине. – 2003. – № 12–4. – Т. 3. – С. 30–31.
7. Морев М. В., Шматова Ю. Е., Любов Е. Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. – 2014. – № 1 (14). – Т. 5. – С. 3–11.
8. Розанов В. А. Нейробиологические основы суицидального поведения // Вестник Биологического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. – 2014. – № 1. – С. 10–14.

- логической психиатрии – 2004. – № 6. – URL: <http://scorcher.ru/neuro/science/data/mem102.php> (дата обращения 16.04. 2013).
9. Goldney R. D. Suicide Prevention. – Oxford University Press, 2008. – 256 p.
 10. WHO. Comment peut-on prévenir le suicide? – URL: <http://www.who.int/features/qa/24/fr/> (дата обращения 15.07.2013).
 11. WHO. Comprehensive mental health action plan 2013–2020. Sixty-sixth world health assembly WHA 66.8. 27 May 2013. – URL: http://www.who.int/mental_health/action_plan_2013/en/ (дата обращения 15.07.2013).
 12. WHO. Santé mentale et vieillissement // Aide-mémoire N°381 Septembre 2013. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs381/fr/> (дата обращения 15.07. 2014).
- Bibliograficheskiy spisok**
1. Antonova A. A., Bachilo E. V., Barylnik Yu. B. Faktoryi riska razvitiya suitsidalnogo povedeniya // Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal. – 2012. – № 2. – Т. 8. – S. 403–409.
 2. Voytseh V. F. Dinamika suitsidov v regionah Rossii // Sotsialnaya i klinicheskaya psixiatriya – 2008. – № 1. – Т. 18. – S. 81–88.
 4. Gulin K. A., Morev M. V. Analiz faktorov i prichin suitsidalnykh popyitok // Problemyi razvitiya territorii. – 2008. – № 42. – Т. 2.
 5. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2013 : Stat. sb. / Rosstat. – М., 2013. – 530 с.
 6. Zotov P. B., Rodyashin E. V. «Suitsidologicheskiy pasport territorii» kak etap razvitiya sistemyi suitsidalnoy preventsii // Suitsidologiya. – 2013. – № 4 (13). – S. 55–60.
 7. Mironets E. N. Nekotorye hronobiologicheskie aspektyi samoubiystv // Problemyi ekspertizyi v meditsine. – 2003. – № 12–4. – Т. 3. – S. 30–31.
 8. Morev M. V., Shmatova Yu. E., Lyubov E. B. Dinamika suitsidalnoy smertnosti naseleniya Rossii: regionalnyy aspekt // Suitsidologiya. – 2014. – № 1 (14). – Т. 5. – S. 3–11.
 9. Rozanov V. A. Neyrobiologicheskie osnovyi suitsidalnogo povedeniya / Vestnik Biologicheskoy psixiatrii – 2004. – № 6. – URL: <http://scorcher.ru/neuro/science/data/mem102.php> (дата obrascheniya 16.04. 2013).
 10. Goldney R. D. Suicide Prevention. – Oxford University Press, 2008. – 256 p.
 11. WHO. Comment peut-on prevenir le suicide? – URL: <http://www.who.int/features/qa/24/fr/> (дата obrascheniya 15.07.2013).
 12. WHO. Comprehensive mental health action plan 2013–2020. Sixty-sixth world health assembly WHA 66.8. 27 May 2013. – URL: http://www.who.int/mental_health/action_plan_2013/en/ (дата obrascheniya 15.07.2013).
 13. WHO. Sante mentale et vieillissement // Aide-memoire N°381 Septembre 2013. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs381/fr/> (дата obrascheniya 15.07. 2014).
- © Белик С. Н., Фёдорова К. Ю.,
Кушнарёва О. Э., Давыдов Д. В.,
Васильев А. В., 2014*

Sociální vědy

УДК 314

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МИГРАНТОВ
В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Г. Хайруллина

*Доктор социологических наук,
профессор,
Тюменский государственный нефтегазовый
университет, г. Тюмень, Россия*

THE STUDY OF SOCIAL PROBLEMS OF MIGRANTS
IN THE TYUMEN REGION

N. G. Khairullina

*Doctor of Social Sciences, professor,
Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Russia*

Summary. This paper presents the results of a secondary analysis of the results of public opinion research on social problems of migrants arriving in the region of Central Asia, based on a questionnaire survey 1,200 respondents living in the Tyumen region, as well as the experts' responses. Analyzes statistical data characterizing the processes of arrival and departure of foreign nationals; crime rates of immigrants from abroad. Public opinion survey allowed us to formulate the conclusion that the situation in the field of labor migration is more favorable than the statistics polls against migrants in Russia in general.

Keywords: Tyumen region; migration; migrants; migration.

Специфика миграционных процессов в Тюменской области в значительной степени определяется полиэтничным составом населения. В регионе проживают представители 143 национальностей, среди них русские, татары, украинцы. Последнее десятилетие характеризуется увеличением численности мигрантов из стран Центральной Азии, прибывающих на сезонные работы и на постоянное место жительства (табл. 1). Для выявления специфики миграционных процессов в Тюменской области в начале 2013 г. был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие 1200 респондентов. Из числа опрошенных мужчины составили 43,8%, женщины – 56,2%.

Процесс формирования этнического населения Тюменской области

проходил постепенно, на протяжении нескольких веков. Первые сведения о народе югорском, жившем в Уральских горах, содержатся в «Повестях временных лет» (1096 г.), а в «Сибирских летописях» говорится о самодийских и угорских племенах. Около тысячи лет назад на юге Тюменской области появляются тюркские племена кыпчаков. Местное угорское население отходит в северные регионы, а часть угров ассимилируется с пришлым населением. Постепенно здесь образуется этническая общность – сибирские татары, вобравшие в себя тюркские, угорские, монгольские и другие этнические компоненты [5].

Позднее происходит заселение Западной Сибири русскими, которое сопровождается освоением природных

богатств региона. В XVIII в. в сибирских деревнях появляются старообрядцы, а в конце XIX в., после отмены крепостного права, в Западную Сибирь переезжают крестьяне из разных губерний России.

в том числе из Украины и Белоруссии, а в 1941 году – немцы. В 1943–1944 гг. за Урал стали приезжать депортированные чеченцы, ингуши, калмыки.

С 1964 г. начинается освоение нефтяных и газовых месторождений, создавшее основу для формирования топливно-энергетического комплекса и усилившее миграционные процессы. В период с 1964 по 1970 гг. общее количество мигрантов достигло 1,8 млн человек. Это были жители Поволжья, Северного Кавказа, Дальнего Востока, выходцы из Украины, Татарии, Башкирии, Азербайджана. Накануне освоения месторождений область населяли русские (81,4%), татары (7,3%), украинцы (1,8%), немцы (1,5%), чувашаи (1,2%), коми (0,7%), ханты (1,4%), ненцы (1,3%), манси (0,5%), селькупы (0,1%) и другие народы (2,8%) [6].

Интенсивное строительство городов и рабочих поселков привело к урбанизации населения Тюменской области. Удельный вес городского населения в Тюменской области в 1961–1989 гг. возрос с 35 до 76%. Если в начале 1960 года Тюменская область по степени урбанизации занимала одно из последних мест в Сибири, то к началу 1990 года по этому показателю она уступала только Кемеровской области.

Численность населения к началу 2011 года достигла 1 341,1 тыс. человек, увеличившись по сравнению с началом предыдущего года на 12,2 тысячи или на 0,9%. Средний возраст жителей составил 36,7 лет, при этом возраст мужчин равнялся 34,5 года (на начало 2009 года – 34,4), женщин 38,7 (38,6) [4]. В Тюменской области быстро увеличивается группа населения в возрасте 20–34 лет [4].

В начале XXI века в Тюменскую область продолжают прибывать мигранты из стран ближнего Зарубежья, всего прибыло в 2010 году 3 341 человек. Следует отметить, что наибольшее число – это мигранты из Казахстана

Т а б л и ц а 1
Распределение генеральной и выборочной совокупностей исследования по национальному составу, в %

Этноним	Данные Всероссийской переписи 2010 г.	Выборочная совокупность в 2013 г.
Русские	79,52	79,1
Татары	7,65	8,3
Украинцы	1,27	3,0
Казахи	0,99	1,8
Немцы	0,90	1,7
Чуваши	0,64	0,2
Азербайджанцы	0,62	0,5
Армяне	0,57	0,3
Белорусы	0,33	0,2
Башкиры	0,20	0,7
Таджики	0,23	0,6
Узбеки	0,22	1,2
Молдаване	0,12	0,2
Грузины	0,08	0,6
Киргизы	0,14	0,7
Ханты	0,05	1,0
Чеченцы	0,05	0,2
Лица, указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше)	6,27	0,0
Общий итог	100,0	100,0

В 1939 года в Тюменскую область начали прибывать спецпереселенцы,

(26,7%), Таджикистана (18,7%), Узбекистана (13,6%), Армении (9,7%) и Азербайджана (8,4%).

По официальным данным, за первые 6 месяцев 2012 года через пункты пропуска Тюменской области проследовало 104 800 иностранных граждан и лиц без гражданства. Это на 52 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, когда госграницу в Тюменской области пересекли 68 965 человек. Из 104 800 человек, 61 421 (на 51,4 % больше, чем в прошлом году) – въехали на территорию Тюменской области, 43 379 (на 52,8 %) – выехали.

Указанные данные прозвучали на оперативном совещании УФМС России по Тюменской области 12 июля 2012 г. в Тюмени. Отмечено, что основную часть прибывших иностранных граждан составляют выходцы из стран Содружества Независимых Государств – 99 %. За 1-е полугодие 2012 г. на миграционный учет в Тюмени было поставлено 69 019 иностранных граждан и лиц без гражданства, что в 2 раза больше, чем в 1-м полугодии 2011 г. (34 744). При этом 85 % (58 690 человек) из них прибыли из стран ближнего зарубежья. Среди тех, кто прибыл в Тюменскую область надолго и встал на миграционный учет, преобладают граждане Таджикистана – 18 771 (32,0 %), Узбекистана – 15 942 (27,2 %), Казахстана – 6 514 (11,1 %), Кыргызстана – 6 040 (10,3 %), Азербайджана – 4 886 (8,3 %), Армении – 2 881 (4,9 %), Украины – 1 895 (3,2 %), Белоруссии – 780 (1,3 %), Молдовы – 773 (1,3 %). Из государств дальнего зарубежья наибольшее количество граждан прибыло из Турции – 4 352, Германии – 1 209, КНДР – 439, США – 400, Сербии – 360, Италии – 349, Великобритании – 329, Франции – 297, Китая – 282, Кореи – 193, Голландии – 135, Туркмении – 111, Индии – 107 [7].

Одновременно наблюдается рост числа преступлений, совершенных

переселенцами из-за рубежа. С начала января по конец сентября 2012 г. в Тюменском регионе иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 314 преступлений, 5 убийств, 16 случаев нанесения тяжких телесных повреждений и 37 преступлений против половой неприкосновенности. За данный период трудовые мигранты совершили 68 краж, 19 фактов мошенничества, 6 разбойных нападения и 34 криминальных действия в сфере незаконного оборота наркотических веществ. Сотрудниками полиции зафиксированы 33 случая подделки миграционных документов [8].

Респондентам, оценившим ситуацию в межнациональных отношениях напряженной, было предложено назвать причины такой оценки. Из 1200 участников анкетного опроса нестабильность в сфере межнациональных отношений отметили 304 респондента. В табл. 2 приведены причины напряженной ситуации в сфере межнациональных отношений в Тюменской области.

Анализируя представленные ответы участников анкетного опроса можно заключить, что большинство из них возлагают ответственность за ухудшение ситуации в сфере межнациональных отношений на продолжающийся приток мигрантов. При этом многие из них открыто указывают на *«неэффективный контроль и регулирование трудового поведения мигрантов»*, *«неудовлетворенность миграционной политикой в регионе»* и *«безучастное отношение органов власти к данной проблеме»*.

Аналогичное беспокойство высказывают участники всероссийских исследований. Так, по результатам опроса компании «Башкирова и партнеры», проведенного в сентябре 2012 г., больше половины опрошенных (55,7%) позитивно относятся к введению визового режима с Таджикистаном и Киргизией, считая, что эта мера ограничит количество нелегальных мигрантов

в России; треть считает, что это не поможет, и, наконец, около 15% россиян не смогли определиться с ответом¹ [1; 3]. Тем не менее, показатели исследования в Тюменском регионе все же более благоприятны, чем статистика опросов общественного мнения в отношении мигрантов по России в целом [2; 9].

Обеспокоенность миграционными потоками выявлена в ответах экспер-

тов, полученных в ходе опроса, проведенного в начале 2013 г. В экспертном опросе приняли участие 30 человек, среди них 56,7% составили мужчины, 36,7 – женщины. Из числа опрошенных экспертов каждый четвертый (26,4%) является руководителем государственного или коммерческого предприятия; такое же число опрошенных (24,5%) заведуют кафедрами тюменских вузов; каждый пятый (20,1%) возглавляет религиозные общественные организации, а каждый шестой (15,8%) – научно-исследовательские институты; каждый десятый (13,2%) занимает руководящие должности в органах государственной власти.

¹ Исследование проводилось в сентябре 2012 года по всероссийской репрезентативной выборке взрослого населения (18+). Личные интервью по месту жительства. Было опрошено 1500 респондентов, в 8-ми федеральных округах, 46-ти субъектах РФ, 100 населенных пунктах (168 точек опроса). Ошибка выборки составляет 2,5%.

Таблица 2

Мнения респондентов о причинах напряженности в сфере межнациональных отношений в Тюменской области, полученные в 1-м полугодии 2013 г., в % к общему числу ответивших

Мнения респондентов	Итог
Преобладание мигрантов и иностранной рабочей силы из Средней Азии на рынке рабочей силы Азиатов очень много, для них закона нет	14,9%
Много приезжих с Кавказа Выходцы с Кавказа создают напряженность Наглое и вызывающее поведение приезжих с Кавказа	14,8%
Высокие темпы роста численности «нерусского» населения Многонациональное население Тюменской области Большое количество различных национальностей и разногласий между ними	13,5%
Отсутствие общей культуры общения Невоспитанность и несоблюдение общепринятых правил поведения приезжими	12,4%
Отсутствие взаимопонимания и согласия между людьми разных национальностей Неприязненное и нетерпимое отношение к представителям других национальностей Взаимная неприязнь между представителями разных национальностей	9,9%
Разница в менталитете, традициях и образовании людей разных национальностей Разница в культуре поведения, характере, образе жизни людей разных национальностей	8,8%
Неуважительное отношение приезжих к русским, их традициям	7,3%
Некорректное поведение русских по отношению к представителям других национальностей	4,2%
Национальная политика Тюменской области привлекательна для приезжих	3,7%
Неэффективный контроль и регулирование трудового поведения мигрантов Неудовлетворенность миграционной политикой в регионе Безучастное отношение органов власти к данной проблеме	3,3%

Мнения респондентов	Итог
Провокационная пропаганда межнациональной розни со стороны СМИ и ТВ	2,3 %
Обострение противостояния между национальными общинами, диаспорами, группами	2,2 %
Криминальная деятельность приезжих (торговля наркотиками и т. д.)	1,5 %
Агрессивное поведение детей, подростков и молодежи в отношении представителей других национальностей	0,8 %
Усиление националистических настроений среди местного населения	0,4 %
Общий итог	100,00 %

Рассмотрим некоторые ответы экспертов, в которых затрагиваются проблемы мигрантов в том порядке, как они были приведены в анкете. Анализируя ответы на первый вопрос «Как бы Вы охарактеризовали межнациональные отношения в Тюменской области в целом? В чем это проявляется?», видно, что, характеризуя их, эксперты, наряду с позитивными оценками высказали и негативные.

Негативную оценку высказали 36,0% экспертов, по их мнению, в регионе наблюдается напряженная ситуация, проявляющаяся в неприязненных отношениях местного населения к мигрантам из азиатских и кавказских республик, в национальной нетерпимости на бытовом уровне по отношению к выходцам из республик Северного Кавказа. Татарское и местное население нетерпимо относится к узбекам, таджикам, которые занимают рабочие места.

Отвечая на следующий вопрос, насколько сегодня толерантна к людям другой национальности и вероисповедания современная молодежь, часть экспертов оценила поведение молодежи как терпимое, а другая группа экспертов (их 30,0%) высказала противоположное мнение. Эксперты считают, что молодежь агрессивна, озлоблена, может издеваться и убивать, нетерпимо относится к мигрантам с Кавказа и Средней Азии. Молодежь стремится

к созданию различных групп, псевдогрупп по этническому и конфессиональному признакам. В воспитании молодежи государство не уделяет внимания культуре людей разных национальностей и вероисповеданий.

В заключение отметим, что основными источниками сохранения и роста численности населения в регионе останутся внешняя (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Украина) и внутренняя миграция, а также естественный прирост населения, особенно значимый в Тюменской области, где после принятия мер по поддержке молодых семей рождаемость резко возросла.

Более того, регион испытывает нехватку специалистов в промышленной сфере и вакантность рабочих мест, которые следует оценить как социально низкого качества (низкая заработная плата, тяжелый и непрестижный труд). В связи с этим предстоит решать и социальные проблемы трудовых мигрантов.

Библиографический список

1. Волох В. А. Трудовая миграция в России. Состояние и пути оптимизации // Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования: материалы V Международной конференции и международной школы для молодых ученых «Междисциплинарные подходы

- к исследованию миграции населения». – М. : Экон-информ, 2013. – С. 40–43.
2. Жулева М. С. Проблемы трудовой миграции в современной России // Известия вузов : Социология. Экономика. Политика. – 2014. – № 2. – С. 14–17.
 3. Независимое исследовательское агентство [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bashkirova-partners.ru/news/realize/1585>.
 4. Статистический ежегодник : стат. сб. в 4-х частях. : ч. IV (I) Тюменская область (без автономных округов) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 279 с.
 5. Хайруллина Н. Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.
 6. Хайруллина Н. Г. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области [Текст] / Хайруллина Н. Г., Салихова А. Р. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2004. – 128 с.
 7. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp>.
 8. [Электронный ресурс]. – URL: <http://life72.org/1308-chislo-prestupleniy-so>.
 9. Khairullina N. G. Social problems of migrants in Tyumen Region: sociological aspect // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – URL: <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%2811%2913.htm>; URL: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(11\)13/18.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(11)13/18.pdf).
- Bibliograficheskiy spisok**
1. Voloh V. A. Trudovaya migratsiya v Rossii. Sostoyanie i puti optimizatsii : materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii «Trudovaya migratsiya v Rossiyskoy Federatsii: predotvraschenie trudovoy ekspluatatsii, stimulirovanie sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya, sovershenstvovanie regulirovaniya» i mezhdunarodnoy shkoly dlya molodyih uchenyih «Mezhdistsiplinarnye podhody k issledovaniyu migratsii naseleniya». – М. : Экон-информ, 2013. – С. 40–43.
 2. Zhuleva M. S. Problemyi trudovoy migratsii v sovremennoy Rossii // Izvestiya vuzov : Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. – 2014. – № 2. – С. 14–17.
 3. Nezavisimoe issledovatel'skoe agentstvo [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.bashkirova-partners.ru/news/realize/1585>.
 4. Statisticheskiy ezhegodnik : stat. sb. v 4-h chastyah. : ch. IV (I) Tyumenskaya oblast (bez avtonomnykh okrugov) / Territorialnyy organ Federalnoy sluzhbyi gosudarstvennoy statistiki po Tyumenskoy oblasti. – Tyumen, 2011. – 279 s.
 5. Hayrullina N. G. Sotsiologicheskaya diagnostika etnokulturnoy situatsii v severnom regione. – Tyumen : Izd-vo TyumGNGU, 2000. – 466 s.
 6. Hayrullina N. G. Dinamika sotsiokulturnoy situatsii na yuge Tyumenskoj oblasti [Tekst] / Hayrullina N. G., Salihova A. R. – Tyumen : Izd-vo TyumGNGU, 2004. – 128 s.
 7. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp>.
 8. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://life72.org/1308-chislo-prestupleniy-so>.
 9. Khairullina N. G. Social problems of migrants in Tyumen Region: sociological aspect // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – URL: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(11\)13.htm](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(11)13.htm); URL: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(11\)13/18.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(11)13/18.pdf).

© Хайруллина Н. Г., 2014

**ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИИ:
ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

И. В. Пивоварова

*Кандидат социологических наук,
доцент,
Тюменский государственный нефтегазовый
университет, г. Тюмень, Россия*

**PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF FAMILY IN RUSSIA:
CAUSES AND WAYS TO SOLUTION**

I. V. Pivovarova

*Candidate of Sociological Sciences,
assistant professor,
Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Russia*

Summary. Family being the basic institution for reproduction of population and primary socialization influences strongly personality development. Permanent and purposeful degradation of this social institution threatens national security and the future of society as a whole. The paper analyzes the possibilities of family crisis coping and the role of government in the process based on public inquiry and experts' polling.

Keywords: family; family crisis; strengthening of family institution; government assistance to families.

Выделение института семьи из других институтов общества и тщательное его изучение не случайны. Именно семья признаётся всеми исследователями основным носителем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение, а также необходимым условием социализации личности [6].

На протяжении последних десятилетий во многих странах мира, и в частности с конца 1960-х гг. в России, активно исследуются проблемы формирования семейных и внесемейных ценностных ориентаций. Наряду с эмпирическими исследованиями появилось множество теорий, объясняющих трансформацию семейных ценностей, а именно: теория дополнительных потребностей Р. Ф. Уинча [10], «Стимул – Ценность – Роль» Б. Мюрстейна [11], формирование диады Левиса [12], инструментальная теория Сентера [13].

В России проблемы соотношения семейных и внесемейных ценностных

ориентаций исследовали А. И. Антонов [1] и В. А. Борисов, [3], Н. Г. Марковская [4], В. Б. Ольшанский [5], В. Н. Архангельский [2], проблемы межэтнических браков – Н. Г. Хайруллина [8; 9] и др. ученые.

Современное российское общество переживает динамичные преобразования социальных отношений, следствием которых явилось ослабление института семьи, характеризующееся увеличением количества разводов, внебрачных рождений, развитием альтернативных форм семьи, уменьшением количества деторождений в семьях, эмансипацией женщин и детей [7]. Как справедливо отмечает О. В. Устинова, исследующая влияние семейных ценностей на репродуктивное поведение, «всё большее количество женщин не имеют четкой позиции по поводу форм организации семейной жизни. В то же время, женщина традиционно является основой брачно-семейных

отношений. Ее гендерная роль предполагает направленность на укрепление и сохранение семьи как самостоятельной микросоциальной структуры, с определенными духовно-нравственными ценностями. Существенная доля женщин, не видящих себя в этой роли, служит индикатором разрушения института семьи».

С целью выявления факторов, обуславливающих укрепление института семьи в России, в 2010 году авторами

был проведен анкетный опрос населения г. Тюмени (384 человека), а также экспертный опрос специалистов в области социальной поддержки семьи и семейного воспитания (всего 94 эксперта).

Ответы экспертов относительно возможностей укрепления института семьи в современных социально-экономических условиях в России показали их оптимистическую настроенность – более половины респондентов ответили положительно (54,2%) (см. рис. 1).

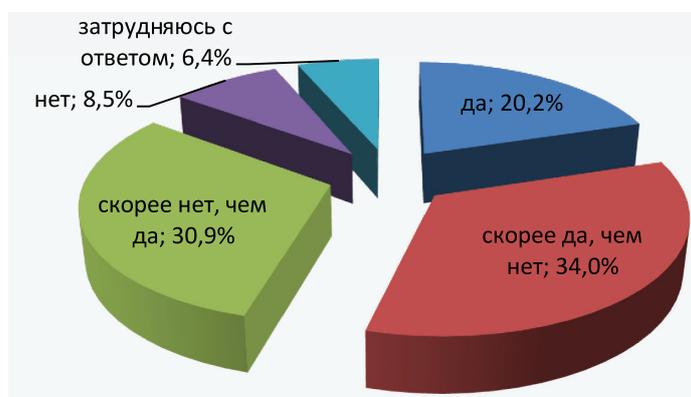

Рис. 1. Распределение мнений экспертов относительно возможностей укрепления института семьи в России, %

К факторам укрепления института семьи население г. Тюмени отнесло преимущественно внутренние факторы, а именно взаимопонимание, теплые взаимоотношения (62,2%), любовь (55,7%), наличие детей (53,1%), искренность, честность во взаимоотношениях (44,8%). Материальный достаток, сдерживание, контроль, самостоятельность всех членов семьи отметило незначительное число респондентов.

Анализ мнений населения о факторах укрепления семьи в зависимости от их возраста показал в целом схожие во всех возрастных группах тенденции (рис. 3).

Особое значение в исследовании уделялось проблемам оказания помощи семье, в том числе и со стороны государственных властных структур. На вопрос, нуждается ли современная российская семья в помощи со стороны государства, мнения экспертов разделились: 54,2% утвердительно ответили на этот вопрос, 39,4% считают, что семья в помощи не нуждается (рис. 4).

Население, отвечая на вопрос о необходимых формах поддержки семьи со стороны государства, неоднозначно ответило о своих потребностях. Так, более трети респондентов (34,4%) указали на

отсутствие необходимости в помощи государства. Примерно столько же отметили потребность в материальной

помощи (34,9%). Остальные виды государственной помощи менее востребованы (рис. 5).

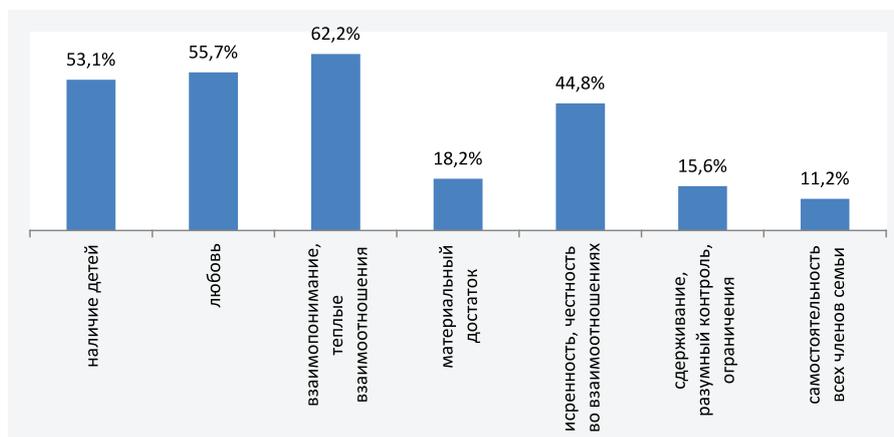

Рис. 2. Мнение населения о факторах укрепления семьи, %

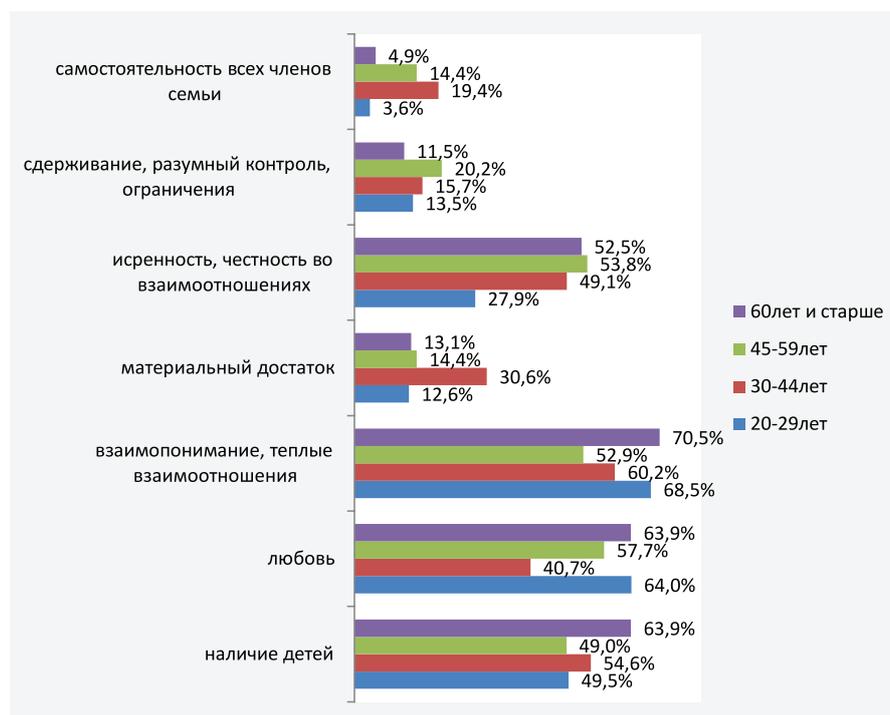

Рис. 3. Распределение мнений респондентов относительно факторов укрепления семьи в зависимости от их возраста, %

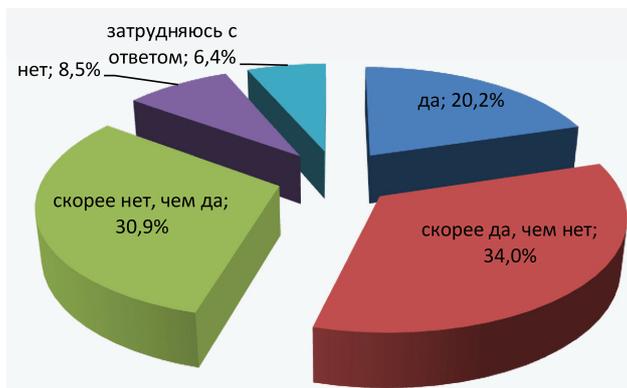

Рис. 4. Распределение мнений экспертов на вопрос «Нуждается ли российская семья в помощи со стороны государства», %

Примечательно, что некоторые виды государственной поддержки, относящиеся к первоочередным задачам государства и гарантированные Кон-

ституцией, тем не менее, не оказываются в должном объеме. Речь идет о предоставлении мест в образовательных и дошкольных учреждениях (рис. 5).

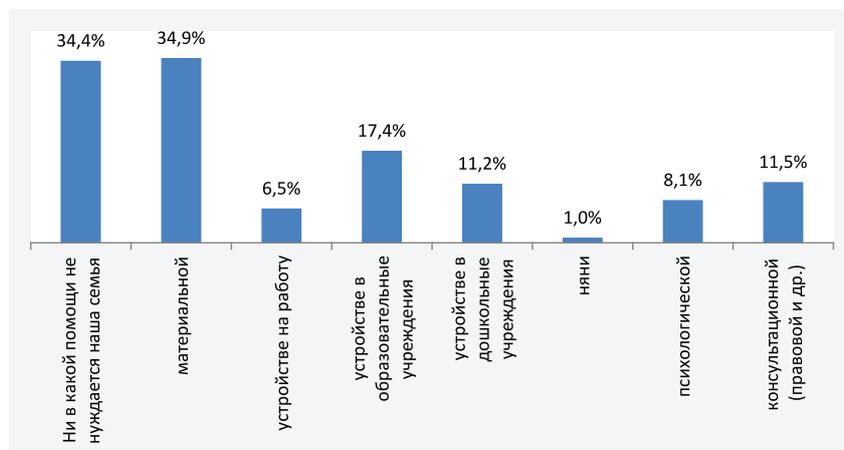

Рис. 5. Потребность семей в различных видах государственной поддержки, %

Деятельность властей в области поддержки семьи респонденты оценили в большинстве своем отрицательно (61,4%) и только 4,4% скорее положительно. Эксперты более высоко оценили деятельность органов властей в данной сфере – 14,9% дали

положительную оценку. Удивительно, что 40,4% экспертов и 22,7% населения охарактеризовали деятельность властей как «нейтральную», что позволяет сделать вывод об отсутствии ярко выраженных преобразований в области поддержки семьи.

Эксперты в оценках эффективности господдержки фактически солидарны с респондентами. В дополнение к перечисленным направлениям господдержки, по их мнению, необходима помощь семье в сфере улучшения жилищных условий, выделения материальной помощи, создания центров консультационной поддержки населения.

В заключение необходимо отметить, что укрепление института семьи, проявляющееся в повышении престижа брака, ответственного родительства и многодетности, должно стать первоочередной государственной задачей. Для ее решения требуются новые принципы управления и взаимодействия гражданского общества и государства в интересах семей, родителей и детей, основанные на возможности непосредственного влияния семейных и родительских сообществ на принятие решений на всех уровнях власти.

Библиографический список

1. Антонов А. И. Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи // Антонов А. И. Социология рождаемости. – М., 1980.
2. Архангельский В. Н. Взаимоотношения в современной российской семье // Народонаселение. – М., 2002.
3. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. – М., 1976.
4. Марковская Н. Г. Место семьи в системе ценностных ориентаций личности : автореф. ... канд. социол. наук. – М., 1990.
5. Ольшанский В. Б. Психология практикам: учителям, родителям и руководителям. – М., 1996.
6. Устинова О. В. Управление воспроизводством населения // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 28 сентября 2012 г. Ч. 9. – Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. – С. 139.
7. Устинова О. В. Повышение рождаемости в контексте проблемы управления процессами воспроизводства населения на региональном уровне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4 (4). – С. 81.
8. Хайруллина Н. Г. Социально-демографическая ситуация: результаты исследования // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. – 2010. – № 4. – С. 205–208.
9. Хайруллина Н. Г. Коренные народы Тюменской области: взгляд социолога. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2012. – 476 с.
10. Winch R. F. Mate-Selection: A Study of Complementary Needs. – N. Y., 1958.
11. Murstein B. I. Who Will Marry Whom? Theories and Research in Marital Choice. – N. Y., 1976.
12. Lewis R. A. A Development Framework for the Analysis of Premarital Dyadic Formation, 1972.
13. Center R. Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory. – SPRINGFIELD, 1975.

Bibliograficheskiy spisok

1. Antonov A. I. Izuchenie reproduktivnykh ustanovok kak odna iz vazhneyshih zadach sotsialno-psihologicheskogo issledovaniya semi // Antonov A. I. Sotsiologiya rozhdaemosti. – M., 1980.
2. Arhangel'skiy V. N. Vzaimootnosheniya v sovremennoy rossiyskoy seme // Narodonaselenie. – M., 2002.
3. Borisov V. A. Perspektivy rozhdaemosti. – M., 1976.
4. Markovskaya N. G. Mesto semi v sisteme tsnostnykh orientatsiy lichnosti : avtoref. ... kand. sotsiol. nauk. – M., 1990.
5. Olshanskiy V. B. Psihologiya praktikam: uchiteleyam, roditelyam i rukovoditelyam. – M., 1996.
6. Ustinova O. V. Upravlenie vosproizvodstvom naseleniya // Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya : sb. nauch. tr. po mat-lam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 28 sentyabrya 2012 g. Ch. 9. – Tambov : Izd-vo TROO «Biznes-Nauka-Obschestvo», 2012. – S. 139.
7. Ustinova O. V. Povyishenie rozhdaemosti v kontekste problemy upravleniya protsessami vosproizvodstva naseleniya na regionalnom urovne // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2012. – № 4 (4). – S. 81.
8. Hayrullina N. G. Sotsialno-demograficheskaya situatsiya: rezul'taty issledovaniya // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta im. A. N. Tupoleva. – 2010. – № 4. – S. 205–208.
9. Hayrullina N. G. Korennyye narody Tyumenskoy oblasti: vzglyad sotsiologa. – Tyumen : TyumGNGU, 2012. – 476 s.
10. Winch R. F. Mate-Selection: A Study of Complementary Needs. – N. Y., 1958.
11. Murstein B. I. Who Will Marry Whom? Theories and Research in Marital Choice. – N. Y., 1976.
12. Lewis R. A. A Development Framework for the Analysis of Premarital Dyadic Formation, 1972.
13. Center R. Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory. – SPRINGFIELD, 1975.

© Пивоварова И. В., 2014

Akademičký život

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2014 году

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция
«Проблемы современного образования» (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Новые подходы в экономике и управлении» (К-09.15.14)

17–18 сентября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы» (К-09.17.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы» (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Проблемы становления профессионала» (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации» (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция
«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы связей с общественностью» (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития» (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия» (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе» (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии» (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования» (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция
«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы» (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция
«Проблемы развития личности» (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция
«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»
(К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии» (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция
«Безопасность человека и общества» (К-12.07.14)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere-CZ» (Prague) in 2014

September 10–11, 2014.

V international scientific conference

«Problems of modern education» (K-09.10.14)

September 15–16, 2014.

IV international scientific conference

«New approaches in economy and management» (K-09.15.14)

September 17–18, 2014

International scientific conference

«Modern philosophical paradigms: the interaction of traditions and innovative approaches» (K-09.17.14)

September 20–21, 2014.

IV international scientific conference

«Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects» (K-09.20.14)

September 25–26, 2014.

II international scientific conference

«Problems of formation of a professional» (K-09.25.14)

September 28–29, 2014.

II international scientific conference

«Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization» (K-09.28.14)

October 1–2, 2014.

IV international scientific conference

«Foreign language in the system of secondary and higher education» (K-10.01.14)

October 5–6, 2014

V international scientific conference

«Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches» (K-10.05.14)

October 10-11, 2014.

International scientific conference

«Actual problems of Public Relations» (K-10.10.14)

October 12–13, 2014.

International scientific conference

«Informatization of higher education: current situation and development prospects» (K-10.12.14)

October 13–14, 2014.

International scientific conference

«Purposes, tasks and values of education in modern conditions» (K-10.13.14)

October 15–16, 2014.

IV international scientific conference

«Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction» (K-10.15.14)

October 20–21, 2014.

II international scientific conference

«Transformation of spiritual and moral processes in modern society» (K-10.20.14)

October 25–26, 2014.

IV international scientific conference

«Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions» (K-10.25.14)

October 28–29, 2014.

II international scientific conference

«Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies» (K-10.28.14)

November 1–2, 2014.

IV international scientific conference

«Religion – science – society: problems and prospects of interaction» (K-11.01.14)

November 3–4, 2014.

II international scientific conference

«Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement» (K-11.03.14)

November 5–6, 2014.

II international scientific conference

«Current issues of social researches and social work» (K-11.05.14)

November 10–11, 2014.

III international scientific conference

«Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects» (K-11.10.14)

November 15–16, 2014.

II international scientific conference

«Problems of development of a personality» (K-11.15.14)

November 20–21, 2014.

IV international scientific conference

«Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education»

(K-11.20.14)

November 25–26, 2014.

III international scientific conference

«History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future» (K-11.25.14)

December 1–2, 2014.

IV international scientific conference

«Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches» (K-12.01.14)

December 3–4, 2014.

II international scientific conference

«Problems and prospects of development of economy and management»

(K-12.03.14)

December 5–6, 2014.

III international scientific conference

«Current issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography» (K-12.05.14)

December 7–8, 2014.

International scientific conference

«Safety of a person and society» (K-12.07.14)

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по **социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 ноября, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск); **Антипов Михаил Александрович**, кандидат философских наук, доцент; **Белолипецкий Владимир Викторович**, кандидат исторических наук, доцент; **Ефимова Диана Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент; **Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук; **Саратовцева Надежда Валентиновна**, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), **Берберян Ася Суреновна**, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), **Большакова Алла Юрьевна**, доктор филологических наук, (Москва, Россия), **Волков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), **Голандам Араш Карим**, доцент (филология – Решт, Иран), **Гончаров Вадим Николаевич**, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), **Гринин Леонид Ефимович**, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), **Исламов Захиджан Махмудович**, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология –

Прага, Чехия), **Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), **Минияров Валерий Максимович**, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), **Мохначева Марина Петровна**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Насимов Мурат Орленбаевич**, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сердобинцева Елена Николаевна**, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), **Танцошова Джудита**, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Христова Наталия Цветанова**, PhD., профессор (история – София, Болгария), **Хрусталькова Наталья Александровна**, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), **Цибак Любош**, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал «**Paradigmata poznání**» (Парадигмы познания) ISSN 2336-2642 публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по **социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Статьи рассматриваются редакционной коллегией и могут быть отклонены. Статьи проверяются на отсутствие плагиата.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещают на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosfera.com>, а также на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, что обеспечит нашим авторам возможность повисить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, **заместитель главного редактора – Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук.

Международная редакционная коллегия

Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Бойцов Виктор**, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), **Бушина Филип**, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), **Вернигора Александр Николаевич**, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), **Девярых Сергей Юрьевич**, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), **Замаровский Петер**, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), **Ивановска Божена**, PhD. (социология – Варшава, Польша), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Крейчова Ленка**, PhD. (психология – Прага, Чехия), **Кобец Петр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Кэмп Марианне**, PhD., доцент,

(история – Вайоминг, США), **Лидяк Ян**, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), **Митюков Николай Витальевич**, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сигмунд Томаш**, PhD. (философия – Прага, Чехия), **Сзуппе Мария**, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), **Танцошова Джудита**, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Хаджкова Ванда**, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), **Хайруллина Нурсафа Гафуровна**, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,27; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–25 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид РР-ФИО, например: **РР-Петров И.В.** или **РР-German P.** Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте «Социосфера» до выхода номера из печати Да/нет

Стоимость публикации составляет **250 рублей** за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчёта 250 руб. за один экземпляр. В случае представления аннотации и ключевых слов на русском языке за перевод их на английский – дополнительная плата **250 рублей**.

Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **РР-Петров И.В.** квитанция или **РР-German P. receipt** и иметь расширение jpg или pdf.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации до 20 января, 20 апреля, 20 июля и 20 октября соответственно для каждого из номеров.

Контактный телефон в России +7-8412-21-68-14,
В Чехии +420608343967
Наш сайт: <http://sociosfera.com>
Наш e-mail: sociosfera@seznam.cz

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» (ISSN 2078-7081) publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosfera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In the help to a higher school teacher.
- In the help to a teacher.
- In the help to a competitor.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively for each issue.

Editor-in-Chief– **Boris Doroshin**, Candidate of Historical Sciences, assistant professor.

Editorial board

Iona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (responsible for release), **Michail A. Antipov**, Candidate of Philosophical Sciences,

assistant professor, **Vladimar V. Belolipeckiy**, Candidate of Historical Sciences, assistant professor, **Diana V. Efimova**, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, **Umidjon R. Kushaev**, Candidate of Philosophical Sciences, **Nadezhda V. Saratovceva**, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor.

International editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria); **Alla Yu. Bolshakova**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Asya S. Berberyan**, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia); **Sergey N. Volkov**, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia); **Arash K. Golandam**, assistant professor (Philology – Rasht, Iran); **Vadim N. Goncharov**, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia); **Leonid E. Grinin**, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia); **Zahidzhan M. Islamov**, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic); **Natalia. Ts. Khristova**, Ph.D, professor (History – Soffi a, Bulgaria); **Viktor V. Kondrashin**, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia); **Valeriy M. Miniyarov**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia); **Marina P. Mokhnacheva**, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia); **Murat O. Nasimov**, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan); **Miroslav Sapik**, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic); **Elena N. Serdobintseva**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia); **Natalia A. Hrustalkova**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia); **Lubosh Cibak**, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Science journal «Paradigmata poznání» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems. Articles are considered by the editorial board and may be rejected. Articles are checked for plagiarism.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru>, it will give our authors the opportunity to raise their index of quotation. The index of quotation is accepted in scientific world measure of paper «significance» of some scientist. The size of index is defined by the quantity of links on this paper (or surname) in other sources. In world practice the index of quotation is not only advisable, but it's the necessary criteria to evaluate the professional level of professors and teaching personnel.

The content of journal has following parts:

- Theory and analyses.
- Empirical and applied studies.
- Surveys, reviews and comments.
- Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – **Ilona G. Doroshina**, candidate of psychological sciences, assistant professor; **Deputy Editor-in-Chief** – **Umidjon R. Kushaev**, PhD. (philosophy).

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Victor Boicov**, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), **Phillip Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), **Aleksandr N. Vernigora**, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), **Sergey Yu. Devyatykh**, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), **Bozhena Ivanovska**, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), **Vanda Hajkova**, DrPaed., assistant professor (Education – Prague, Czech Republic), **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Nursafa G. Khayrullina**, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), **Lenka Krejcová**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), **Petr N. Kobets**, doctor of law, professor (Moscow, Russia), **Andrey V. Korotayev**, doctor of history, professor (Moscow, Russia), **Marianne Kamp**, Ph.D, assistant professor (History – Wyoming, USA), **Jan Lidiak**, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), **Nikolay V. Mityukov**, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), **Miroslav Sapik**, Ph.D. assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Tomash Sigmund**, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), **Mariya Szuppe**, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), **Peter Zamarovsky**, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@yandex.ru. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: **PP-German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail

I agree to publish the article on «Sociosphere» website before the journal come out in print **Yes/No**

The publication fee is **5 € per page**. Participants will receive one copy of the Conference Proceedings per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for **5 €** per copy. In case of submitting an abstract and key words in Russian, translation into English will cost extra 4 €.

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th January, 20th April, 20th July and 20th October, respectively for each issue.

Telephone +78412216814 (in Russia), +420608343967 (in Czech Republic)
Director of the SPC «Sociosphere» – Ilona G. Doroshina
Editor-in-Chief – Boris A. Doroshin
Our site <http://sociosphera.com>
Our e-mails: sociosphere@yandex.ru, sociosfera@seznam.cz

**Образец оформления статьи для журналов «Социосфера»
и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

УДК 908(470)

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. Некоторую часть из них

включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8].

Библиографический список

1. К юбилею Семиреченска // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95. – С. 5–8.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ ACTA HUMANITAS

INFORMATION ABOUT THE JOURNAL

«ACTA HUMANITAS»

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на чешском и английском языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sarik@vspsv.cz. Формат страницы А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются бесплатно.

Образец оформления статьи

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů*Jiří Kohoutek*

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifitějším tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspsv.cz**.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Europeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Říchová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»).

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *;
- изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу;
- дизайн обложки – 500 рублей;
- печать тиража в типографии – по договоренности;
- данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премимум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*;
- making an artwork – 0,7 € per 1 page;
- cover design – 11,1 €;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 3, 2014

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – V. A. Dorošina
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 18.08.2014.60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 21,12.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz